

Леонид Бабанский

ПРАКТИКА СОПРИКОСНОВЕНИЙ

18+

Леонид Бабанский

Практика соприкосновений

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бабанский Л.

Практика соприкосновений / Л. Бабанский — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08553-4

«Практика соприкосновений» – роман, содержащий код. И состоящий из кода, поскольку основан на подлинных фактах. Код счастья. Последовательность мистических событий и естественных контактов на закате коммунистической эпохи приводит к торжеству абсолютного материализма. Вначале это произойдёт с одним человеком, потом со многими, кто поймёт, осознает и прочувствует, что мысль материальна. Тогда наступит возможность пользоваться этим обстоятельством. Во благо. Многим, но не всем. Все счастливыми не станут никогда. Тем более, одновременно. Но у вас есть шанс. Начните с первой страницы.

ISBN 978-5-532-08553-4

© Бабанский Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Кто-то скажет, что Великая Отечественная война окончилась в мае 1945 года, кто-то уточнит, что это произошло в сентябре, в том же году, но я-то знаю – далеко не для каждого из её участников. Мой родной отец ещё длительное время гонялся за бендеровцами по долинам и по взгорьям Прикарпатья, держа в руках страховидный автомат ППШ, иногда бендеровцы гонялись за ним, при этом имея на вооружении всякую гадость, наподобие «Шмайсера». Эта беготня продолжалась бы вплоть до наших светлых дней, если бы не деятель Хрущёв Никита Сергеевич. Он безобразно прекратил гениально просто: кое-кого из руководителей подполья принял в свой партийный аппарат, коих пересажал по-сталински, а многих по-сталински выслал в отдалённые регионы, отчего на Украине сразу же воцарились тишина и благодать, осеняемые иногда заметным лишь для понимающих жовто-блакитным флагом.

Но от этого война не окончилась. Мне кажется, Великая Отечественная началась когда-то давным-давно и конца ей до сих пор не видно. Так она и гроыхает, то холодом, то жаром стучится в моё сердце. Войне наступает конец, когда приходит мир. И людям мир вроде бы нужен. Но они к миру не стремятся. Не знают, какой мир им нравится. И людям, я с детства так думал, нужно помочь. Создать им мир. Но на основании чего? Равенства – нет. Братства – нет. Единого для всех благополучия – нет. Вот на базе познания можно было бы всем примириться, да какое в те годы было познание – сам-то в школе учился так, не ахти. Я и товарищам не мог помочь, как следует. Помню, лучшего друга, Валерку, вызвал к доске англичанин, весь крутой – после Оксфорда прямоком пожаловал в нашу школу. Учителем. Что он там делал, в этом самом Оксфорде, никто толком не знал, но с виду он был чистый Байрон – из висящих в классе портретов больше его и сравнить было не с кем. Породистый. Довоенный. Не то, что наши исхудалые отцы. И вызывает этот Байрон Валерку к доске, и спрашивает его – не мог бы он сказать по-английски какое-нибудь слово. Например, «правительство». И было бы совсем неплохо, когда он смог бы это слово написать на доске. Ну, насчёт написать, это для Валерки было сложновато, а вот произнести этот термин он рискнул. С моей подсказки. Главное, я-то правильно подсказывал, с учебника, а друг мой недослышал или недопонял, ну и брякнул что-то, наподобие «гавён мент». Конечно, кто после Оксфорда, тот не всякий может такой английский спокойно воспринять, да и эра на дворе тогда стояла специфическая: обещали много, платили мало. Потому, видимо, наш учитель, будучи не в духе, так Валерке и сказал: «Сит, – говорит он ему, – даун...». И спился. В скором времени. Кто бы мог подумать. Ничем ему не помогло ни оксфордское произношение, ни английский шик. Мёл какое-то время школьный двор, потом и вовсе сгинул. А Валерка до сих пор на меня обижается за тот случай в смысле того, что если не умеешь подсказывать, так и не суйся, а то видишь – угрохал хорошего человека. Перспективного. Хотя я, конечно же, для них обоих как мог, так и старался. И вообще. Я так считаю: если вызывают тебя к доске, так слушай, что подсказывают. Слушай ухом, а не брюхом. И будет тебе познание.

Ссылных граждан направляли туда, где в них более всего нуждались – на стройки народнохозяйственного назначения. Там же оказывались и их демобилизованные сатрапы, гонители и преследователи. А тут как раз подвернулась опять сталинская, но уже погребальная, посмертная, то есть, ну, в его честь, значит, тотальная амнистия, отчего поток уголовников всех мастей и форматов устремился по тем же адресам. На работу брали тогда всех желающих, а нежелающих загоняли угрозами, прикладами и пинками. Ссылный народ был не в восторге от такого способа трудоустройства, по какой причине на нашей огромной градообразующей ткацкой фабрике рабочая обстановка и производственные отношения имели оттенок простой взаимной ненависти. Откровенно недолюбливали друг друга все и всех, вдоль и поперёк, сверху донизу, а любили одних только ткачих, которым отказаться было неудобно – как-то не принято. Любили прямо на фабрике, на рабочих местах – на кучах ветоши.

Любовь порождала детишек, причём далеко не каждый происходил от отца и матери. Чаще от одной только матери, отца потом никто из них не встречал никогда, ни разу в жизни.

И жили деточки кто где. И где как. В общагах, в бараках, в коммуналках, а то и в подвалах жилых домов, разгороженных комнатёнками, тоже наподобие общаг.

Но у меня были папа, мама, бабушка, мы жили в огромной по тем временам двухкомнатной квартире, хоть и на первом этаже. И всё это великолепие возникло благодаря примерной отцовской фронтовой службе и заметному положению его на службе милицейской. Этаж квартиры по тем временам особенно выбирать не приходилось. Тем более, что окна так высоко находились над асфальтом, что взрослому было рукой не достать, не то, что пацану. Снежки, правда, долетали. И попадали. Ещё бы им не попасть – такие были у нас огромные окна. И колобки тогда лепились превосходные... Мне всё казалось большим в нашей квартире комнаты, коридор, кухня и даже огромный дровяной сарай, который превосходно получился из ванной. Действительно, зачем ванная, когда нет горячей воды? Пусть будет дровяная. И получилась! Когда я открывал дверь дровяной – оттуда вырывался изумительный лесной запах, смоляной, пропитанный птичьими и звериными тайнами. Жаль, мама редко позволяла мне такую радость – она слышала, да и я слышал, и все другие слышали, что там, в глубине, между поленьями, скребётся мышка. Или две. Одной невозможно так быстро перескочить из угла в угол. Потому эти замечательные животные всегда были крепко-накрепко заперты толстенной дверью. А ещё такие чудеса происходили в нашей квартире: ночью, в самой темноте, в самом укромном уголке, даже если находиться с головой под одеялом, даже с закрытыми глазами, происходили странные вспышки света. Не каждый день, даже не каждый месяц, но происходили. Бывало так, что вспышки следовали одна за другой. Их в народе называли зарницами. Говорили об этом многие, но очевидцев мне не встречалось. Ничего себе, зарницы, ночью и под одеялом. И цвет этих зарниц был необыкновенный, я бы его назвал сине-фиолетовым. Бабушка объясняла это явление, о котором я ей рассказал, так, что Бог гневается из-за того, что церкви позакрывали. Возможно, так оно и было, только потом я узнал, когда стал повзрослее, что неподалеку от нашего города, приблизительно в восьмистах километрах, находился подземный Семипалатинский ядерный полигон. Может быть, это он и попыхивал.

Деда своего я не помнил, потому что не знал. Вернее, знал о нём только с бабушкиных слов и слёз. Он погиб в начале войны под далёким городом Ленинградом, в составе сибирского народного ополчения. Дед воевал целую неделю, пока ехал в эшелоне до станции назначения. А как приехал, в тот же день разбомбили его немцы вместе со станцией и всем его ополчением – совершенно мирных гражданских лиц, никогда не державших в руках оружия. Гражданским лицам оружие не полагалось даже на фронте. Его надо было взять в бою, у мёртвого врага. Или живого, но дедушка таких навыков всё равно не имел. Он был банкиром – заведовал настоящим районным сельским банком. То есть, был большим начальником. Но в те времена начальников часто арестовывали. И дедушку пытались арестовать, но ничего у них не получилось. Потому что, когда большевики приходили за дедом с винтовками и наганам, он, как назло, оказывался мертвецки пьян. Не то, чтобы на вопросы отвечать – ходить отказывался, потому что не мог. Раз пришли, другой пришли – ну, куда это годится? Нехорошо. А что ещё можно было ожидать от беспартийного негодяя? Видят большевики – дело дрянь. Так и отступились. Не под силу им оказалось деда на руках вытаскивать. И к стенке не смогли приставить. Он и стоять не мог. А лежачего расстреливать вроде было незаконно. В особенности, если он пьян как свинья. Получается, будто под наркозом. Вот заместитель дедушкин трезвым попался – того сразу расстреляли. Прямо во дворе госбанка – бабушка рассказывала. В силу высшей революционной необходимости.

Но чего большевики не смогли сделать, то немцы доделали. Фашисты. Убили деда. И памятник ему стоит на месте бомбёжки, в составе остальных погибших ополченцев. И фамилия его золотом сверкает. Подо Мгой. Памятник участнику боевых действий, никогда не державшему в руках оружия.

Вообще, вспоминая далёкие послевоенные годы надо признать, что воздух был пропитан смертью. Взрослые, я и сейчас так думаю, просто боялись потерять жизнь ни за что, ни про что. Среди бела дня, на моих глазах, на Ленинском проспекте, когда мама и папа вели меня с обеих сторон на прогулку, прямо напротив нас возникла поножовщина. Это когда несколько дядей тычут друг друга ножиками и полосуют один другого сверкающими на солнце опасными бритвами. Папа, я помню, сунул руку во внутренний карман и простоял спокойно до тех пор, пока окровавленные дяди не разбежались. Мне эта сцена понравилась до полного восторга, испугало в тот момент только бледное мамино лицо. По возвращении домой после той прогулки, мама расстроилась совершенно. Даже отчего-то расплакалась. Потому, наверное, что перед этим событием отец случайно попил пива, ну, пару кружек. Имея при себе оружие. А папа отвёл меня в большую комнату, вынул из того самого внутреннего кармана большой чёрный пистолет, из-за которого получился такой скандал, вытащил патроны, разобрал его при мне на части, собрал и дал поиграть, пока утешал маму. Вот это была игрушка... Когда потянешь за верхнюю планку – обнажался толстенный никелированный ствол. Если хватало сил дотянуть планку до упора, курок замирал в оттянутом положении. А если отпустить планку, которую папа называл затвором, потом нажать на курок, следовал громкий шелчок, почти как выстрел.

Выстрелы я слышал многократно. Не знаю, как в других местах, в нашем городе в ту пору грохотала автоматными очередями самая-самая первая чеченская война, когда чеченцы протестовали против пересылки их в Сибирь прямо на нашем железнодорожном вокзале. А уже потом наступила амнистия для страшных преступников. Именно в тот момент я сообразил, что все эти обстоятельства касаются и меня, как всех прочих, и меня убьют или ранят, если захотят. Тогда я и осознал, что смерть есть вообще. И она придёт к каждому. Как бандит. И всё равно убьёт. И меня больше никогда не будет. Никогда! И никакие другие точки зрения, кроме материализма, в нашем доме не признавались. Впервые тогда мне стало страшно. Будто смерть уже стояла передо мной. Только в тот единственный момент, когда я держал в руках папкин пистолет, целился в невидимого бандита, и собирался бороться с ней изо всех возможных сил, тогда, мне показалось, она отступила.

Я ошибался.

Бабушка моя, Татьяна Лукьяновна, из православных татар, глубоко верующая, отличалась характером волевым и строгим. Она любила, как мне казалось, одного только деда, скоропостижно погибшего на фронте, о нём только думала, только о нём и молилась. А со мной как-то особенно не разговаривала – не имела, видимо, серьёзного повода для беседы.

Но вот однажды родители подарили мне неслыханную по тем временам роскошь – резиновые сапоги. Блестящие, самые настоящие, внутри малиновые и самый мой размер. Конечно, чёрт меня понёс проверить их водостойкость в лужах с плавающими льдинами, поскольку дело обстояло ранней весной. Раз меня поругали, другой раз поругали, а потом и забыли, что обувь моя очень холодная – в ней ходишь, будто босиком по снегу. И вот в один промозглый день, я до костей промёрз, а домой никак не шёл, несмотря на бабушкины призывы, поскольку родители находились на работе. Когда, наконец, я постучался в родную дверь, то бабуля непустила меня в дом из педагогических соображений. Так и сказала на пороге:

– Гулять любишь? Так иди, ещё погуляй. Будешь знать, как не слушаться.

В её роду-племени считалось так, что слушать старших надо обязательно, а жить нет. Как их род назывался – не припомню, но мне отец говорил. Кумульдинцы, что ли... Я ещё погулял часика два, пока не пришла мама. Домой она привела меня тогда, когда я уже не чувствовал ног.

И крик был, и шум, и мне, и бабушке досталось сполна, но на следующий день я разболелся так, что чуть не помер. Пару месяцев находился с температурой, в таком тяжёлом состоянии, что в постели не мог повернуться с боку на бок – сразу одышка начиналась. Это хорошо ещё пару дней, но не месяцев. За такое время можно многое понять. И я понял – умираю.

Что бы мне не говорили. Вот, говорили, скоро выздоровеешь. Куда там, когда всё хуже и хуже. Страх не было, его полностью подавила жуткая слабость. И любопытство – это что же теперь будет?

Мама, хоть и плакала, но надежды не теряла, бегала по профессорам и разным медицинским светилам, и до того добегалась, что одно из них, из светил, посоветовало, хоть и без всякой надежды, применить против моей непонятной болезни аспирин, только начинающий в те годы своё победное шествие по планете. Его нашли, заставили меня глотать кислые таблетки, и вдруг, как мне показалось, они подействовали. Температура снизилась, появился интерес к окружающей действительности: что за еду мне принесли? Что за игрушки навалены на столе? И внутри меня жар угомонился. Да вот ещё бабушка, назначенная мамой главной виновницей случившегося, днём и ночью молилась о моём здоровье. И домолилась до того, что мною конкретно заинтересовались.

Однажды вечером, при свете голой электролампочки, я читал, лёжа в кровати, книжку с картинками, когда рядом со мной кто-то пробежал, царапая когтями непокрытый пол нашей комнаты, остановился рядом со мной, переводя частое дыхание, обежал вокруг стола и затих. Никого при этом видно не было, запахи или движение воздуха не ощущались. И только я подумал – не мышь ли это с таким шумом бежит под полом, как кто-то другой, невидимый, скорее всего, двуногий, проскакал тем же маршрутом на копытах среднего калибра, не производящих чересчур громкий топот. А почему двуногий? Потому, что аллюр был не тот. Не лошадиный.

Сомнений уже не оставалось: около меня происходила чья-то беготня.

– Мама! – закричал я диким голосом.

Мать прибежала вместе с бабушкой.

– Что случилось!?

– Здесь кто-то есть.

– Кто? Где? Не может быть!

Мама потрогала мой лоб, потом обследовала комнату. Начались слёзы.

Бабушка тем временем организовала молельный угол и стала на колени перед святителем Николаем. В те годы коммунистам категорически запрещено было развешивать по стенам иконы и открыто посещать религиозно-культурные учреждения. Закрыто, кстати, тоже. От отца бабушке приходилось набожность скрывать, а мама ей в этом помогала.

Но подобная беготня повторилась ещё один раз. Тогда Татьяна Лукьяновна, продолжая неустанно читать молитвы, обрызгала пол моей комнаты святой водой. Нечистая сила, как я это понимал, призадумалась, но всего на пару дней. Потом, такой же вечерней порой, только я оторвал взгляд от книжки, как увидел, что из противоположной стены, прямо на моих глазах, высунулись чёрно-белые хари, штук десяток, которых иначе, чем чертями, невозможно было обозначить.

Хари, сгрудившиеся в кучу, были страшны, но малоподвижны. Набросанные одними и теми же мазками, объёмные, торчащие из стены по самые свои шеи, они уставились на меня, без особой злобы и ненависти, хотя выглядели устрашающе. Ни одна рожа не повторялась, но каждая была, насколько возможно, мерзкой и пакостной. Кто-то из них, как помню, напоминал волосатую собаку с плоской мордой, кто-то изображал лысого кота, кто-то пребывал в образе драной козы, всё хари, хари... Ни одного лица, похожего на человеческое, мне усмотреть не удалось, возможно, из-за дефицита времени, а может быть по той причине, что всё внимание к себе привлекал чёрт, скорее всего, главный, созданный на базе кривозубого изверга с удлинённым лицевым черепом, напоминающий крокодила с рогами и ушами. Среди них, возможно, были и те, кого чёрт носил рядом с моей кроватью. Но я либо ими был, таким образом, заранее предупреждён, либо святая вода и молитвы оказали соответствующее воздействие, или по той причине, что я уже устал их бояться, вдруг они все спрятались в стене, а на их месте остались разнокалиберные трещины в штукатурке, которых, похоже, я ранее не замечал.

Не стал я кричать, кого-то срочно призывать к себе, и так всё было ясно. Бабушка не зря, получается, побрызгала пол водичкой, вот они и не смогли на него наступить. Мелочь пузатая. А на стены не побрызгала – они и пролезли. Всё завтра расскажу бабуле, будут знать! А маме не расскажу, снова, не дай Бог, заплачет.

В нашей небольшой семье бабушку не принято было называть бабушкой, а только бабой. Как-то неловко было при посторонних, многие удивлялись, но само слово «бабушка» Татьяна Лукьяновна на дух не переносила как уничижающее её ещё молодую женскую сущность.

– Я – баба, – заявляла она всем, кто пытался именовать её бабушкой, – баба, и всё. Бабой и останусь.

Утром я к ней так и обратился.

– Баба Таня, – сказал я, – такое дело. Понимаешь...

– Что, – спросила она, – снова?

– Да. Из стены высывались. Но по полу не ходили.

– Не ходили, значит... Ладно же, – произнесла бабуля, и ушла, насупив брови.

Вечером того дня они с мамой обрызгали святой водой всю квартиру – и пол, и стены, и потолок, а потом каждый угол осветили церковными свечами. Отец в этом действии не участвовал, он всё работал, работал и работал. С этой минуты у меня в душе наступили мир и благодать, но история про мою болезнь на этом не кончилась. Серьёзные события чаще всего, как оказалось, бывают продолжительны, значительны и знаменательны.

Моя болячка окончилась, но в это пока никто не верил. Кормили меня чуть не с ложечки, пичкали аспирином с мандаринами, а самое обидное – безвылазно держали в койке без всяких на то оснований.

На тот, самый знаменательный в моей жизни день, я давно уже вставал и самовольно двигался по дому, когда оставался один. Дело явно шло на поправку. Я откровенно скучал по своему двору, по друзьям, по улице и, сколько позволяло отсутствие контроля, стоял у окна, как молодой орёл, вскормлённый на воле. Естественно, днём я выспался. И книжек начитался. Отчего ночью, когда проснулся носом к стенке, долго не мог уснуть. От скуки разглядывал свой коврик со всякими разными деревьями и оленями, ярко освещёнными лунным светом, потом закрыл глаза и повернулся на другой бок. Но, поскольку так или иначе не спалось, решил осмотреться.

И увидел.

Совсем рядом с моей кроватью, совсем близко, стояли чьи-то ноги. Я свесил голову и разглядел, что ноги были не простые, мне известных близких людей, а какие-то другие, потому, что обуты были не в туфли, не в боты, не в отцовы сапоги, а в лапти. Я удивился – на улице ещё снег, лужи, в сапогах можно разболеться, а тут на тебе. И как он ходит, в лаптях, без калош. Этак можно и простудиться. А древесные плетёнки, между прочим, надеты были на светло-серые портянки, перемотанные шнурком до самых колен, выше которых начинался светло-коричневый тулуп. Так в нашей семье не одевался никто.

Я поднял глаза повыше и чётко разглядел невысокого, но широкоплечего старика, стоящего рядом со мной совершенно неподвижно. Лицо у него было светлое, скуластое, нос небольшой, а вокруг борода.

Тогда я откинул одеяло и сел на кровати. В этот момент я страха, пожалуй, не испытывал. Какой мог быть страх, когда дедушка стоял не шевелясь, нисколько меня не пугал, даже не собирался, а мама спокойно спала неподалеку, на другой кровати. В тот момент я приступил к исследованию наблюдаемого явления.

Для начала обернулся к своему коврику и увидел, что он где висел, там и висит, и все олени находятся на своих местах. Я рассчитывал, что снова повернусь, а его больше не будет, и всё успокоится, и станет на своё место, но нет, посетитель не исчез и даже никуда не сдвинулся. В том возрасте, я уже слышал и про миражи, и про галлюцинации, но, чтобы от видения

можно было спокойно отвернуться, не представлял. Значит, подумал я, это в нашей комнате находится светящийся объект в виде дедушки, наподобие большой, цветной, объёмной фотографии. Однако, когда стоя в кровати на коленях, я к нему приблизился чуть не нос к носу, понял, что глаза у него живые и взгляд живой. Только немигающий. Он смотрел строго, даже сердито, как смотрели на меня до сих пор только некоторые профессора-медики. Позволил осмотреть себя, а я его чуть не обнюхал. Но из кровати на всякий случай не вылезал, чтобы, в случае обострения ситуации, тут же спрятаться под одеялом.

Запахов не было, но фактуру материала помню, как сейчас. Он был одет в тулуп из длинношёрстной дублёнки, без пуговиц, подпоясанный кушаком, за которым под левой рукой были заткнуты варежки, а под правой висела холщовая сумка-котомка, перекинутая лямкой через левое плечо. На голове у него была шапка из того же материала, отороченная тем же мехом, из-под которой выбивались длинные седые волосы. Лицо русское, скулы широковаты, взгляд пристальный, изучающий, не оставляющий ни малейших сомнений в том, что на меня смотрит не фантом, а живой, пронизательный человек, решающий в данную минуту мою судьбу. Главное, что поражало в его облике, это борода – длинная, по пояс, пышная, озаряющая меня светом чуть выющихся серебряных волос.

По некоторым соображениям, будущее моё решалось положительно, хоть я и слышал от старших, что если не буду слушаться родителей и плохо при этом себя вести, то придёт однажды старик, посадит меня в котомку и унесёт с собой навсегда. Куда, неизвестно. У меня, после внешнего осмотра сумки, сразу возникли сомнения, как он меня туда посадит, поскольку котомка маленькая, а я всё-таки большой и никаким образом в неё не помещаюсь. Это первое, что меня здорово утешило, а второе – взгляд его серых глаз. Сердитый, но не слишком, не до такой степени, чтобы в сумку меня запихивать и куда-то таскать. Показалось, что это не его уровень.

А время шло, пауза затягивалась, я не знал, как мне дальше действовать. Сказать ему: «Здравствуйте», не поздно ли? Что он ответит? Скажет, ну, наконец-то сообразил? Откуда мне было знать, что он живой. И тут в голову пришла интересная идея: надо потрогать его шикарную бороду, аккуратно, конечно, чтобы не дёрнуть, не обидеть, и сразу станет понятно, какой он на ощупь. Живой или нет. И пусть – что он скажет потом, то и скажет. Я бы в точности так и сделал, пересел к нему поближе, даже высвободил из-под одеяла руку, как тут все мои сомнения рассеялись. Он ожил, слегка пошевелился, его взгляд, явно потеплевший, обратился внутрь себя, будто он понял, что сейчас, когда всем всё стало ясно, мальчишка станет баловаться, и пора на этом с ним контакт окончить. Напоследок дедушка поднял выше пояса кисть правой руки и осенил меня нешироким крестным знаменем. Как он появился, я никогда не узнаю, а как он ушёл – знаю, потому, что провожал его взглядом до последней секунды пребывания. Он быстро удалился, как бы уехал от меня в сторону окна, строго по прямой линии, при этом уменьшаясь и превращаясь в светящуюся точку, а в направлении его движения светила неизвестная мне по имени яркая звезда. Звезда, очень большая. Необыкновенная. Золотая звезда.

Мама, когда проснулась и застала меня стоящим около окна, опять расстроилась до слёз.

– Скажи, – спросила она, – что ты здесь делаешь?

– Дедушка ушёл. Туда, где звёздочка.

– Какой ещё дедушка? Какая звёздочка? Пошли спать.

– Дедушка был здесь. И ушёл.

Мама сидела рядом, пока я не уснул. А утром, когда баба Таня узнала о случившемся, собрала мои лекарства, те, что под руку попались, и выбросила.

– Всё, – сказала она, – хватит травить ребёнка.

Болезнь окончилась.

Младшеклассники в те небезопасные годы жили как у Христа за пазухой – безмерно радовались дружбе и простым детским играм. Представьте, как можно полудохлым мячом играть в волейбол через рваную сетку до глубокой темноты. В наши просвещённые дни этого не может быть. А тогда было. Играли до изнеможения во всё, что угодно. Был мяч – в футбол. Была сетка – в волейбол. Ничего не было, никакого инвентаря, тогда в чугунную ж..у. С одинаковым вдохновением и восторгом. Ни кино вначале не было, ни телевидения – красота! Бездна времени.

А в промежутках между играми, собравшись в кучки, мы разговаривали. О чём? Кто постарше – как бы раздобыть денег на алкоголь и курево. И на ткачих, проживающих в перенаселённых общежитиях. Они тоже от денег не отказывались. А те, кто помладше, наподобие меня, более всего интересовались собственными национальностями. И не то, чтобы всех подряд пацанов интересовал этот вопрос, а просто дело обстояло так, что их родители только об этом и говорили. Не обязательно всё свободное время, но очень весомо, аргументировано и жёстко. Чтобы детишкам в голову западало. Это я сам слышал – при мне говорили, когда я в гости приходил к пацанам. Просто, глядя мне в глаза. Такое, например, говорили: вот тот дядя еврей, и определить это можно очень легко по некоторым признакам. А вот сын его, Боря, он тоже еврей. И это сразу должно быть ясно, кто они такие, потому и держаться от них следует подальше. Иначе будут от них неприятности: или подведут, или обманут. И так на меня пристально смотрели, будто бы я сам был еврей или в крайнем случае – колеблющийся. Сами же они, мои первые наставники по национальному вопросу, позиционировали себя хохлами, точнее сказать украинцами, людьми добрыми, но многострадальными, вследствие ущемления их интересов коммунистами и прочими нехорошими национальностями, стоящими у власти.

Непонятно было – я-то при чём? Кто я-то в этом калейдоскопе? Я, что ли, переселял народы? Вернее, я и подумать не мог, что на меня однажды ляжет ответственность за действия отца и его начальников. Но чувство некоторой отчуждённости во мне зарождалось ещё в те юные годы.

В нашей мальчишеской кучке я был самым младшим, следовательно, остальные были для меня главарями – приходилось побольше слушать, поменьше возражать.

А заводилой среди нас был Колька Марчук.

Во-первых, он прекрасно выглядел, был просто красавчик. Вьющиеся каштановые волосы, едва заметные веснушки, стройная фигурка – просто принц из западного фольклора. Мы, может быть, этого и не знали, но он точно знал. Ему мать сказала. Ну, не так уж сказала, чтобы напрямую, а в разговоре с сестрой. С Колькиной сестрой, она была его намного старше. Колька у них считался любимым малышом, потому они между собой общались так, будто он ничего не слышал и не понимал. Или наоборот, чтобы скорее развивался. А уж меня-то и подавно никто в упор не видел.

Как-то Колька привёл меня к себе домой. Его мать работала старшей медсестрой в зубной поликлинике, потому жили они неплохо. Все вместе, в одной большой комнате. А когда мы вошли – они лежали. Мать с дочкой посапывали рядом на раскладушках, прямо в центре комнаты, под люстрой. Отец – на кровати с никелированными шарами у стенки, за шкафом. У Кольки была отдельная раскладушка – можно сказать, всякой мебели у них имелось предостаточно, не то, что у нас. Только книжный шкаф отсутствовал – книжки лежали прямо на полу, в основном под отцовской кроватью. Он у них был самым грамотным – работал учителем в тюремной школе. Что батя преподавал – не знал никто, да и знать не хотел. Отец слишком много пил, оттого был в семье презираем и отторгаем, особенно в дни получек, после изъятия остатка денежной суммы. Но жить ему в доме разрешалось.

Колька в комнату вошёл как солнышко – родня разулыбалась. А он строго спросил:

– Где мои носки?

– Какие носки, Коленка, – его мамаша просто цвела и благоухала.

– Как какие? – нахмурился Колька. – Итальянские!

– Вот же они, сыночек, на столе. Куда ты их положил, там они и находятся.

Действительно, на круглом столе наподобие натюрморта располагалась пара носков невиданной доселе раскраски.

– А ну-ка подойди сюда, – ворковала мама.

– Это ещё зачем?

– А вот увидишь!

Колька нехотя приблизился.

– Вот тебе, роднуля, от меня, а вот от сестрички!

Мать торжественно вручила сынку две серьёзного размера шоколадки, большую редкость по тем временам. Просто так вручила. Ни с того, ни с сего. Ну, я пока отвернулся, стал разглядывать на полу кучу книг и, очень кстати нашёл среди них свою, давно потерянную «Три мушкетёра». Только я оборотился к Кольке за разъяснениями, как увидел следующую неизгладимую сцену. Друг мой Колька уже отхватил от обеих шоколадок по здоровенному куску и совершенно забил продуктом свой рот. В связи с невозможностью произнести какие-нибудь слова благодарности, Колька временно отложил плитки в сторону, расстегнул штаны, приблизил свою задницу к материнскому лицу и громко долбанул ей прямо в нос выхлопным газом. Мне на мгновение показалось – сейчас произойдёт убийство родной мамашей единоутробного сынишки. Но нет:

– Аристократик! Истинный аристократик, – прошелестела маманя. А сестрёнка Галя порозовела и захихикала как дура. Захихикал даже Колькин отец, преподаватель спецшколы.

Я ушёл в замешательстве и раздумьях. Я представлял и всё не мог себе представить размеры скандала в нашей семье после подобной выходки с моей стороны. Надо же, я думал, люди-то какие разные бывают. И живут все, оказывается, по-разному. Вот у них, у хохлов, то есть, у украинцев, всё дома разрешается, что хочешь, то и твори. А у нас, которые русские, головы дома не поднять. Только попробуй, пикни. Заключают. И словами, и руками, и ремнём. Никакой нет свободы.

Времена шли, но наша дружба с Колькой продолжалась, да и как можно было раздружиться с таким замечательным человеком. Тем более, что у него вдруг появились совершенно обалденные штаны – чёрные, на заклёпках, снабжённые невиданным ранее множеством карманов.

– Коль, скажи, вот этот-то карман зачем, – спросил я его однажды, изнывая от любопытства.

– Эх, чудила, – снисходительно ответил Колька с видом экскурсовода по собственным штанам. – Этот карман для ключей, а этот вот карман для газеты. Потому, что у них, в Америке, все с газетой ходят. Ну, узнать что-нибудь. Какие цены, какое где кино. У них товаров всяких много, надо цены знать. А то купишь неизвестно что, дрянь какую-нибудь. Хотя у них всё шикарно везде, да мало ли... И про политику почитать. У них всё разное пишут про политику, не то, что у нас – лепят сплошь всё одно и то же.

Хороши были штаны, ничего не скажешь. Первородные послевоенные. Но, как оказалось, был у них один-единственный недостаток. Штаны эти хоть и назывались джинсы, или правильно сказать – джины, а то джинс по-американски и так есть множественное число, но там, где носят ремень, на этих джинах был яркий украинский узор. Так что, не подлинная это была Америка, а хохляцкие вышиванки. Оно бы, конечно, и ничего, но вот Колькины одноклассники, наиболее просветлённые по части всяких модных веяний, сочинили про Кольку за эти штаны очень обидную, как ему показалось, дразнилку. Идём это мы с ним как-то, идём, вдруг подходят к нам здоровые пацаны, посмотрели на штаны его и говорят Кольке:

– Привет, Хайльюра! Джон – Петлюра...

Поздоровались, да и поздоровались, поговорили, да и разошлись. Но Колька почему-то штаны эти больше не носил. А я долго думал, что же это за хайльюра такая необыкновенная?

Кольку спрашивать неудобно было, вдруг примет за идиота, а потом я и сам догадался. Никакая это была не хайльюра, а просто два слова, произнесённые слитно – Хайль и Ура! Вот и получилось приветствие, смысл которого взрослым оставался неясен, а то бы могли и заругаться. Самому же Кольке может, и не так обидными показались эти слова, как его самого очень точно демаскирующими. Потому, что думал он только про Америку. И все друзья его думали только о ней. Да и я тоже, вслед за ними.

Идём как-то мы с Колькой и другом его Витькой Морозом по Ленинскому проспекту, а проспект в ту пору был обновлённый и помолодевший, даже построены были на Ленинской площади две огромные, сверкающие новизной, семиэтажки. И кое-какие афиши появились неоновые, и уличные украшения, и витрины товарами заполнились, хоть и бутафорскими, в общем воцарился шик и блеск. Тут я и говорю:

– Смотрите красотища какая! Как в Америке.

Витька, конечно, захохотал:

– Нашёл Америку! Где ты её видишь – деревня кругом.

– А как же огонёчки? А витрины? Она и есть! Чистая Америка.

– Ага, огонёчки... Это, знаешь, как называется? Воскресенье в сельском клубе!

– Не, не, – присоединился Колька, – не так. Витька, ты не врубаешься. Вот если шли бы мы сейчас по Америке, всё было бы почти что так же, как здесь, у нас – и дома, и огонёчки. Вот только вывески другие бы висели. Например, не «Клуб», а «Клаб». Не «Лакомка», а «А ля Комка». Не «Институт», а «Инстительюшен», ясно?

– Как же, – поддержал я Кольку, – вот тут бы, например, висела вывеска не «Молоко», а «Мольёкоу», точно?

– Точно! Соображаешь!

А Витька думал, думал и изрёк:

– «Закисочная»!

Это вместо слова «Закусочная». Тут уж мы с Колькой засмеялись над ним в покатушки.

– Ну, Витька, ты и выдал! Ну, изобрёл!.. Хохляндию с Америкой попутал! Не годишься ты в штаты ехать. Придётся тебе пока что в своей «закисочной» киснуть.

– Да сами-то вы, американцы хреновы, – злился Витька, – вас кто туда пустит? Прямо ждут...

– Эх, Витька, – вздохнул Колька совсем по-взрослому. – Знал бы ты, что такое Америка, так не говорил бы про «закисочную». Ну-ка, пошли к свету...

Николай подвёл нас к фонарю и, оглядевшись, вытащил из-под самого сердца изысканно продолговатый цветной буклет под названием «GM 1959».

– Вот, – сообщил он, – что мамка мне подарила, Из Москвы ей дядька привёз. С американской выставки. Только без рук, сам всё покажу...

И открыл первую страницу.

И чего же там только не было... Её величество Америка воссияла со страниц роскошной книжицы, со звоном, с криком, с визгом тормозов, с рёвом моторов и свистом полицейских. Там были изображены новейшие автомобили. По одному на страничке, штук двадцать. Лучшие из лучших. Ярчайшие из ярчайших. Стильные из стильных. Огромнейшие из огромных. Короче, все до единого – произведения искусства.

И назывались они по-американски. «Кадиллак»... «Бьюик»... «Корвет»... «Понтиак»... «Импала»... И крашены были в такие цвета, что от одних названий дух захватывало: «Аквамарин и полярная белизна»... «Римский алый»... «Зелёная осина»... «Голубой конкорд»... «Розовый конкорд»... И хром на бамперах, накладки на колёсах, и сдвоенные фары, и плавники на крыльях... И было ясно – там, у них, на другой стороне земного шара происходит грандиозное явление – наивысший расцвет автомобилизма и всей прочей, значит, жизни, в

котором мы совершенно никак не участвуем. И не можем участвовать, и не будем участвовать никогда. И даже не увидим их никогда больше, потому что сейчас Колька эту книжку отберёт.

На наших улицах в ту пору машин было до крайности мало, а тот автомобиль, что протарахтел мимо нас в ту самую минуту под гордым наименованием «Москвич-401», будь он хоть оттенка голубого, хоть розового конкорда никак не мог находиться в ряду этих ненадолго появившихся на московской земле шедевров.

401-ую модель я знал очень хорошо.

Мой дядя Шура, мамин брат, гвардии старшина, десантник, а в мирное время инженер, купил по разнарядке на своём большом заводе именно такой автомобиль – большую редкость тех приснопамятных времён, источник радости для всей нашей семьи. И по городу мы ездили на нём, и на загородные прогулки. А бывало и так, что дядя Шура катал нас на «Москвиче» ради удовольствия. Своего собственного. Он был очень гордый, мой дядя-десантник. В первую очередь он был горд и счастлив тем, что воевал и жив остался, да ещё орден получил Красной звезды, гвардейский значок и медаль «За отвагу». Награды наградами, но это было для него чудо-расчудесное – победить в такой войне и не погибнуть. Дядю призвали уже накануне победы, в составе предпоследних резервов, и направили в десантные войска, несмотря на близорукость в восемь диоптрий. Как дядя мне рассказывал, чаще всего со своими очками он приземлялся порознь, когда прыгал с парашютом в район боевых действий, и объяснял удачу только тем, что ему всегда удавалось найти очки и нацепить их на нос прежде, чем вступить в бой. Удача дядина распространялась до такой степени, что ему удалось найти для моего отца по дружбе автомобиль «Победу», хоть и бывшую в употреблении. И в ближайшую пятницу мы поехали на «Москвиче» смотреть нашу с папой и мамой будущую машину.

Естественно, поехал я, мой младший брат Витя, дядин сын Гриша, ещё младше Виктора, и мой отец. Перед поездкой папа и дядя немного выпили, судя по запаху, но в те годы многие так делали. Для храбрости, ибо дороги были плоховаты. Точнее – яма на яме, не всякую объедешь. Потому, глаза у водителя должны были быть зоркими, а руки твёрдыми.

На сиденье рядом с водителем, конечно, уселся я, как самый любопытный, а позади нас с дядей разместились мои братишки по обе стороны от отца. Как только мы захлопнули двери, к «Москвичу» подбежала мама. Надо сказать, недели за две до этой самой нашей поездки мама отчего-то стала терять волосы – буквально пучками вычёсывала их из головы, а в тот день дважды прибежала домой с работы, чтобы узнать, что случилось. Но не случилось ничего, кроме простой автомобильной прогулки. Помню, мама долго нас не отпускала, ругалась на всех, уговаривала выпустить из машины хотя бы детей, но никто её не послушал. Они остались дома с бабой Таней вдвоём, и ждали с тревогой, чем всё это предприятие закончится.

Ехали мы недолго. В городе стояла жара, а за единственным транспортным средством – грузовиком, который двигался впереди нас по Ленинскому проспекту, тянулось здоровенное облако пыли. Дядюшка, натюрлих, как он сам выражался, решил обогнать полуторку, та решила свернуть на перекрёстке налево, я увидел очень близко, рядом с собой, за окном, огромные вращающиеся задние колёса, почувствовал удар, услышал, как батя заорал «Газ!», потом сгрёб в кучу детишек и повалился на моё сиденье со стороны спинки, не имеющей, по замыслу конструктора, никакого фиксирующего устройства. Спинка ударила меня по затылку железным поручнем, свет погас. Неясно, сколько длилась темнота, но вскоре я ощутил себя летящим с огромной скоростью по светящемуся округлому коридору размером, как теперь соображаю, с тоннель метрополитена, только не прямолинейный, а имеющий некоторые плавные извивы, так, что совершенно было непонятно, когда и как наступит конец этой фантастической и неожиданной дистанции.

И он наступил. Вначале снизилась скорость. Я это заметил, когда разглядел мелькание на ранее сплошной, даже, казалось, скользкой трубе, будто поезд тормозил вблизи какой-то станции. Появились некоторые детали, как щёлочки в тоннеле, а когда моё движение явно

приостановилось, понятно стало, что мой виадук или витадук, если можно так высказаться, вообще сплошных стен не имеет, а состоит из огромных, светящихся тороидальных колец, настоящих радуг, замкнутых в окружность. Со снижением скорости эти окружности всё медленнее и медленнее проплывали мимо меня, пока одна из них не остановилась совершенно рядом. Да, это была круглая радуга, состоящая из всех положенных ей цветов, имеющая слегка размытые границы, как бы парящие по контуру теми же самыми цветами, из которых и состояла. Потрогать радугу очень хотелось, но было нечем, ибо конечности свои я в тот момент чувствовал, но не наблюдал.

Моё стояние внутри такого изумительно красивого объекта продолжалось недолго. Но я успел заметить, что сами радуги, толщиной колец примерно метра полтора-два, одна за другой, располагались на однородном тёмно-багровом фоне, издающем звуки, наподобие рвущего душу громкого органного аккорда. Вскоре тороидальные образования вначале плавно, потом с нарастающей скоростью двинулись в обратном направлении, снова сливаясь в сверкающий извилистый коридор.

Когда я очнулся на больничной койке, то увидел над собой лицо весёлого моего отца, который сказал мне, конечно, в шутку:

– Сонечка, мы попали на чудесный курорт!

– Кажется, – шуткой на шутку ответил я, – при весьма странных обстоятельствах...

Отец засмеялся, а у меня закружилась и заболела голова. Случилось это в школьные каникулы, между вторым и третьим классом. Выписали из больницы месяца через полтора, как раз к началу учёбы. Но в тот момент, когда я разглядывал в Колькином журнале американские серийные автомобили, я нисколько не сомневался в том, что уж задние-то спинки передних сидений этих роскошных тачек закреплены намертво. Такой, с виду, предполагался внутри их комфорт.

– Вот так, – изрёк просветитель Коляша, как называла его родня, – вот тебе, Витёк, и «закисочная».

Витька не знал, куда ему деваться от стыдухи, а Колька продолжал уже с оттенком большого превосходства:

– И между прочим, в Америке таких машин завались. Как у нас грязи. А у них грязи нет, машины зато есть.

– А вот у нас, – робко предположил я, – таких, наверное, никогда не будет. Да и откуда тут они возьмутся – дороги не те. Папа говорит – эра не та. Да и харч не тот.

– А вот и возьмутся, – торжественно провозгласил Коляша. – Вот хоть бы, Лёшка, у тебя. Да, у тебя, у первого!

– У меня-то откуда?

– А я тебе расскажу. Только смотри, чтобы не закладывать. Особенно, чтобы твой батька не узнал. Мы же знаем, где он служит. Не скажешь?

– Не, – поклялся я, – ни за что не скажу!

– Тогда слушай... Ты сделай вот что... – Колька по-шпионски повертел головой во все стороны, – напиши письмо в Америку. Лучше самому президенту. Но можно и хозяину фирмы. Например, Генри Форду.

– И что?

– А то... Попроси его. Так напиши: «Уважаемый Президент! Я очень люблю Вас и Вашу прекрасную страну. И всё время о ней думаю. Потому прошу Вас – подарите мне, пожалуйста, одну из ваших прекрасных автомашин, которые были показаны в Москве, на выставке. А мы с моими друзьями будем ездить на этой машине по стране и прославлять Вас, Вашу страну и Ваш лучший в мире народ.

– И всё?

– Всё, что ещё-то... Только посильнее надо попросить. Понял?

– И подарит?

– Подарит, куда он денется. Да ему, что, жалко, что ли? Да нисколько не жалко, ты не знаешь, какой он добрый. Это у нас всё врут про него. А на самом деле подарит, вот увидишь!

– А вы с Витькой почему не пишете?

– Наши письма не пройдут. Их не пропустят. Мы ведь из сосланных. Нам никак нельзя. А тебе можно. Тебе ничего не будет, у тебя батя вишь какой, с моим не сравнить. Знаешь, как твой отец обрадуется, когда ты его на американской машине прокатишь?

– Представляю...

– Давай, соглашайся, – убеждал Колька. – Ты только письмо напиши, а мы вместе отправим. И на марки, и на конверт деньги соберём. Давай!

Но тут во мне заговорила пионерская совесть, или, скорее, пионерское упрямство.

– Нет, Коля. Не буду я письмо писать. Потому, что ничего он мне не подарит. Да ещё и на фиг пошлёт.

– Подарит, чудила, – напирал Колька. – Вот увидишь!

– Нет. Этого не может быть, – сказал я не без сожаления. – Тебе, может, подарит, а мне нет. Ничего я ему хорошего не сделал, да и отец мой, скорее всего, тоже.

– Ну, ты смотри, – как-то безрадостно сказал Коляша. – Подумай хорошенько. Ведь как я тебе объясняю, так оно и есть. А родителей поменьше надо слушать. Своя голова должна быть, понял?

– Понял...

– Вот мы воспитываем тебя с Витькой, воспитываем, а что толку? Иди, в школу собирайся.

– Чего мне собираться? Завтра физкультура на стадионе, два урока с самого утра.

Колька с Витькой переглянулись.

– О, здорово! Мы с тобой пойдём.

– А как ваши уроки?

– Наши уроки – это наш вопрос. Слышь, Витька? Пошли. Пораньше завтра встать придётся.

Витька, как обычно, молча потащился за Колькой. И я двинулся к дому, дивясь на причуды моих взрослых приятелей.

Тогда мне думалось – как много интересного я узнаю от Кольки! Ну кто ещё мне преподаст, например, те же правила уличного движения? Это, оказывается, очень просто. Например, идёшь по улице, а тебе навстречу кодла. Пацаны незнакомые. Незнакомые, значит – агрессивные. Потому, ни в коем случае нельзя им дорогу уступать. Иди как идёшь, всех распихивай, всё равно изобьют. А так – есть шанс, может, испугаются или за своего примут, полегче будет.

Наутро весь наш класс двинулся заниматься физкультурой в парк, на районный стадион, поскольку школьных стадионов тогда ещё было мало. И форма спортивная была ещё не у каждого, но физрук это обстоятельство во внимание не принимал. Кто без формы – он так считал – пусть хоть до парка прогуляются.

Небо хмурилось. Парк весь был усыпан листвой, кроме беговых дорожек и футбольного поля. Дошчатые трибуны стояли, хоть и сильно накренившись, но ещё довольно прочно в ожидании осенних ливней и снегопадов. Девчонки тут же обосновались на этих трибунах – кто без спортивной одежды, кто просто не пожелал переодеться. Да и условий подходящих не было: никаких раздевалок. Потому наш физрук, он же тренер, попросту заставил мальчишек снять куртки и пальтишки, оставить их у девушек на виду и играть в футбол – две команды в одни ворота. С его участием.

Я увлёкся поначалу больше всех – ещё бы: на трибуне сбоку сидели мои друзья, Витька и Колька. Это же ведь они специально пришли сюда, на стадион, чтобы как-то оценить в том числе и мои футбольные успехи. Как здорово, если в дальнейшем можно было бы поиграть

и в более взрослой команде. Я, конечно, разошёлся – беготни и всяких воплей с моей стороны было предостаточно, пока я не перестал замечать своих уважаемых друзей. То они мирно сидели на трибуне, на девчонок поглядывали, а то вдруг их как ветром сдуло. А просились на мой футбольный урок, вроде меня, как бы, изучать... Во, дела. Настроение играть как-то пропало, нога сразу подвернулась, и я поплёлся на скамейку запасных.

Сидел я там не очень долго. Как только до меня дошло, что игра на поле совершенно расстроилась, как только повёл я глазами по сторонам – сразу приятелей своих и обнаружил. Под трибунами! Так уж они были сделаны, эти трибуны – как жалюзи: чуть сверху посмотришь – одни доски, чуть снизу – видно всё как на ладони. Я встрепенулся и быстро побежал – подобраться к своим приятелям поближе и посильнее их испугать, поскольку они меня, по видимому, совершенно не замечали.

И только я подкрался к ним, стараясь не наступать на всякий подтрибунный мусор, как Витька первый заметил меня, дико вздрогнул и заткнул мне рот моею собственной фуражкой. Потом сунул мне под нос кулак:

– Тихо!.. Не вздумай вякнуть!..

– Это что тут у вас такое происходит, – забормотал я, но Колян соорудил страшную рожу:

– Молчи!.. Сейчас сам узнаешь!..

И подтащил меня почти что за шиворот к одной узкой, но продолговатой щели меж досок, откуда проливался дневной свет.

– Смотри сюда... Только молча. Нам не мешай!

Ну, поскольку щели хватало на всех, и я туда сунулся. Что же я там увидел такого, чем мои любезные хлопцы просто-таки наслаждались? Вначале показалось – ничего особенного.

Сверху раздавался топот, от которого пыль сыпалась на голову – это девчонки устроили возню. А некоторые из них сидели спокойно, в произвольных позах, по какой причине совершенно ясно было, кто во что одет. Потому, что в те времена девушки носили только юбки, и больше ничего подобного. А что у них надето под юбками, в общем, мне казалось, и так можно было бы догадаться. Вот у меня, например, мама в те годы трудилась в КГБ, и когда за ней по разным служебным вопросам днём, вечером или ночью приезжала дежурная машина, мама собиралась на работу в считанные минуты и металась при этом по квартире как молния. Ну, в чём была. Что, казалось бы, особенного? Следовал вывод: весь остальной женский пол одевается приблизительно в точности так же. Тогда по какой причине мои уважаемые приятели с таким диким наслаждением любят простым женским бельём? Да ещё и меня приглашают – смотри, дескать, дурень, вот подружка твоя сидит – дура дурой, и трусишки у неё дрянь, кто же такие носит, а ты, лопух, столько раз её до дому провожал, в зелёных трусищах... Истинно, лопух.

Внезапно зелёные трусы закрыли от меня полнеба, потом и полмира.

Я не знал, что подумать. Девушку ту звали Тамара. Или девочку – как назвать учащуюся четвёртого класса? Или пятого... Про себя я её называл Старушкой. Вроде, хорошенькая, только вся какая-то озабоченная. Учёбой, делами своими, ну и домашними... Дом – школа, дом – школа... Однажды только и донёс её портфель до подъезда. И всё.

Вот, казалось бы, под дырявыми трибунами стоят передо мной мои надёжнейшие друзья, образцы силы и смекалки, учителя и наставники. Блистательные мушкетёры – прекрасные лица, сияющие глаза. Цвет нашей школы. А мне теперь что – следовать их примеру? Других примеров у меня в этом плане ещё не было. Я и представления тогда не имел, для чего вся эта непонятная активность. Однако, надо было как-то поступить, но мысли буксовали, не имея никакой зацепки.

Но вдруг пришла на память фраза из какой-то книжки, может быть даже из институтского учебника. Она звучала приблизительно так: «На все вопросы отвечает астрофизика».

И сразу стало всё понятно.

Да и то сказать – к кому бы я мог обратиться, скажем, за разъяснением возникшей ситуации? К отцу?.. Ну, конечно... Батя уж давно великодушно разрешил мне обращаться к нему по всем вопросам, правда, сразу предупредил, что в некоторых случаях за излишнее любопытство может и морду набить – в целях профилактики правонарушений. Не, к отцу – ни в коем случае. Сразу побьёт. К маме обращаться тоже никак нельзя. Расстройство будет. Потом большие слёзы. А дальше – всё равно до отца дело дойдёт. Побьют, но чуть позже.

К учителям за советом обращаться и думать не следовало. Вот он – физрук, мерцает на горизонте своей лысиной. Побьёт... Потом догонит, ещё добавит. И детишки побьют. За стукачество. И за то, что отец в органах. Многие косятся, только случая и ждут... Значит, астрофизика. Исчезнуть, значит, надо. Разбежаться. Как все звёзды. Я-то чем лучше? И чем хуже? Ничем. Звезда, она и есть звезда. Что с неё спросишь... И пошли вы, стало быть, куда подальше. Да занимайтесь же, чем хотите. Кто сидит, кто смотрит... Провалитесь вы все.

Но только я так подумал, только посмотрел в упор на Кольку, как вдруг он пихнул Витьку.

– Лёша, Лёша, – забормотал Витька, – что с тобой?.. Что случилось?.. Ты как себя чувствуешь?

Я себя чувствовал плохо. Это передалось пацанам. Они отчего-то перепугались. Может, почувствовали, как мне они сейчас безразличны.

– Ты что видел? – спросил Колька Витьку.

– А ты что? – спросил Витька Кольку.

– То, что и ты, – огрызнулся Колька.

– Ты понимаешь, – проямлил Витька, – У тебя сейчас глаза зажглись.

– Как?..

– Да так... Вспыхнули, как фары. Таким зелёным светом... Но очень ярко.

– И всё?

– Ну да...

– Тогда расходитесь, – сказал я. – Только быстро.

Оба они исчезли, будто их ветром сдуло. Удалились крупными шагами, переходящими в мелкие скачки.

И я пошёл куда подальше. Взял свой сидор с форменкой и пошёл. В школу пошёл, на следующие уроки. Никого, только, чтобы не видеть. И не видел некоторое время, и не слышал. И никого не замечал. И гулять один научился – что трудного? Главное, шпану вовремя заметить. Её калибр определить, ну, кто какого возраста. Какой силы и наглости. Есть ли главарь. С него и начинать. А драка будет, её не может не быть. Если ты один, а их много, так лучше на свету драться, при свидетелях. А если наоборот, так уж лучше на задворках, это всё друзья меня наставляли. Бывшие друзья. Друзья бывшие, а рекомендации – все как из будущего. Или почти что все.

А ещё, чтобы совсем уж отгородиться от всяческих приятелей, пошёл я в библиотеку.

И долго я там сидел. Года три или четыре. Безвылазно. Конечно, в пределах рабочего времени. Иногда библиотека закрывалась, но я читать не переставал. Всё подряд, что под руку попадалось. Понравилась книжка с первой строчки – значит, читал. А по прочтении смотрел название и имя автора. А иногда и не смотрел, если книга была без корочек. Правда, ночью мама книжки отбирала. Только фонарики-то на что... Ночь, книжка и фонарик под одеялом. Таким образом, хитрые и нехитрые сюжеты на долгое время заняли моё воображение и стали для меня почти реальностью. И никого не видел – только школа и библиотека. И никаких приятелей. Книжки, вот и все приятели. И девушек никаких, в зелёных панталонах... Читать, только читать. И до такого дочитался, что и пересказать невозможно.

Иду я как-то по улице, размышляю, что бы ещё такого прочесть, чтобы уже совсем... Ну, просветления достигнуть. Казалось, основную тайну если ещё я не нашёл, то она обязательно содержится на какой-нибудь странице, до которой я ещё не добрался, но она уже где-то совсем

близко, рядом – только руку протянуть. А может быть, я уже эту тайну нашёл, прочитал, да как-то не заметил, не обратил внимания... Так в чём же она, эта основная тайна... В том ли, когда хочется... чтобы тебя заметили... оценили... позвали бы с собой в прекрасные дали, по каким-то большим делам... ради счастья. Туда, где кони, женщины, горы, звери, дороги, дома, автомобили... И всё так здорово... И я вместе с ними, со всеми... Вместе со всеми...

И вот иду я как-то по улице, призадумавшись, сворачиваю за угол, и вижу обоих своих приятелей. Естественно, они о чём-то договаривались. Ну, как обычно, что-то затевали. Мне это стало ясно, когда они, судя по их лицам, не слишком обрадовались, не слишком удивились. Так, слегка окаменели.

– О, привет, – пробормотал Колька. – Где пропадаешь?

– Дела всякие, – ответил я. – Куда это вы в прошлый раз так быстро смылись?

– Да ну его, – присоединился Витька. – Обознались. Колька мне соврал, будто глаза у тебя зажглись в тот раз. Ну, будто бы, загорелись. Мы и деранули. А я потом всё понял. Говорю – из библиотеки не вылезает человек. Аж мать жаловалась. Тут загорись – столько читать. Светлым пламенем.

– Светишься, значит... – пробормотал Колька. – А мы думали – свет экономишь. Нет ведь тебя вечерами. А ты вон где – в библиотеке.

– Камушки, получается, вы кидали?

– Мы, кто же... Друга разыскивали. Тебя, значит.

– Зачитался друг, – добавил Витька. – Своих совсем позабыл.

– Это бывает, – произнёс Колька. – Главное – вовремя человеку напомнить. Мы-то, Лёш, видишь, все свои книжки, какие положено, прочитали. Теперь будем читать те, какие неположено.

Я не понял.

– Это какие?

Друзья враз захохотали. У них это здорово получалось – всё враз.

– Ну, – объяснил Колька, – это те, которые читать заставляют. В школе там, или в институте... Эти читать положено.

– А-а...

– Смотри-ка, что у нас есть... Тоже книжка!

Колька, весь загадочный, полез за пазуху и торжественно вытащил бутылку портвейна. Точнее, полбутылки.

– Ой, – вякнул я, – это же вино!

– А ты как думал!.. Хочешь попробовать?

– Не, что вы... Мне нельзя. Мне не разрешают.

– Даже дома?

– Да. Даже дома.

– Даже при гостях?

– Ну да...

Друзья переглянулись.

– Вот оно как... Ну тогда тем более. Кто же тебя ещё угостит, кроме нас. На, мы разрешаем.

– Да, – подтвердил Витька. – Разрешаем.

И сглотнул слюни.

– Ну, – сказал Колька, – давай. Хоть глоточек.

Колька выглядел настолько дружелюбно, говорил так убедительно, что один глоточек я употребил, скорее с испугом, чем с отвращением.

– Вот, – сказал Витька. – Це ж друге дило.

– А як же ж, – поддразнил Колька Витьку.

В голове у меня возникала новая какая-то разноцветная реальность. Теперь я думаю – и чем бы она закончилась, эта встреча, если бы из-за того же самого угла, откуда ни возьми, вдруг появился Боря Борзон, старшеклассник, сосед по дому. Он чуть было не промчался мимо нас, весь задумчивый, самоуглублённый, размахивая лапами новомодного белого плаща и скрипичным футляром. Но я, совершенно на данную минуту осмелевший, возьми да Бориса и останови.

– Добрый день!

Борис резко остановился, нахмурился, устремился взглядом на каждого из нас. Пожал руки.

– Привет. Как жизнь?

– Потихоньку! – бодро отвечал Колька, снова извлекая бутылку. – Вот, как видишь. Будешь с нами, за конкретное знакомство?.. А то ходим мимо друг дружки, как чужие.

– О-о, – молвил Боря, – да вы тут время не теряете.

– А как же, – приосанился Витя, – вот, молодое поколение надставляем.

– Как, и он участвует?

– Лёшка-то? – как бы изумился Колька. – Ещё как участвует. Да он у нас за главаря.

– Не может быть.

Борис словно стремился две дырки во мне прожечь, прямо в голове, своими тёмными глазами.

– Ещё как может, – бормотал Колька нетвёрдым языком. – Давай, Боря, поддержи компанию.

– А что, поддержу! – с энтузиазмом воскликнул Боря. – Обязательно поддержу! Как не поддержать! Только не сегодня. Мне сейчас на занятия, вот и инструмент с собой. А в другой раз – обязательно. Я теперь с вами. Договорились. Раз и навсегда.

И тут мне в голову полезли разные интересные мысли, по какой причине я и сделал следующее заявление:

– А вот можете меня послушать?.. Я что хочу сказать...

Старшие ребята навели на меня резкость.

– Ну, говори, – разрешил Колька. – Послушаем.

– Смотрите! Нас же теперь четверо! Четыре человека!

– Ну?.. – как всегда, недоумевал Витька. – И что с этого?

– То, что как у мушкетёров! Вот здорово! Борис, значит, будет Атос. Как самый старший. Витёк будет у нас Портос. Как самый здоровый. Ты, Коля, получается, будешь Арамис. Ну, потому, что самый симпатичный.

– Чего это вдруг я симпатичный?

– Да все так говорят. И мама твоя, и сестра. Да и девчонки все так скажут.

– А кто же тогда будешь ты? А? Ну, говори.

– Ну, как кто... Кто там остаётся...

– А ты, значит, будешь Д'Артаньян?!

– Ну и что такого? Ну, буду... Всё-равно, ведь я самый младший.

– Нет, – возмутился Колька, – ни фигя. Я буду Д'Артаньян. Почему?.. Да мне тоже хочется. И, вообще, я тебя сильнее.

– Так я ж зато младше!

– Подумаешь, младше... Всё-равно, Д'Артаньян буду я. Только так.

Я поразмыслил и согласился. Арамисом быть, мне показалось, тоже не так уж плохо.

– Ладно, – произнёс я. – Хорошо. Я – Арамис. Точка. Да только же ведь не в этом дело!

– А тогда в чём?

Колька был озадачен – уж не претендую ли я на роль Атоса? Или, не приведи Господь, Портоса.

– А дело-то вот в чём!.. Пока нас четверо, и пока мы здесь все вместе, нам нужно сейчас же затеять какое-нибудь большое дело. А зачем?.. Чтобы потом его исполнить!

Мне показалось, что Борис слушает меня внимательно, даже с некоторым интересом.

– Ну и что же ты предлагаешь? – снисходительно спросил Колька. Витька в дискуссии не участвовал. Он оказался занят – в очередной раз прикладывался к бутылке.

– Вот что. Я предлагаю начать хотя бы с того, чтобы всем нам подумать о том, что в каждом из нас есть плохого. Какого плохого? Такого, кто чего сообразит. Ну, сам решит. Ясно? И это для того, чтобы покончить с этим плохим раз и навсегда. Чтобы достойным быть, значит, потом стать настоящим мушкетёром.

По окончании речи, я гордо глянул на друзей – пусть знают, что я не зря сидел в библиотеке. Что я не Арамис! Я – Д'Артаньян!

И они на меня посмотрели. Особенно Витька с Колькой.

– Хорош, – сказал Витька как самый честный. – Ему больше не наливать. Хватит.

– И мне, пожалуй, – сказал Борис, – тоже хватит. А Лешу я с собой заберу. Проводит меня, немного прогуляется. Не возражаете?

– Не возражаем, – сказали гарны хлопцы, – пусть прогуляется. Но ты, Лёшка, смотри, вечером ждём!

– Это обязательно, – сказал я, – ибо вечером, милостивые государи, я бы желал услышать ваш ответ на моё вам предложение.

– Ну, – пробормотал Колька, – ответим... Будет тебе ответ.

И пошли мы с Борисом.

А денёк был превосходный. И солнце палило во все стороны, и сталинские дома, стоящие вдоль проспекта, были совсем ещё новые, как на рисунке, даже простая трава, растущая на газонах, аккуратно огороженных деревянными, но крашеными в аналогичный цвет заборчиками, выглядела нарядно, даже празднично.

И Борис выглядел нарядно: на нём был кинематографичный белый плащ нараспашку, обувь начищена, брюки наглажены, руки в карманах, головного убора нет, взгляд, устремлённый внутрь самого себя – настоящий рыцарь печального образа из кинофильма «Мой старший брат».

И тогда я осмелился и спросил:

– А что, Борис, ты всегда так ходишь на занятия?

– Как? – не понял Борис.

– Ну, так вот... как на праздник.

Борис захохотал.

– Праздник!.. Да, действительно... Это, конечно, как сказать.

– Ты разве не на занятия?

– Пожалуй, да. Чем, смотря, заниматься. Это я так сказал, насчёт занятий. Для твоих приятелей. Чтобы тебя от их занятий отвлечь. Ясно? Для макета, понимаешь?

– Да какие уж там занятия, – пробормотал я. – Это так всё... между прочим.

– Ну да. Это между чем, смотря, между прочим. Оно бы и хорошо, да вот беда – увлечься можно. И то неплохо, что увлечься. Плохо то, что ерундой. Я вот, можешь себе представить, девушкой увлекаюсь. И очень здорово увлекаюсь. По уши, можно сказать. Вот к ней сейчас иду.

– С инструментом?

– Да, со скрипкой. У неё родители, понимаешь, строгие. Начальство... Всё по-серьёзному, никакого баловства. Вот у нас с ней будто бы репетиция. Она на фоне, я на скрипке.

– А, для макета!

– Нет, тут всё по-серьёзному. Играем, как положено. Как говорится, от всей души. Даже ещё лучше.

– А любовь? Как же любовь-то? Или... извини, что спрашиваю. Это лишнее, понимаю. Не следует мне знать. Извини...

– Эх, Лёшка, знал бы ты, как я счастлив... Меня самого распирает. У тебя было когда-нибудь такое?

– Какое? – спросил я.

– Да это такое, когда на весь мир хочется заорать – я счастлив! Счастлив, и всё.

– А, такое... Ну, было, конечно, как же без этого... Разве что, не в такой форме.

– Не в такой?.. А в какой?

– Ты понимаешь, Боря... Ну, в другой.

– А-а... Понимаю. А вот у нас с Ларисой – в самой яркой. В самой безумной форме.

Можно одуреть.

– Да ты что...

– Вот ей-Богу.

– Да это как же вы так?.. И где место нашли?.. Или когда родителей нету?

– А там же. Возле рояля. И при родителях. Ни на что не глядя! Нету, Лёша, для любви помех. И преград никаких нету.

– Ну, вы даёте... Слушай... Ну, всё-таки... Как же это у вас так?.. Вдруг родители войдут...

– Войдут, да и войдут. Пусть входят!.. Пусть входят все!

– Так вы же там... неодетые!..

– Да ты что городишь!.. Да как ты мог подумать!.. Да как тебе в голову могло такое прийти!

– Да нет, конечно же, не могло! Борис, ты неправильно меня понял. Я совершенно не это хотел сказать. Нет, ты не подумай. Мне показалось... Любовь, всё-таки... очень большое дело... Старики сказывают.

– Да, Лёша, дело очень большое. Можно сказать, громадное. На всю оставшуюся жизнь!

– Да... Вот же, значит, как вас угораздило... Ну, а целуетесь-то где, там же? У рояля?

– Вот ты какой, Лёша, непутёвый. Я говорю – любовь, а ты мне про поцелуи. Это такое особенное чувство, что мы с ней ещё ни разу, можно сказать, и не целовались. Не было, значит, такой необходимости.

– Вот это да... Лихо!.. Ничего не понимаю. Ну, она-то, Лариса, вообще, знает, что у вас есть любовь?

– А как же... Ещё как знает. Думаю, у нас с ней внутренние ощущения совпадают. Целиком и полностью.

– Да уж... Можно позавидовать... Только вот как же это она, то есть, ваша любовь, на самом деле происходит? Я про такое и в книжках даже не читал.

– Вот так вот! – просиял Борис. – Никто и представить себе не может. Истинное, святое чувство. Только тебе могу рассказать – в тебе чистота есть, соображаешь?

– Ну да...

– Так вот, бывает, сделаем мы с ней паузу в занятиях... сядем около окна, и... понимаешь, возьму я её за руку... и пальчики перебираю... И мы друг на друга смотрим при этом. И каждому из нас всё ясно.

– Вот это любовь, – сказал я ему, потрясённый. – Теперь, что, жениться, значит, придётся?

– А ты как думал? Само собой. Как только школу окончим. Подождём, немного осталось.

– А как родители?

– Пока неизвестно. Там видно будет. Хотя, мне кажется, я буду решать. Конечно, вместе с Ларисой. Главное – вопрос ясен. Ибо ясность – вот, что в жизни главное. Понимаешь, я такой человек: мне или хорошо, или плохо. И всё, что вокруг меня, или хорошее или плохое. А сред-

него нет – не бывает. И вот сейчас – обрати внимание – ты отличный парень. Можно сказать, превосходный. И мне с тобой нормально! Отлично идём, беседуем, друг друга понимаем. Да! А те вот ребята, знакомые твои, они не очень. Ты не думай, что они хорошие.

– Я и не думаю... Так, какие есть.

– Какие есть, – вдумчиво произнёс Боря, – этого мало. Это даже не середина. Это серость, которую следует избегать.

– Ты же их совсем не знаешь, – возразил я.

– Чего там знать, – махнул рукой Боря, – и так всё ясно. И брось ты эти с ними алкогольные экзерсисы. На мои слова ориентируйся – есть плюс, есть минус. И больше ничего. А я, бывает, чего не знаю, о том догадываюсь. Вот я не знаю, где твой отец работает, но догадываюсь.

– И где?

– В КГБ, вот где. Но никому не скажу, будь уверен. Вот уж кем я восторгаюсь, так это твоим отцом.

– Так ты же его не знаешь!

– Что знать, всё понятно. Герой! Вот бы меня кто-нибудь позвал на такую работу... Я был бы ещё счастливее.

– А с какой-такой радости?

Борис призадумался. Оглянулся по сторонам.

– Ну как же, – шпионов искать. Потом ловить – это большое счастье. Невероятные ощущения. Могу себе представить. Причём – полное бесстрашие!.. Скажи, ведь так?

– Ну да, – ответил я. – Наверное.

– Ну, ты ведь представляешь, как он там... Работает, действует...

– Нет, Боря, – вздохнул я. – Не представляю. И представить не могу. И разговоров на эту тему дома у нас никогда не было, нет и быть не может.

– Вот это да, – восхитился Боря. – Настоящий герой, твой отец. Абсолютный. Разящий меч. Всё так и есть, как в книгах пишут. Я в этом не сомневался.

– В чём не сомневался? В книгах?

– А что? Книги – тоже критерий истины. Один из критериев.

Тогда я припомнил свои библиотечные сидения и сам заговорил по-учёному.

– Разве так не бывает, что книги описывают очень сложные явления... или события... Такие сложные, что и восторгаться нечем. А разобраться хочется. Ну, хорошее это дело или нет. Взять, например, грозу.

– Какую, – спросил Боря. – По Островскому?

– Нет, самую обычную. Простую грозу. С диким ливнем. Хорошее это дело или нет?

– Как тебе сказать, – по размышлению ответил Боря. – Наверное, плохое. Близко к катастрофе. Лучше бы вместо грозы простой дождик.

– Ну, допустим. А «Гроза» по Островскому?

– Ну, – вскричал Боря, – это же совсем другое дело! Великое произведение искусства! Это хорошо, просто здорово!

– Пусть хорошо, – согласился я. – Хотя, что там хорошего... А вот взять, например, декабристов. Как тебе такое дело?

– Да тут и говорить нечего, – возмутился Борис. – Это же замечательно! Превосходно! Столько романтики, любви, самоотречения!

– Хорошо, значит...

– Ну, конечно!

– А как ты смотришь на то, что «страшно далеки они были от народа»? Были?

– Были... И что?

– Что – плохо, значит! Ничего хорошего!

Тут Борис впал в задумчивость. А мы тем временем шли с ним и шли, бок о бок, дорожками, тротуарами, большим проспектом, и подошли, в конце концов, к огромному, великолепному, новейшему дому, украшавшему не только улицу, но и весь город. Многократно отразившись в почти зеркальных витринах, негусто заполненных товарами народного потребления, вошли во двор, остановились возле подъезда, а Боря всё думал и думал. Наконец двустворчатые двери распахнулись, из подъезда выпорхнула милейшая девушка в облаке светлорусых кудрей, с улыбкой на курносом личике, в распахнутом беленьком плаще с бледнорозовым прозрачным шарфиком в розовый же горошек – вся свежесть и элегантность, окутанная аналогичным по названию ароматом «Душистого горошка».

– Боренька, это что же такое, – произнесла она, почти проворковала, ибо слегка не договаривала букву «р» – я заждалась, и вынуждена была идти навстречу! Мы заниматься сегодня будем? А кто этот молодой человек?

Борис, видя возлюбленную, потерял дар речи. Но подружка, уклонившись от проявления каких-либо нежностей, повторила вопрос.

Постепенно Боря пришёл в себя.

– А-а, – произнёс он. – Это Лёша, мой сосед. Знаешь – молодой гений!

– Как интересно... – произнесла она. – А меня зовут Лариса.

Так мы и познакомились. И встретились глазами. Или взглядами, не знаю, как лучше сказать. Я вскоре освободил новообретённых друзей от своего присутствия, чем осчастливил их, по крайней мере Борю.

Я знал, куда иду – в библиотеку. Мне хотелось посоветоваться с книгами по одному вопросу – это что же у меня за гениальность такая? И откуда она взялась?.. И чего это вдруг – ведь раньше всё было нормально. Никто за мной ничего подобного не замечал, а вот Борька вдруг раз, и заметил. И что мне теперь дальше делать? Как жить? С этой ерундой... Ну, гениальностью. Или это просто глупость?

Книги отвечали на все вопросы, но по-разному. В зависимости от того, какой ответ выберешь. Или заводной, или успокаивающий. Всегда можно было найти себе место между книжными героями, примерить на себя любую ситуацию. Как это получалось у других – не знаю, но, кажется, мне удалось научиться хоть изредка общаться с действующими лицами романов или повестей почти как с живыми. Или каждый мог так – скакать по прерии рядом со всадником без головы, ещё и перекинуться с ним на ходу парой слов? Не через разговор, конечно, а через понимание.

Вскоре начались всяческие чудеса.

Колька Аристократик расцветал прямо на глазах, пропорционально трудовым успехам своей мамы. Вернее сказать, мамаша таяла, худела, бледнела, зато её Коляша являл собою истинный образец западного образа жизни и мысли. Благодаря своим ковбойским штанишкам, уже без всяких украинских вышиванок, Колька окончательно утвердился на самых авторитетных позициях в глазах, как одноклассников, так и прочих дворовых мальчишек, хотя оставался тем же, кем были его мама, его папа, его сестра, его родственники – Хайльюра Джон-Петлюра. Ссылными.

Колька всегда ходил по своим делам с Витькой Морозом, вернее, Витька всегда следовал за Колькой по пятам. А я нет, что Кольку, похоже, настораживало. Ему, видимо, хотелось всех, кто находился в его поле зрения, иметь в составе своей свиты.

Мы встретились, как всегда, неожиданно. И так же неожиданно мне поступило предложение:

– Ну, что, – в категорической форме сказал Колька, – едешь с нами или нет?

– Как это, – удивился я, – куда? Зачем?

– Что значит – куда? На «Сёмочку»!

Вот оно что – сообразил я. «Сёмочкой» пацаны называли седьмой железнодорожный разъезд в ближнем пригороде – место встреч всяческой шпаны для купания, игры в карты, употребления разной дряни и прочих неблаговидных деяний. Взрослые это место называли по-своему: «Съёмочка». Поскольку, там очень легко можно было потерять ценные вещи или сколько-нибудь ценную одежду. Вот почему я Кольку не сразу и узнал – вместо шикарных по тем временам одеяний на нём болталась старенькая одежонка как профилактическое средство против возможных дружеских ограблений. Мы, мальчуганы, старались тогда соблюдать простое правило: если идёшь куда-нибудь – в кафе, там, или в парк, или едешь за город – следует одеваться похуже, потому, что драка будет. Её не может не быть.

– Ты долго думать собираешься? – спросил Витька. – Давай, соглашайся. А то второго приглашения не будет.

– Да... – размышлял я. – Надолго? И как поедем – денег у меня нет на билеты.

– Какие билеты? – разъяснил Витька. – Так поедем. Ты кому платить собираешься?

– Как – так? А контролёры?

Оба захохотали.

– Фу-ты, ну-ты... Контролёры... Откуда? На товарняке поедешь, чудак, на свежем воздухе!

Колька очень скептически следил за моей реакцией, даже сквозь зубы на землю сплюнул, чтобы продемонстрировать мне, какого друга я теряю.

– Коля, ты можешь мне сказать – надолго едем или как?

– Зачем надолго? – проговорил Коля. – Только туда и обратно. Смотря по обстановке.

– А почему не в ту сторону идём?

– Тебе в какую надо?

– К вокзалу...

– Там не сядешь. Наш вокзал – выемка. Вот где наш вокзал.

Так называлась огромная многокилометровая железнодорожная канава, устроенная ещё царём, чтобы поезда могли взобраться на высоченный обской берег. Выемка разделяла наш город на две почти равные половины, и до неё было рукой подать.

– Вроде бы, нет там никакого вокзала, – недоумевал я.

– Чудак... Там товарняки тормозят. Перед мостом. Запрыгнем и поедем. Там хорошо запрыгивать. Понимаешь? Тормозят там товарняки!

– Запрыгивать? На поезд? Это как?

– Да как – очень просто. Там, где увидишь ступеньки, будет ручка. Вцепись в неё, только насмерть. Ну, очень крепко. И скачи за вагоном. Если запнёшься – волокись. Если будешь падать – падай. Только куда-нибудь в сторону. Подальше от колёс. А если не упадёшь – подтягивайся. И залезай на ступеньку. И всё, ты поехал. Ясно?

– Ясно... Надо бы родителей предупредить.

– Да, Лёха, – сказал Коля, – тяжело с тобой. Думаешь, отпустят?

– Вряд ли.

– Тогда, давай, иди отпрашивайся. А нам, правда, некогда. Ждать не будем.

– Не, я с вами, – со вздохом произнёс я. – Идём. Посмотрю, как это у вас получится.

– Это же другое дело, – обрадовались пацаны.

И мы пошли.

Выемка никогда никем не охранялась и не содержала в своём составе никаких ограждающих сооружений. По крутому, густо заросшему ароматной травой откосу, мы спустились до самых рельсов и присели для маскировки. Сердце моё стучало громче, чем состав на рельсах. Поезд показался намного раньше, чем я его ожидал – огромный тепловоз, густо коптящий выхлопной трубой, дико визжащие колёса которого, заторможенные машинистом на спуске,

испускали густую вонь и дым от кипящей железнодорожной смазки. Я ничего ещё не успел ни сообразить, ни сосредоточиться, как вздрогнул от Колькиного крика:

– Ну!! Прыгай!! Ты первый!

– Прыгай! – орал Витька. – Мы после тебя! В случае чего, поможем! Давай!

«Это в случае чего?» – подумал я и вцепился в первый же пролетающий мимо меня поручень. Мне удалось не упасть, а помчаться рядом с вагоном дикими скачками. «Не вдали! – крутилось в голове. – Не вдали!.. Не так уж быстро он и едет...»

С такою мыслью я как-то подтянулся и закинул ногу на нижнюю ступеньку. Потом вторую. Выпрямился и понял – удалось. Ещё понял, что стою перед закрытой и опечатанной дверью товарного вагона, один-одинёшенек на трёх ступеньках. Оглянулся и увидел, как сперва исчезла Витькина скачущая фигура, потом Колькина. Тут же прекратился колёсный визг, и поезд помчался как оглашенный. Наступил новый страх – ветер, свистящий в ушах, залезающий в рот, выдавливающий из глаз слёзы, способный выдавить и сами глаза. Ветер, от которого не было спасения, кроме как повернуться к нему затылком и прильнуть всем телом к накрепко закрытой двери.

Но это было не последнее испытание. Самый страшный страх наступил, когда состав ворвался на бесконечный речной мост. Совсем рядом, ближе чем на расстоянии вытянутой руки, завывали фермы, падающие прямо на меня чтобы убить, но никак до меня не достающие, отчего воющие ещё громче и злее. «А-а-ах», – орали фермы, пролетая мимо моего черепа, разрывая при этом речной ветер в здоровенные клочья, норовящие залезть под рубашку, проникнуть в щель между мной и вагоном, оторвать от поручня и бросить, как в мясорубку, на стонущее железо. Я помню, как прощался с жизнью, ибо силы были неравны. А как прощался – думал только о том, что встретит меня сейчас злобная железка. Укусит, и всё.

Однако, мост кончился. Главное – прекратился вой, а с ним прекратились и дикие порывы ветра. Воздух оставался плотным, тугим, но уже не таким рваным, как секунды назад. Торжества никакого не возникло, но страх ослаб, потому что смерть – было ясно – слегка отодвинулась. Теперь оставалось только держаться. Просто держаться, и всё. Держаться за толстый, пыльный поручень. А внизу, под насыпью, пролетали заливные луга, покрытые озёрами воды, травой и кустарником. Солнце ярко отражалось в речной водичке, било мне в глаза слепящими лучами. «Слишком красиво, – думал я, – слишком красиво... Зачем мне понадобилась такая запредельная красота?.. Вот где умереть, не встать...»

Но тут же возникли какие-то постройки, сарайчики, заборы, огородики, рельсы удвоились, утроились, учетверились и поезд остановился рядом с такими же товарняками, напротив станционного здания, единственного, крытого шифером, а не рубероидом. Отличия мне были ранее разъяснены отцом, возводящим в данный момент небольшой загородный домик.

Когда наступила полная остановка, я с большим трудом дотянулся слабой ногой до неподвижной земли и встал на неё, как первый космонавт на Луну. А когда окончательно прекратилось головокружение, двинулся потихоньку в направлении станции с намерением дождаться первой же электрички и немедленно отправиться назад. Однако, тут же, как из-под земли, передо мной возникли мои пацаны с дружескими поздравлениями.

– Гениально! – провозгласил Колька. – Это надо же – с первого раза! И получилось! Да ты, парень, специалист!

– Не каждый так может, – подтвердил Витька. – Скок, и там. А то, бывает, так накувыркаешься рядом с поездом, что не приведи Господь. На мне места целого нет. И колесом крутился, и на уши вставал, пока приспособился. А ты молодец... Далёко пойдёшь, правда, Колян?

– А как же, – согласился Коля, – конечно, пойдёт. Да ещё как пойдёт, если нас будет слушаться. А не маму с папой.

– А почему мне вдруг родителей-то не слушаться? – возмутился я, осознавая некий героизм, дающий мне право на собственную точку зрения.

– А потому, Лёшенька, – пояснил Колька, – что родители у тебя простые, а ты непростой... О-о, ты непростой. Ты – гений.

– Ага, – подтвердил Витька. – Гений русской рулетки. Ну... которая между колесом и рельсом. Это родители должны тебя слушаться.

– Точно! – подтвердил Колька. – Ты будешь у нас теперь за старшего. За главаря, то есть. Как бы, за Д'Артаньяна. Витька, согласен?

– Согласен! Ещё как!

– Вот видишь? И Витька согласен. Потому – командуй. Ну? Какие твои будут распоряжения?

– Такие, – распорядился я, – что домой мы сейчас едем. С первой же электричкой. Садимся и едем. И от контролёров бегаем, как все нормальные люди.

– Не, – взвыла моя команда, – так дело не пойдёт! Мы, что, зря, что ли, сюда ехали, жизнями молодыми рисковали! Не, не, не... Ни в коем случае. Это тебе всё по фигуре, тебя родичи прикрывают, потому – легко всё получается. А нам не просто достаётся – посмотри на Витьку, изодраный какой...

– Ну, что мы тогда? – недоумевал я. – Что делать будем?

– Как что? Купаться будем! Вот озеро, а вот протока. Куда пойдём?

– Так, – решил я, – идём на протоку.

– Да ты что – на протоку! Во даёт! Сразу на протоку! – восхитился Колька, – Нам на протоку нельзя. Туда большие люди ходят. В смысле – прирезать могут. Нам туда соваться незачем. Там в карты играют. По-взрослому. Могут проиграть.

– Кого?

– Да кого хочешь.

– Тогда на озеро.

– Во! Это ты правильно решил. Идём!

Витька бодро зашагал по тропинке, а Колька приостановился.

– Ты знаешь, Лёха, – произнёс он после некоторой заминки, – ты и на озере, смотри, поосторожней. Там тоже народ всякий попадает.

– А как это – поосторожней? – спросил я.

– Сколько можно повторять? Ещё раз для бестолковых. Вот идёшь ты, например, по тропинке. А навстречу идёт кодла. Ну, человека четыре. Тут, главное, никогда никому не уступать дорогу. Драка, она всегда рядом с тобой. То ли будет, то ли не будет... А за слабого примут – сразу изобьют. Потому правило второе: бей первым, причём в харю. Причём, бей не кого попало – толку не будет. А бей заводилу, на которого они все рассчитывают, ну, кодла, то есть. Причём, не гладь его, а бей, чем под руку попадёт.

– А если не получится?

– Лёшь, ты чего? – удивился Колька. – У тебя, да чтобы не получилось? Ты ж гений дзюдо! Но, если не получится... тогда тикать надо. Крупными скачками. А, поскольку нас трое – всё в порядке.

– Не журысь, – сказал Витька, – отмахнёмся.

И пошли мы к озеру широкой, натоптанной тропинкой. Дорога много времени не заняла, и никакой опасной кодлы по пути нам не попало. Встретили двоих-троих мальчуганов, которые внимательно осмотрели нас с головы до ног, но ничего привлекательного в нас и на нас не обнаружили. И накупались мы в тот яркий день до посинения в холодной, ещё по-весеннему, воде, но тут же согрелись под лучами жгучего, уже по-летнему, солнца. Юноши, усеявшие берега своими худущими телами, были увлечены, как взрослые, по большей части карточными играми; нас как-то сразу приняли за своих. Никто, казалось, нам не мешал в тот день и ничто нам не мешало. Правда, довольно скоро нам всем здорово захотелось чего-нибудь покушать.

Но еды ни у кого не было, кормить нас здесь никто не собирался, потому через пару часов нахлынули воспоминания о доме.

Сборы были недолги. Той же самой дорогой, усталые, но счастливые от того, что предприятие наше совершалось совершенно гладко, мы двинулись на станцию. И солнышко было то же, и встречные шпанюки, стреляющие глазами по сторонам, и те же товарные составы, временно лишённые тягачей, замершие на сверкающих рельсах. Всё сияло и переливалось.

Те, кто были повзрослее и поувереннее, устроились на станционных скамейках, а мы с друзьями расслабились на невысоком бетонном заборчике. Разъезд простирался перед нами, как на ладони. Прибывший пригородный поезд мы высокомерно игнорировали, ибо транспортом нашим отныне был простой, но надёжный товарняк.

Ждать пришлось не очень долго. Через некоторое время взревел и выбросил столб чёрного дыма стоящий поодаль тепловоз. Потом не спеша тронулся и уехал чуть не на километр от нас в сторону города, но тут же вернулся задним ходом и так сильно ударился буферами о первый вагон, что весь состав вздрогнул, загрохотал и сдвинулся с места.

– Ну, мужики, – сказал Колька, – приготуемся. Садиться будем.

– Прямо сейчас? – спросил я.

– Нет, рано ещё. Погоди. Поедет – прыгать будем. А пока он стоит – какой смысл садиться? Контролёры заберут. И упекут.

– Быстрый какой, – забубнил Витька, – тут думать надо, это тебе не в школе сочинения писать.

Действительно, к тому времени я в узком кругу уже был широко известен. То есть, в пределах школы, потому, что мои классные сочинения, не все, конечно, но довольно часто исполнялись по школьному радио в пример другим, менее радивым в отношении литературы учащимся. Менее радивые иногда радовались за меня, иногда выражали поддержку, а иногда намекали на возможную физическую расправу за достигнутый высокий результат и чрезмерное рвение в учёбе, ибо школа наша была средней, ну а средняя школа и должна быть средней, и учащиеся в средней школе, как один, тоже должны были быть средними. А самые средние, бывало, так и заявляли:

– Ну кто ты, Лёшка, такой есть? Гений, что ли? И почему мы тебя должны в большую перемену слушать... Ты попримечнее там, на радио, ничего не можешь заказать? Битлов, что ли... Или, хотя бы, «Мурку»... А то смотри. Чего бы не вышло.

Писать сочинения я, конечно, не перестал, но энтузиазма поубавилось. Не Белинский ведь просит, не Герцен. Свои предупреждают. Но как мне показалось – раз просят мужики, значит, дошло до них. Ранил, значит, я их по самому нерву. Ну, не оставил равнодушными. И это было хорошо, и на душе моей на некоторое время воцарялась благодать.

Тем временем товарный поезд тронулся и поехал со страшным скрежетом и свистом.

– Ну, – скомандовал Аристократик, – теперь побежали.

Мы рванули к поезду, не глядя по сторонам, дикими прыжками минуя свободные пути и случайные препятствия, с ходу запрыгнули на тормозную площадку. Только успокоились, только перевели дыхание, как поезд взял и резко остановился. Что было делать? Переглянулись, посидели, подождали – никакого движения не наблюдалось.

– Никак, облава, – размышлял Колька, – слезаем, на всякий случай, с другой стороны. Но если мужики пойдут навстречу – сразу под вагон.

– А если состав поедет?

– Тогда точно не поймут. Ты, главное, пропусти колесо и сразу же туда прыгай. Только руки-ноги подбирай. Точно так и дальше. Из-под вагона тоже можно выскочить, если, конечно, хорошо сосредоточиться.

И верно, как только мы спрыгнули на насыпь, так сразу увидели не спеша идущих в нашу сторону мужчин как с головы, так и с хвоста состава.

– За нами, – прошипел Колька, – под вагон!

– Ага, – произнёс я с запоздалым достоинством, – ищите дураков...

Гордо перелез через площадку и направился на своё насиженное место рядом со станционным помещением. Ещё мне подумалось: «Вот дождусь пригородного и уеду от них к чертям собачьим. Скачите сами под поездами». Но Колька с Витькой слегка попетляли вдали для заметания следов и снова обосновались около меня.

– Почему не слушаешься? – процедил Колька. – Засветить нас мог.

– А кто здесь старший? – спросил я.

– Ну, если ты, тогда соображай, что творишь. О других думать надо. Тоже, мушкетёр... Один за всех, а все за одного, понял, как должно быть?

– Понял, – сказал я, начиная думать о том, что не совершил ли я ошибку, когда не полез под вагон – поезд-то так и не уехал. Получается, обидел хороших ребятшек... Ладно, как-то надо извиниться. С течением времени.

Мысли текли легко и свободно, как кучевые облака на ярком сине-голубом небе. Всё было тишь и гладь на этом очень мирном разъезде. Я даже немного задремал на фоне дружеских размышлений относительно своих наилучших приятелей. Да уж, соображал я, похоже, с Колькой и Витькой намечается дружба на всю оставшуюся жизнь, и это радовало меня в ту минуту больше, чем настораживало. Главное – быть мушкетёром, даже если этого никто не знает. Просто надо быть. Мушкетёром.

Тем временем, дощатая дверь такого же хлипкого, как сама она, станционного сооружения с лёгким скрипом отворилась и выпустила на перрон троих могучих путейцев с молоточками, явно для того, чтобы они могли прогуляться рядом с поездами и, там, где это требовалось, постучать по колёсам. Троица шла в нашу сторону неторопливой поступью утомлённого под конец рабочего дня пролетариата, перебрасываясь на ходу фразами из железнодорожного лексикона. Поравнявшись с нами, приостановились, поговорили, попрощались со своим товарищем. Когда тот ушёл в туманную даль, оставшиеся двое приблизились к нам и взяли нас за руки с силой межвагонной сцепки. Один – меня и Кольку, второй – Витьку. Прочая братва встрепенулась, как воробьиная стая, и разлетелась по сторонам, будто бы ни с кем ничего не случилось, и никого из них здесь не было.

А нас повели – совершенно спокойно, тихо, мирно, без всякой паники – это дело, по видимому, для путейцев было знакомым, даже привычным. Перед нами отворилась та самая дощатая дверь, за которой следовал коридор, ведущий в отдел милиции. Отдел являл собою небольшой зал с приступочкой, наподобие сцены, уставленный скамейками, на которых разместилось уже некоторое количество, человек сорок, разнокалиберной публики, приблизительно нашего возраста, а на самой приступочке был установлен массивный канцелярский стол, за которым восседал дяденька в милицейской форме, только без фуражки. До дяди Стёпы милиционер, конечно, не дотягивал, но вид его меня успокоил. Милиции я отродясь не боялся – причин никаких не было. Побаивался я другого Витьку – Азу, подвального жителя, за то, что у него всегда с собой нож, да Юрку-Малюту, за то, что он однажды голубую голову оторвал.

Мы скромно стояли у входной двери, дожидаясь, что сейчас недоразумение по поводу нас разрешится, с нами вежливо поздороваются, попрощаются и отпустят. Но дело развивалось совершенно по другому сценарию. Дяденька-милиционер длительное время не обращал на нас никакого внимания, потом отвлёкся от своих бумаг и навёл хмурый взгляд в нашу сторону.

– Ну, – произнёс он без всякой радости, – долго будем стоять? Проходите, располагайтесь... А вы, – обратился дядя к прочей шушере, – ну-ка быстро раздвиньтесь!.. Дайте место новичкам.

Братва нехотя зашевелилась, и через минуту я ощутил себя сидящим на тёплой ещё после предшественника-сидельца почти что тюремной скамейке, и понял, как здорово влип. Вместе с Колькой и Витькой. Не говоря уже об остальных присутствующих.

– Так... – пробормотал дежурный дяденька, глядя, конечно, на Кольку, как на самого из нас выделяющегося. – Ну-ка, ты, молодой человек, встань.

Колька встал и принял независимую позу. Это офицеру явно не понравилось.

– Фамилия!.. – прорычал он. – Имя!.. Год рождения и домашний адрес!.. Что, непонятно?

С Кольки слегка слетела спесь, он тут же выдал свои данные.

– Отец есть? – буркнул офицер.

– Есть... А что?

– А то, что готовься к встрече. К жаркой, причём. Я тебе её обеспечу.

– Отец-то здесь при чём? – ерепенился Колька. – Я и сам взрослый! Отпустите меня, я больше не буду. Пожалуйста...

– Будешь, не будешь – мне какая разница? Штраф заплати и чеши на все четыре стороны! Ну? У тебя деньги есть?

– Есть...

– Иди-ка сюда... Выворачивай карманы!.. Вот, всё, что есть – клади на стол. Ничего больше нет?

– Нету... А сколько с меня? Скажите, я сейчас сбегая, принесу.

Бедная мелкая шпана одобрительно захохотала.

– Да, – сказал дежурный, – ты принесёшь, как же, видали мы таких. Твоё счастье, что у тебя денег столько нет. А вот были бы – я бы на тебя акт составил. Поскольку, значит, ты их украл. Ну, или спёр. Или в карты выиграл, что есть одно и то же. У тебя денег не может быть! А у отца твоего есть. Кем он работает?

– Учителем... – под нос пробормотал Колька. – В спецшколе.

– Ну так пусть и тебя разок поучит. Чтобы на всю жизнь память была.

– У меня отец не дерётся! – нагло заявил Колька. – Так что, ничего у вас не выйдет.

– Выйдет, ещё как. Когда он узнает, сколько за тебя должен, такого выдаст дёру, что не обрадуешься. Ещё помянешь моё слово.

– А сколько штраф? – мрачно спросил Николай.

– Интересуешься? – обрадовался начальник. – Столько, сколько и штаны твои стоят, и курточка, и учебники на будущий год... И кино, и конфетки – всё вместе взятое. Шестьдесят рублей, вот сколько!

Арестанты кто взвыл, кто заплакал. А меня как по голове треснули – такой большой штраф, и ни за что. Вот это мне влетит... Вот это будет бойня... И как же это я – сразу на такую сумму. Подобная процедура коснулась и Витьки; дошла очередь до меня.

– Фамилия? – тем же нехорошим голосом спросил милиционер.

Я назвал. Тот уронил ручку и долго гонялся за ней по столу и под столом.

– Где отец работает?

– В горисполкоме.

– Кем?

– Дежурным по городу.

Наступила тягостная пауза, за время которой офицер детально изучил потолок, стены, физиономии арестантов. Затем устремил взгляд и на меня.

– Есть такой, – мрачно произнёс он. – А ты что здесь делаешь?.. Как докатился?

– Вот так, – слабым голосом пояснил я, – думаю, случайно.

– Думаешь? А раньше не надо было думать?

– Да, – согласился я. – Было надо.

– Батя сильно дерётся?

– Ну, как положено.

– Тогда всё правильно, – констатировал офицер. – Покажи, что в карманах.

Затем дежурный по станции сложил моё имущество в отдельную кучку и указал сидячее место среди подростков. Потом он ещё неоднократно принимал свежепойманных пацанов, учинял над ними таинство задержания с обыском и опустошением карманов, затем стал впереди своего стола, приосанился и держал такую речь:

– Граждане нарушители! Обращаюсь к тем, кто слышал, да недослышал или недопонял. А также к вновь прибывшим. Сообщаю, что вы все задержаны и находитесь под административным арестом за грубое правонарушение. Какое – могу напомнить. Это, значит, нахождение на железнодорожных путях и попытка проезда на товарном поезде. Кое-кто из вас это совершает не в первый раз. Может, и не в последний. А мы вас как ловили, так и будем ловить. Значит, так: с просьбами об освобождении можете не обращаться – они мной рассмотрены не будут. Через три часа подойдёт на сегодня последний пригородный поезд, один из вагонов будет перекрыт для такой, как вы, публики. Попытка побега смысла не имеет – не допустим. А в городе по прибытии поместим вас в соответствующее помещение. И всё на этом, будем ждать. Да, ждать, пока вас не найдут ваши родители. Сами мы ничьих родителей искать не собираемся. А если кого из вас не найдут – тот быстро едет в спецприёмник для последующего местопребывания. Впредь знайте – никакого празднования, прыжков на поезд или с поезда, а также прочих преступлений мы вам не позволим. Мы не родители – у нас с этим делом строго.

Малолетние преступники были двух категорий – кто просто выл, а кто и рыдал в голосинушку. Ничего не помогало в смысле облегчения участи. Время тянулось безумно медленно, особенно, когда напротив тебя висели огромные круглые часы с едва шевелящимися стрелками. Входная дверь изредка отворялась только затем, чтобы впустить очередную партию арестантов с самыми умильными физиономиями – якобы, они вообще не в курсе дела, задержаны ни за что и подлежат немедленному освобождению. Ну, совсем как я, при поступлении в пикет.

Время от времени за спиной у нашего цербера появлялись молодые женщины – обе в железнодорожной форме. Скорее всего – кассирши. И что удивительно – они были категорически на нашей стороне! Они по очереди, а когда и вдвоём, громко нашёптывали в уши милиционеру такие слова, чтобы он нас, в общем, отпустил. Даже, можно сказать, они с ним дружески переругивались. И аргумент у них, обеих, был единственный – полное отсутствие у офицера собственных детей и, в связи с чем, отсутствие какого-либо права ловить чужих. Надзиратель вяло отшучивался, отмахивался, отмалчивался, так, что женщинам ничего другого не оставалось, как раздавать наиболее орущим свои собственные конфеты. Мне не досталось ни одной.

Собственно говоря, я совершенно отупел, глядя на часы, приготовился ко всему самому, что ни на есть, худшему. В тот момент, пожалуй, встрече с батюшкой я бы предпочёл кратковременное пребывание в спецприёмнике, так мне казалось. От такого настроения я впал в некоторое забытье, из которого меня вдруг вывел какой-то необычный шум и толкотня. А дело было в следующем.

Одной из добрых кассирш понадобилось наполнить водой огромный алюминиевый чайник, справиться с которым у неё никаких женских сил не было. И вот на эту тему она вела переговоры с нашим телохранителем – не выделит ли он ей в помощь кого-нибудь из арестантов, лучше двух. Узники при этом тянули вверх ручки, как на уроке в школе, вскакивали, всячески старались обратить на себя внимание как на самого достойного и надёжного для исполнения поставленной задачи. Похоже, молчал я один, поскольку сидел на самом краешке скамейки, у стенки, не рыпался и не мечтал даже попасть в поле зрения нашего тюремного руководителя. Тот, наконец, встал и резким жестом правой руки прекратил всяческие прения.

– Вот, – произнёс он тоном большого руководителя. – Вот он пойдёт.

И его указательный палец упёрся прямо в мою, стриженную туповатой парикмахерской машинкой, головёнку.

Я понял далеко не сразу, о чём шла речь. Дошло, когда пихнули сзади и сбоку. Мне казалось, что среди сидельцев есть более достойные, чем я, сограждане. Взять, например, Кольку.

Ведь Аристократика сразу видно, он и есть чистый Аристократик. Он ведь и на скамейке среди арестантов сидел совершенно особым способом – ноги вытянуты, закинута одна через другую, руки на груди, а на лице – навсегда застывшее настроение совершенного равнодушия, даже отвращения относительно каждого из представителей советской власти, будь то милиционер, учитель, кассирша или даже врач. Мама его, старшая медсестра, была для него в то время всех главнее.

– Дурень, иди! Тебе чайник дают! – шипели со всех сторон. – Да не вздумай принести! Как выйдешь, бросай и тикай. Пусть они надрываются. Пусть сами таскают, понял?

Ну, я и пошёл. Возле железной двери меня встретила билетёрша и вручила мне чумазый водогрейный сосуд.

– Смотри, только не вздумай, – сказала она. – Хуже будет, понял? Бежать не вздумай.

– Понял, – согласился я, – а где тут у вас кран? Или колодец...

– Найдёшь, – объяснила мне женщина, – если захочешь. Буду тебя ждать здесь. На этом самом месте. Давай!

Я поплёлся дощатым коридором, мимо каких-то кабинетов, напрямую к выходной двери, а как только отворил её – солнышко так и брызнуло в глаза. Птички так сильно защибетали, будто увидели меня впервые после долгой разлуки. Это было самое настоящее счастье – оказаться практически на свободе после четырёх часов тюремного заточения. Стоило только аккуратно поставить чайник около забора и проскользнуть сквозь калитку. Но меня что-то останавливало. Я заметил капающий кран почти у выхода на перрон, сполоснул чайник, сам попил из носика и поплёлся знакомым путём туда, где меня ждала знакомая женщина. И милицейская охрана.

Вручил ей тяжеленную от воды посудину, сам открыл дверь своего застенка, сам, без приглашения, устроился на угол скамьи. Встретила меня ледяная тишина и, как мне показалось, лёгкое презрение со стороны сокамерников. Хотя, думалось мне, ещё неизвестно, как бы сами они поступили. Но на тот момент мне их точка зрения уже была не очень интересна.

А дальше случилось совсем непредвиденное. Гражданин старший дежурный офицер, минут за десять до прибытия пассажирского поезда в сторону города, снова вызвал меня и приказал стать рядом с ним на приступочке, напоминавшей сцену.

– Вот, – провозгласил он, обращаясь лично ко мне и больше ни к кому другому, – смотри на этих ребяташек. Лучше смотри! И запоминай. Навсегда их запомни. Знаешь, почему?

Вообще, я не очень знал. Даже не мог представить.

– Потому, – сказал начальник, – что все они, которые здесь, они все свои. Насмерть свои. Понял?

– Понял, – ответил я.

– Ну, раз понял, тогда главное ещё запомни: они здесь свои, а ты чужой. Им на тебя плевать. Они твоими друзьями не были и никогда не будут. Раз и навсегда запомни, чтобы я тебе больше не повторял. Сейчас отпускаю. Как только поезд подойдёт, сядешь на него и поедешь на вокзал, к дому. Сам доберёшься, или под конвоем?

– Сам доберусь! – твёрдо заявил я.

– Обещаешь? Прямо домой?

– Обещаю.

– Так и я тебе обещаю. Если я тебя ещё хоть раз здесь увижу – одного или в компании – я тебя так накажу, что ты навек запомнишь. Ты тогда узнаешь, кто я такой и на что способен. Всё ясно?

– Ясно, – подтвердил я.

– Свободен, – сказал начальник, торжественно вручая мне ключи от дома и несколько собственных моих рублей. Дверь отворилась. Ещё я услышал, как Витька с Колькой зашипели мне вслед: «Молчи!.. Про нас ничего никому не рассказывай!»

Так я вышел на свободу. С чистой совестью.

Тут же подъехал пригородный поезд на тепловозной тяге. Я забрался в плацкартное купе, и через пару остановок оказался на привокзальной площади, откуда до моего дома было минут двадцать ходьбы. Я шёл очень аккуратно, инстинктивно соблюдая все правила движения и поведения, чтобы не загреметь снова в тот же самый железнодорожный участок милиции. «Здесь ты чужой, – гремело в ушах, – а вот они – все свои. До единого!» А я, значит, теперь совсем один.

Было тепло, но уже не так жарко, как до моего ареста. Солнце ещё блестело, но вот улицы, почему-то, были пустынные. Ни друзей, ни врагов. Всё было тихо. Я проскользнул в свою комнату, что-то, помню, читал, чего-то ел. Спать лёг раньше положенного времени, чем очень удивил маму. Она даже спросила – не случилось ли чего. Я ответил, что, не случилось, но уснул поздно – волнение никак не отступало.

Гром раздался часа в три ночи. Послышались звонки, стук в дверь, какой-то народ в прихожей, громкие голоса. В комнату, не включая свет, вошли отец и мама. Мама потерела меня за плечо. Я, хоть и не спал, спросил, в чём дело.

– А ты не знаешь, – спросила мама, – где Виктор и Николай? Их нет дома. Пришли родители, очень волнуются.

– Нет, не знаю, – ответил я.

Отец включил свет.

– А ну-ка, поточнее! – ласково сказал он и придвинул стул к моей кровати. – Поподробнее.

Темнить не было ни малейшего смысла.

– Вообще, не знаю, – ответил я, – но так полагаю, что они на вокзале.

– Да? Что они там делают? – допытывался отец. Скорее всего, он хорошо умел допытываться.

– В пикете сидят.

– Уверен?

– Да, наверное, – вздохнул я.

– И где же их задержали?

– Ну... вроде бы, на семнадцатом разъезде.

– И ты был с ними?

– Был, но недолго.

– Почему?

– Меня отпустили.

– Кто отпустил? Как его зовут? Кто по должности?

– Да не сказал.

– Ты почему нам не сказал?

– А что говорить? Всё ведь в порядке.

– А про ребят? У них родители есть или нету? Они беспокоились или нет, как думаешь?

– Меня ребята просили. Витька с Колькой.

– Что просили?

– Просили ничего не говорить. Никому. Ни в коем случае.

– Ладно, спи пока, – разрешил отец. – Я найду этого человека. Тогда и поговорим.

– Папа, а зачем его искать? Всё хорошо, не надо.

– Ну, это уже мой вопрос, – сказал папа, – хоть узнаю, сколько я ему за тебя должен.

Может, штраф на тебе висит.

Чужие родители ушли. На другой день, и на третий мама была спокойная, весёлая, никто мне про этот случай больше не напоминал. Мне кажется, мои родители поняли, что я в те дни сделал свой выбор. Не без помощи МВД, конечно, но раз и навсегда.

Колька-Аристократик тоже догадался. Больше они с Витькой на поезда скакать меня не приглашали. Хотя, закурить или выпить чего-нибудь – это всегда пожалуйста, без отказа. Но я уклонялся, да и они не слишком уговаривали. Колька надолго сумел сохранить свой внешний блеск, непринуждённость, элегантность, агрессию и хамство против чужих, а уж за своих – всегда насмерть, ну, пока мамочка его была трудоспособна. Оба они впоследствии даже поступили в политех, даже закончили его, но уже будучи милыми бытовыми пьяницами. Оба иногда разыскивали меня, а я прятался от них там, где они даже и подозревать не могли. В библиотеке. Только Борис знал, где надо меня искать. И то не сразу догадался.

В тот день я определился, наконец, кто мой любимый автор – он тогда ещё был огромной редкостью в библиотеках, а уж про магазины и подавно молчу. Не буду называть ни имя его, ни фамилию – не дай Бог, увлечётесь. А что будет с Вами потом – не могу представить. Интересный автор, но опасный. Ужас, до чего опасный. И только я вчитался в эту книгу до полного погружения, то есть, до отключения от окружающей обстановки, как кто-то бац меня рукой по плечу! В такую минуту... На самом интересном месте! Как я зайкой не остался? Сначала показалось – из книги вылез персонаж, их там было много всяких. Ни одного приличного. Думаю, совсем пропал. Схватят меня сейчас, затащат и распотрошат. А тут Борькин голос над ухом:

– А-а, вот он где!..

Благо, в читальном зале народу никого почти не было.

Пока я приходил в себя, Боря понял, чем я так увлёкся, хотя, по-моему, это не совсем книга была, а литературно-политический журнал. Но лицо Бориса приняло дико-умное выражение.

– Да-а, – бормотал он, листая страницы, – вот, значит, братец, куда тебя занесло... Да уж, нечего сказать... С тобой теперь всё ясно...

И сам так зачитался, что не оторвать.

– А что тебе со мной, вот интересно, ясно? – спросил я, поздоровавшись.

– А вот что, – Боря сбросил тон и перешёл почти на шёпот. – Я искать тебя замучился. Думаю, совсем пропал. А ты вот где! Похвально!

– Ты меня искал?... Вот реприманд какой неожиданный.

Пока Борис хихикал, я никак не мог сообразить, отчего это я ему вдруг понадобился. Но радость согревала душу – такой взрослый, элегантный, интеллигентный, старший мой приятель, до крайности заинтересовался моей скромной персоной.

– Слушай, – шипел Борис у меня над ухом, – может, хватит на сегодня? Закрывают уже. С этим автором не стоит торопиться. А у меня разговор есть.

Ну, раз так – сдал я литературу, нашёл пальто в гардеробе, оделся. И то сказать – на текущий момент, в связи с тем заездом на товарняке, взрослых приятелей у меня поубавилось. Особенно аристократов. А тут на тебе – Боря! Да ещё с разговором! Просто повезло.

Вышли мы на проспект, где уже и вправду было темно, отчего на сваренных из уголков чёрного железа фонарных опорах, абсолютно точно напоминающих мостовые фермы, сияли лампы дневного света по три штуки с двух сторон. Как на вокзале. Двинулись к дому. Тут Борис произносит следующие слова:

– Алексей! Ты понимаешь, какая штука... Завтра у Лариски День рождения.

– Вот как? Здорово! Замечательно. Ну, значит, и от меня передай поздравления. Большой будет праздник?

– Большой... Очень большой.

Отчего-то Борис вздохнул и призадумался. Потом продолжил:

– Дело-то вот в чём. Ты как раз в числе приглашённых.

Сначала я просто ничего не понял.

– Я?! В числе?! В каком числе?

– Приглашённых. Вот, брат, какая штука.

– Не, Боря... Ты это брось. Что ты, ни в коем случае. Я же там у вас никого не знаю. Да и костюма у меня нет соответствующего.

Что было правдой. На тот момент мама и папа занимались сами собой – строили семейный конфликт. Ни у кого до меня руки не доходили. Что было из одежды с прошлого года – то и донашивал. Но Борис был неумолим.

– Значит, так, – сказал он очень строго. – Пойдешь, и всё. Тебя Лариса сама приглашает. Лично.

– И никак нельзя по-другому? Ну, подождать немного. До следующего раза.

– Ни в коем случае. Там, понимаешь, парней не хватает. Девчонки есть, а с нами, мужиками, беда. Так что, вопрос исчерпан. Встречаемся завтра ровно в три часа, и не вздумай укрываться. Найду всюду!

Что было делать – пришлось согласиться. Мы тотчас разошлись по домам – готовиться.

Надо сказать, что мама и бабушка запрещали мне делать что-нибудь по дому. Запрещали, и всё. И не то, чтобы я рвался им помогать или не рвался – значения не имело. Ничего не разрешали. Носовой платок выстирать – и то не позволяли. Я долго понять не мог, в чём дело, и однажды, когда мама заметила, что я попытался без спроса вымыть пол, и тут же с криками перемыла все мои деяния, спросил:

– Ну, мама, в чём дело? Ты меня перед людьми позоришь. Я же ничего не умею.

– Твоё дело – только уроки. А всё остальное – не твоё!

– А пол помыть – что такого?

– А кто тебя просит пол мыть? Я тебя просила? Зачем тебе это надо? Это ты меня позоришь. Хочешь сказать, что кроме тебя больше некому? Когда женишься – намоешься ещё, успеешь. И настираешься...

Перед таким непонятным доводом мне осталось только умолкнуть. Вот и в этот раз случилось точно то же самое. Только мама заметила меня, анализирующего кучку собственной одежды, сразу заподозрила неладное.

– Куда собираешься, – строго спросила она, – уж не на ночь ли глядя?

– Да ну, что ты, какая ночь – так, ничего особенного...

– Тогда говори, что случилось. Сознавайся.

– Понимаешь, мама... Мне завтра на День рожденья идти.

– Так, – сказала мама, – вот это номер. Неужели к Кольке?.. Или к Витьке?

– Нет.

– Уже лучше. А к кому? – допытывалась мама.

– Не к кому, главное, а с кем. С Борисом мы идём. К подруге его.

– А ты-то как идёшь? Без приглашения?

– В том-то и дело, что с приглашением.

– И кто тебя пригласил? Борис?

– Да и он, и подруга его. И её родители.

– И кто у неё родители?

– Точно не знаю. Вроде, из Крайисполкома.

– А где живут, знаешь?

– Да как не знать. На Димитрова они живут. В новом доме.

– Да... – произнесла мама. – Ну, если с Борисом, тогда ладно. При таком условии, что прямо сейчас ложишься спать.

– Да мне бы только штаны почистить...

– Опять за своё? Тебе что сказано?

Пошёл я спать. А наутро всё для меня было готово. Что постирать – постирано, что отутюжить – отутюжено. А сверх того выделено мне было целых пять рублей ассигнациями на подарок. Порядочная сумма, если учесть, что бутылка шампанского в те давние годы стоила два

рубля пятьдесят копеек. Но вот подарок пришлось поискать – не так уж много в ту пору было магазинов. Цветы удалось купить на рынке, а вот книжка нашлась не сразу. Но зато какая! Про Гагарина. И родилась романтическая подпись – поздравляю, там, всего желаю, а в конце концов – обещаю тебе, что буду таким же. Вот выдал!.. Да ещё пластиночка была её любимая, как я от Бориса узнал – «Голубые канарейки». Таким образом снарядившись, я пошёл рядышком с Борисом на первый мой официальный праздник.

Шли молча. Вернее, Борис молчал, да и меня не очень слушал, отчего настроение у меня складывалось, как тётка моя говорила, дядина жена, врач по образованию, тревожно-мнительное. Идти, не идти... Кому я там нужен... Бориса что-то не понять – не хочет говорить на темы литературы и искусства... А вдруг мне придётся? О чём они там рассуждают? Но было безумно интересно взглянуть на высококультурных, мультиобразованных молодых людей, из которых, как мне объяснил приятель, кое-кто учился в музыкальной школе, кое-кто в музыкальном училище, как сам Борис, а некоторые даже играли в составе оркестра местного театра музыкальной комедии. От предстоящей встречи с такой выдающейся богемой у меня просто дух захватывало.

Дверь в Ларискин подъезд открывалась просто – потянул за дверную ручку, и всё. Потом вестибюль, потом лифт на шестой этаж – всё такое новое, чистое, бесшумное. На пороге нас встретила сама хозяйка – Ларочка, блистательная, раздумывавшаяся, совершенно воздушная, вся в кудряшках, в платице своих бледно-розовых тонов, окутанная ароматами духов, поступивших явно из восточной Европы, ибо отечественные ароматы были тогда известны всем и каждому – «Шипр» и «Тройной».

Принимая подарки от Бориса, Ларочка сделала милейший реверанс, а меня вдруг схватила за руку и потащила представлять друзьям, маме и папе. И всё на таком высоком уровне, что поневоле задумаешься.

Ларискин папа оказался здоровяком, пышущим здоровьем, фронтовиком, увешанным орденами, а ныне заведующим отделом торговли Крайисполкома. Истинный аристократ, вот уж в чём не было ни малейших сомнений. Мамошка – ангел, куколка, мужу еле-еле по плечо, вся в наряде, разрисованном крупными цветами. Ещё были друзья – скрипачка, пианистка и молодой человек – альтист филармонии, в общем, тоже скрипач. Все осмотрели меня с ног до головы, более пристально, чем мне бы хотелось. На счастье, Лариса, прежде чем усадить всех за стол, увлекла меня на экскурсию по их квартире. Дополнительно мне были представлены: младший брат, рыжий кот, кухня, ванная и галерея комнат, уставленных мебельными гарнитурами того же восточноевропейского происхождения. Наша служебная квартира, в которой я родился и жил, вообще-то не шла ни в какое сравнение с Ларискиными хоромами. Но в тот момент подобные размышления меня не волновали, я осмотрел всю эту красоту как человек, утомлённый подобными интерьерами, и с пониманием кивнул головой.

Тут же сели за стол, и День рождения покати́лся по хорошо, в этой дружной семье, налаженным рельсам. Я сумел определиться в поданных кушаньях только потому, что ранее листал бестселлер тех времен – «Книгу о вкусной и здоровой пище». Ларочка сияла и светилась восторгом. Царили улыбки, в воздухе витали любезность и предупредительность. Многократно звучала подаренная мной пластинка, в особенности «Голубые канарейки». Но, поскольку на мою скромную персону слишком часто бросали взгляды и Боря, и Лариса, и её родители, и присутствующие подружки, я чувствовал себя не в своей тарелке. Казалось, не слишком я соответствую этой компании ни внешне, ни внутренне, и, думалось, на кой чёрт я сюда потащился. Поест не дадут спокойно, всё как-то ухаживают, какой-то лакомый кусочек стараются подложить. Как инвалиду. В нашей семье с питанием дело обстояло намного проще: хочешь – сядишь, кушаешь. Не хочешь – вообще свободен, выйди из-за стола и скажи спасибо.

Родители сидели за столом до самого вечера, я уже успел почувствовать себя их лучшим другом, почти что родственником, но, когда они незаметно исчезли, вздохнул посвободней.

Только я до такой степени осмелел, что нацелился подробней пообщаться с музыкантами, как снова в дверном проёме возник Ларочкин отец и поманил меня к себе пальцем – точь-в-точь таким жестом, как тот дежурный офицер в переполненной железнодорожной кутузке.

Мы вышли в коридор. Он дружески обнял меня за плечи и повёл в свой кабинет. Там мы устроились за небольшим столиком, и он спросил меня, глядя прямо в глаза:

– Ты как относишься к шахматам?

Я вспомнил, что всё начальство в нашем городе к шахматам относилось с большой любовью, в том числе и мой отец. Единственным украшением стен в нашем доме являлись похвальные грамоты за достижения в области шахматной идеи.

– Неплохо отношусь, – предерзко ответил я, чувствуя себя некоей составной частью начальствующей прослойки. – Но играю чуть-чуть похуже. Боюсь Вас разочаровать.

– Тогда, что... давай попробуем?

Я не успел ни отказаться, ни согласиться, как Ларочкин папа расставил шахматные фигуры и приказал:

– Ходи.

Что было делать? Бывало так, что я и выигрывал у сверстников, но только после того, как листал перед игрой книжку «От Филидора до Стейница». Она приносила мне шахматную мысль, правда, ненадолго. Потому я на тот момент к игре оказался не готов, хотя какое-то время держался за счёт того, по-видимому, что мне удавалось делать более-менее умное лицо. Конечно, Папа меня быстро раскусил. Он очень деликатно, после моих ходов, ставил фигуры на место и выдвигал другие, соответствующие моей же позиции. Только сказал однажды:

– Ну кто так ходит...

А потом спросил:

– Как твой отец?

– Неплохо, – ответил я, хотя это было не совсем так. Обстановка дома держалась в напряжении уже чуть не целый месяц. Я это чувствовал, но причину мне никто не объяснял.

– Ага... – сказал Большой папа. – Иди уж к друзьям. Сегодня ты как-то не сосредоточен.

Ну я и пошёл, вежливо извинившись, поклонившись и пожелавши взрослым спокойной ночи, хотя, как мне показалось, папа не очень был доволен и самой игрой, и нашим разговором.

Выйдя из кабинета, я вновь оказался в коридоре, имевшем по обе стороны множество дверей. Отворив одну из них, я оказался в ванной, где возле одного из зеркал, украшенного канделябрами, стояла Ларочка. Смутившись, я только собрался сделать задний ход, но Лариса мило улыбнулась, вся расцвела и спросила:

– Как ты меня нашёл?

Вопрос застал меня, конечно, врасплох, так как я искал не её, а по крайней мере Бориса или того альтиста из мюзикомедии, но, поскольку времени на размышления не было, постольку мы тут же и поцеловались. Вернее, это она меня привлекла к себе и поцеловала. Вообще, это было так неожиданно, так здорово... В голове стучал единственный вопрос: что теперь делать дальше? Как поступают порядочные люди в подобных ситуациях? Сразу же объявляют о помолвке? Но, в данном случае, кому? Родителям? Другам? Или Борису, за руку приведшему меня сюда, в дом своей невесты... Доступная мне на тот момент часть всемирной художественной литературы не давала никаких конкретных по этому вопросу рекомендаций, поскольку, как мне казалось, ранее ничего похожего на наш с Ларисой случай никем описано не было. Немедленно захотелось обратиться в библиотеку и посоветоваться с тем самым Автором, которому я более всего доверял. Куда там – Ларочка тут же утащила меня в банкетный зал и усадила за стол рядом с собой, подальше от грустного Бориса. Совершенно обалдевший, я сидел, как чёртова кукла, прислушивался к музыкальной тематике и ожидал ежеминутно, каким взрывом сейчас для меня окончится вся эта рапсодия. К счастью, новые друзья сохранили для меня малую толику шампанского, которую мы тут же совместно употребили за счастье прекрасной

именинницы. И разговоры закипели мимо меня. Речь шла о «Марице», славной оперетте, которая совсем недавно была поставлена в театре музкомедии. Я хорошо запомнил это произведение искусства, поскольку именно в тот вечер мне удалось впервые услышать его фрагменты в исполнении скрипки, фортепиано и самой Ларочки. Впечатление от вечера было непередаваемым. Музыка помню до сих пор, а вместо слов – ералаш, ибо в голове у меня тогда вертелся текст, наподобие «Только раз бывает в жизни встреча...» и ещё один: «Чтобы не зашиться, мне бы надо смыться». И то сказать – пригласили в гости, впервые в жизни, в порядочную компанию... Все аристократ на аристократе... А я что? Сразу, как свинья, целоваться полез. Плохо дело. Если не пошёл разговор о помолвке – могут и в рыло дать. А ещё хуже – до родителей дойдёт. Опять собеседование. Из огня да в полымя. Настроение моё металось из крайности в крайность, Лариса порхала надо всем этим весельем, ничего страшного для меня не происходило, только Борис становился всё мрачнее и мрачнее. Скрипка в его руках уже не пела, а завывала на тему любви диковатым до хрипа голосом. Явно, кто-то из них был расстроен. Скорее всего, оба – и Борис, и скрипка. Он и ранее не слишком контролировал выражение своего лица, да и тела, если можно так сказать. Уж он удивлялся, так удивлялся: глаза и рот округлялись, брови вылезали на самый лоб, руки задирались к небесам, а ноги приседали, хоть и ненадолго. Не человек – театр ходячий. Но сегодня Боря превзошёл самого себя – он в процессе игры на своей скрипке многократно извивался из стороны в сторону, скалил зубы, морщил лоб, строил такие страдальческие гримасы, что я уже начал опасаться получить от друга скрипкой по голове в качестве заключительного аккорда и этой встречи, и нашей с ним короткой дружбы. Блистательные Ларочкины глаза, очаровательные взгляды и улыбки явно давали мне намёк на существующую возможность некоей дружеской перспективы, однако, там, на ступенях летящего железнодорожного состава, мне казалось, я чувствовал себя поспокойней.

Вдруг музыка умолкла. Борис надолго замер в позе Штрауса с одноименного памятника, ныне стоящего в городе Вена, если эту статую никто ещё не разгромил. Я сумел воспользоваться возникшей паузой и высказал единственно правильную, на мой взгляд, идею:

– А не пойти ли нам с вами, дорогие товарищи, погулять?

Девочки обрадовались, Борис промолчал, только общий друг, филармонический Альтист, пробормотал мне на ухо:

– Слышь, Лексей, кочумай... Смотри, еды сколько остаётся.

– Обожраться, что ли, – тихо возразил я. – В меня не лезет.

– В тебя не лезет, я при чём? – дружески заметил альтист, допивая кофе с пирожком, но вынужденно отправился на прогулку вместе со всеми.

На улице мы пошли, конечно, к театру оперетты. Здание это волновало всех. Девушек – потому, что это было их первым настоящим рабочим местом после студенческого оркестра и занятий с педагогом в классах. Меня – потому, что располагалось в бывшем здании КГБ, переданном театру после окончания строительства новейшего специального помещения. А во дворе старого дома, ныне ярко окрашенного, расцвеченного огнями и афишами, я часто гулял с мамой, приведённый ею за руку, между елями и чужими дядями в гражданской одежде. Так было странно осознавать – куда меня водила в детстве мама, туда меня ведут милейшие девушки и такие взрослые знакомые, одного из которых я сегодня ещё вполне бы мог назвать другом, а теперь вот и не знаю, кто я ему. И кто он мне.

Альтист тоже был слегка взволнован, ибо под ручки с ним шагали две прекрасных спутницы, что, похоже, совершенно его устраивало. Они шли впереди, перед нами с Борисом и Ларочкой, весело общались между собой, да ещё и нас старались время от времени привлекать к беседе. Вдруг я понял, что их разговор коснулся и моей скромной персоны. Это до меня дошло, когда одна из сопровождающих Альтиста девушек, которую я лично для себя назвал Рыжей, обратилась лично ко мне с непростым вопросом:

– Лёшенька, скажите, пожалуйста, знаете ли Вы, где находится у женщины пистолет?

«Ну, началось... – подумал я. – Теперь что говорить-то?»

Компания наша приостановилась. Рыжая с хитрым лицом ждала от меня хоть какого-нибудь ответа. Борис отвернулся. Филармонический Альтист закашлялся сигаретным дымом.

– У женщины? – уточнил он. – Или у девушки?

Тут Ларочка взяла меня под свою защиту.

– Ну как вы так можете! – расшумелась она. – Что за дурацкие вопросы! И что вы к мальчику пристаёте? Что вы от него хотите? Вообще, откуда ему знать?

– Твой, что ли, мальчик? – возмутилась Рыжая. – И что я такого у него спросила? И ничего особенного я в виду не имела.

– Скажи тогда, – добивалась Лариса, – а что ты такого простого имела в виду?

– Ну, – будто засмузилась скрипачка, – совершенно уж ничего такого, что могло бы вашего мальчика огорчить. Я просто хотела сказать, что есть такой предмет женского туалета...

– Какой! – настаивала Ларочка.

– Или это предмет одежды, – хитрила Рыжая, – я просто боюсь ошибиться. Потому и хотела уточнить.

– Да будешь говорить или нет? – вскричал Альтист. – Говори, не рви душу. Только без форшлагов.

– Что ты, какие форшлагги... Вообще, ты слышал от меня когда-нибудь хоть один форшлаг? Я имела в виду одну вещь... Вы все, может быть, знаете. Пажики. Да, именно их. Что такого... Это одежда или туалет? Лёшенька, как ты думаешь?

– А что, – спросил я, – туалет и одежда – это не одно и то же?

Тут девушки устроили беготню, писк и смех. Я, вообще, пажик один раз видел, он дома у нас на полу валялся, и пистолет видел, даже в руках держал, но никак не мог взять в толк, как на пажиках будет пистолет болтаться? Чудно, что только женщины не изобретут. Видимо, это просто какие-то фантазии, ничего больше. И у отца, главное, не спросить, не говоря уж о матери. Надо будет впоследствии Ларочку озадачить по этому поводу – удержится ли на пажиках пистолет. Только бы не забыть, размышлял я, да улучшить удобный момент. Хотя, ужас какой – с девушкой общаться на такую сомнительную тему... Что она может обо мне подумать?.. Вдруг объяснять начнёт. А как Борис посмотрит на такие объяснения... И что у них за любовь... Так продолжалась в тот вечер наша прогулка между пажиками, пистолетом и ариями из прекрасной оперетты «Марица». Кстати, всем, кто не слышал или не смотрел это фундаментальное произведение великого композитора Кальмана, я категорически рекомендую его как сглаживающее многие углы и разрешающее противоречия сложных межчеловеческих отношений. Вот и мы со смехом и шутками добрались в тот вечер до конечного пункта нашей прогулки – театра Музкомедии, где на всех афишах чёрным по белому был обозначен в качестве участника Большой филармонический оркестр. Убедившись в этом факте, надышавшись ароматом елей, окружавших здание театра со всех сторон, команда наша двинулась в обратный путь. Получалось так, что всю дорогу Ларочка то была со мной под ручку, то с Борисом, лепетала что-то такое неопределённо-воздушное, и все наши любовные страсти как-то постепенно улеглись. Или улетучились. Или никогда и не возникали. Или возникали, но только в одной моей голове? Я очнулся от этих размышлений только возле Ларочкиного крыльца, когда она со всеми распрощалась, расцеловалась и упорхнула в свой подъезд со своего высокого крылечка. Компания тут же распалась, мы с Борисом остались вдвоём, друг напротив друга. И пошли мы с ним к нашему дому, палимы ярким лунным светом.

Шли недолго, хоть и не спеша. Борис впервые к разговору как-то был не склонен. Огромная яркая луна сопровождала нас до самого дома. Около своего подъезда Борис вдруг повеселел, встрепенулся и протянул мне листок бумаги с телефонным номером.

– Вот, – сказал он, – это тебе. Лариса просила позвонить. Так ты уж, пожалуйста, не забудь.

– Звонить Ларисе? – переспросил я. Похоже было, что мои любовные приключения ещё не окончились. – А я-то почему должен звонить?

– А кто же ещё-то? Она тебя просит, не меня.

– Что-то случилось?

– Что такого могло случиться? Всё в порядке. Даже очень хорошо, – утверждал Борис. – Звони, и не вздумай стесняться. Жизнь, она, понимаешь, как оперетта. Штука весёлая. У меня свои отношения, у тебя другие. А музыка одна на всех. И персонажи всё те же. Ты только одно запомни, самое главное: Сильва Вареску никогда не даст поцелуя без любви. Запомнил?

– Запомнил... – пробормотал я.

– Вот так и дыши.

– Так-то оно так... Да, понимаешь, такое дело... Песня есть одна, хорошая песня. Так в ней поётся, что, будто бы, «если случится, что друг влюблён, а я, понимаешь, на его пути»...

– И что?

– «Уйду, значит, с дороги, такой закон. Третий должен уйти».

– Песня, Лёша, она песня и есть. Она есть молитва. Если, конечно, сильная песня. А я тебе про оперетту толкую. Прислушайся, внедрись. В оперетте, видишь ли, жизни побольше. Простой реальной жизни. Которая, бывает, нам тоже очень нужна. Впрочем, давай. Твой выбор.

Боря пожал мне руку и ушёл. Я тоже пошёл домой – делать свой выбор.

Наутро, как порядочный мужик, я позвонил Ларисе. Она очень обрадовалась, когда узнала мой голос. Вообще, как я уже понял, она очень любила радоваться, отчего постоянно пребывала в восторженно-воздушном состоянии. И как было ей не радоваться – дочке руководителя всеми потребительскими товарами нашего региона. Я, конечно, и сам был не лыком шит, но такой дикой роскоши, как у неё в доме, и на картинках не видел. И воспитан был в стиле казённо-казарменном, хоть отчасти в литературно-приключенческом.

– Лёшенька, – воскликнула Лара, – как ты меня нашёл?!

– Понимаешь, – сообразил я, что ответить, – очень хотелось встретиться.

Тут же мы договорились о месте встречи, и я побежал за цветочками. Но Ларочка явилась не одна, а с рыжей скрипачкой. Это меня даже успокоило. На настоящем свидании я, честно сказать, был впервые, не знал, что такое дуэнья, да и до сих пор точно не знаю, и не совсем понимал, как себя вести, особенно, если иметь в виду мощную вчерашнюю увертюру. Во всяком случае, после самых дружеских приветствий, речь, естественно, пошла о музыке. Да ещё в таком ключе, будто наше знакомство продолжалось долгие годы.

– Представляешь, – щебетала Ларочка, – сегодня у нас была генеральная репетиция, а Боренька как киксанёт... Из-за него дирижёр оркестр остановил! Говорит, что у вас со слухом! Опустите, говорит, вторую струну на четверть оборота, у вас там бемоль, а вы диэз играете, вот до чего дошло. Ужас! Не знаешь, Лёшенька, что с это ним происходит? Почему он ходит, как в воду опущенный, вот уже недели две. Что случилось?

– Ларочка, откуда же мне знать?

– Вы же друзья, – настаивала Лариса, – ты просто обязан. Ему надо, ну... посочувствовать. Что за странная такая у вас дружба? О чём-то вы с ним говорите? А как общаетесь?

– Нормально общаемся. Говорим чаще всего о происхождении семьи, частной собственности и государства. Бывает, правда, ещё про материализм и эмпириокритицизм.

– Ага, – вставила своё словечко Рыжая. – Это значит – про любовь, так?

– Да! – подтвердил я. – Только про любовь. Про что же ещё-то? Причём, про любовь к Ларочке.

– Ко мне?! – вспыхнула Ларочка розовым милейшим цветом.

– А к кому? Тебя не любить невозможно... – пролепетал я в тон Ларочкиной окраске. И угадал – мои слова, похоже, были единственным текстом, который бы ей хотелось выслушать, да ещё в присутствии подружки. Рыжая выглядела озадаченно, и мысль изрезала её чело.

– Хорошо получается, – произнесла она, – вы, значит, здесь объясняетесь, а я стою одна, как дура. Мне кажется, я уже вам мешаю.

– Нет, нет, – вскричали мы оба, – и нисколько ты нам не мешаешь! Можешь с нами постоять столько, сколько будет тебе угодно.

– Тогда ладно, – смилостивилась Рыжая, – остаюсь. Только мне скучно стоять, давайте гулять. Куда пойдём?

– Пойдём, – сказала Ларочка. – А куда ты хочешь?

Рыжая подумала, но недолго.

– Хочу в кафе.

– Так в чём дело? Лёшенька, как ты на это смотришь?

А как я мог на это смотреть? Две прекрасных, образованных, музыкальных, ослепительно красивых девушки, их смеющиеся лица, взгляды, направленные на меня с таким дружеским интересом – кто бы мог сомневаться? Конечно, через минуту мы шагали в кафе, хотя я совершенно не мог себе представить, как туда ходят, что там продаётся и сколько чего стоит. Я был в кафе, только тогда родители платили. Впрочем, какие-то денежки у меня имелись, и ничего, кроме веселья и радости не испытывал я тогда, прихваченный с обеих сторон милыми, воздушными красавицами.

Вскоре мы приблизились к специальному заведению, на котором так и было обозначено: «Кафе». Тут я, будто бы зная, что делать, отворил тяжёлую дверь, наподобие библиотечной, и пропустил девушек вперёд. Возможно, у меня сработали отцовские гены. Мест свободных было предостаточно, но мы, почему то, устроились почти в центре зала, рядом с небольшой компанией, состоящей из мужчины и женщины. Мужчина был здоров и волосат, сидел к нам спиной в белейшей, по моде тех дней, нейлоновой рубашке. Его пиджак висел на спинке стула по причине очень тёплого, почти летнего дня. Но более всего меня в тот момент интересовало меню – сколько платить и кому лично. Но этот интригующий листок никак не мог попасть мне в руки – девушки изучали его с повышенным, на мой взгляд, интересом. Но вот, наконец, Лариса указала мне пальчиком:

– Это и вот это. Как ты?

У меня камень упал с сердца – денег хватало. Даже с запасом. Но Рыжая опять заставила меня насторожиться. Она заявила:

– Хочу шампанского!

Я взглянул на строчку «Советское Шампанское» и обомлел. Два рубля пятьдесят копеек за бутылку! Хватало! И на шампанское хватало. А я думал – наценка будет, может, раза в два. Вот это да... А мама жаловалась на дороговизну. Какая же это дороговизна? Это нормально, жить можно. От мороженого мне, всё-таки, пришлось воздержаться, зато всем хватило ещё по маленькой шоколадке.

Мороженое официантка принесла в вазочках, а вино в бутылке и расставила перед нами по бокалу. Вообще, я знал, как оно открывается, даже в кино видел пару раз. Но сам пить пока не пил, если не считать Ларискиного Дня рождения, открывать тем более не открывал. Потому, для начала прикинул план действий. Сначала нужно открутить проволочку. Или нет: сперва снять фольгу. Или нет? Во дворе, я видел, человек откручивал сразу проволочку. Получилось у него лихо и даже красиво. Вообще, в те годы, я от старших слышал, что такие вина никто всерьёз не принимает. Считалось – пустая трата денег. Детский сад. Потому я, ничтоже сумняшся, приступил к делу. Поначалу всё шло превосходно. Я сразу начал с проволочки. Потом слегка надорвал фольгу, под которой, к удивлению своему, обнаружил какую-то красненькую полоску. Ослабил проволочку и стал раскачивать тугую пробку. Тут возникли небольшие про-

блемы, с которыми я бы, скорее всего, справился, но тут эта самая Рыжая решила, как раз мне под руку, вставить словечко. Она вдруг, ни с того, ни с сего, очень мило пролепетала, возможно, в продолжение каких-то своих прений с Ларисой:

– А ты, Лёша, кстати, знаешь такую дамскую маечку... она ещё называется лифчик.

И не успел я принять участие в их замечательной дискуссии, как пробка от шампанского зашевелилась сама собой, вырвалась у меня из-под пальца и так ударила в потолок, как стреляет, наверное, одно только противотанковое ружьё. И это всё было бы ещё ничего, как вдруг вслед за пробкой содержимое посуды на четверть вылетело в виде пузырящейся струи и окатило как раз всю спину близ сидящего товарища от его широченных плеч до самой гигантской поясницы. Короче говоря, на его блистательной рубашке сзади не осталось ни единого сухого места.

Пока мы с девушками изображали немую сцену, великан медленно поворачивался к нам лицом. Я успел подумать, что вот она, начинается борьба со смертью. Вот, здесь и сейчас, в любую секунду, как только на миг расслабишься. И в качестве, видимо, такой борьбы, когда большой дядя, наконец, обернулся и встретился со мной взглядом, я произнёс очень тихим голосом:

– Простите, пожалуйста... это у меня случайно вырвалось.

Дядя, мне кажется, так долго рассматривал наши смущённые физиономии, что мне показалось, у него и рубашка подсохла. Я мог ожидать всего, чего только угодно, но то, что далее произошло, мне запомнилось очень надолго. Дядя произнёс, не очень громко, глядя в мою сторону:

– Тёплое у вас шампанское. Как вы его пить будете?

И отвернулся. А девушки мои с восторгом заплодировали, ибо я в их глазах одержал большую победу. Обстановка нормализовалась. Мы без дальнейшего шума выпили наше, уж какое есть, шампанское, слизнули подтаявшее мороженое и покинули помещение, напоследок улыбнувшись нашим милым соседям. Только оказавшись на улице, девушки так расхохотались, что остановить их и перевести разговор на какую-то более приемлемую для меня тему не было никакой возможности. Только они, вроде бы, утомонились, но тут Ларочка возьми, да и скажи своей подружке:

– Тебя, знаешь, ни на пикник нельзя взять, ни на похороны. Нашла, когда про лифчики рассуждать.

Веселье наше продолжалось до позднего вечера. Мне показалось даже, что не обо мне там шла речь. Какой-то я для такой изысканной компании непродвинутый. Над землёй неприподнятый. Деньгами необеспеченный. Хотя, конечно, я принадлежал к семье одного из городских начальников, может быть, не самого высокого ранга, но всё-таки... Свой человек. Я, на мой взгляд, девочек не слишком впечатлял. Или разные цели были у нас, или, может быть, разные устремления. Их интересы мне были понятны, отчасти даже близки: музыка, музыка, ещё раз музыка. И женское барахлишко. А мои... мне и самому-то были неясны. Прежде всего – смерть. Я смерти побаивался, хоть знал, что всё равно умру когда-нибудь. Страх смерти передался мне явно от родителей, работников тех самых органов, где они находились от смерти постоянно в самой непосредственной близости. Я даже знал, где живёт смерть. Например, между вагонным колесом и рельсом. Ещё она висела на мостовых перекладах, сидела в дырке отцовского пистолета. Шансов родиться, получается, у меня было намного больше, чем потом, после рождения, погибнуть. Это я так, эмпирически вычислил, но уточнить у кого-нибудь, существуют ли иные точки зрения, было просто невозможно, даже в библиотеке. Там, в книгах, мушкетёр на мушкетёре – бей, коли, стреляй в разные стороны, городи горы трупов, порождай смерть... Хотя, вот один-единственный Мой Автор, похоже, мог бы что-то посоветовать. И объяснить.

Когда мы с Ларочкой в тот вечер, наконец, остались одни, то она сунула мне в ладонь свою ладошку и сообщила такую новость:

– Ты знаешь, мне Борька звонил.

– Не знаю, – насторожился я, – откуда мне знать?

– Потому, что вообще ещё никто не знает. Он такой чудак, ты не представляешь. Так трогательно со мной прощался, можно подумать неизвестно что.

– Ну почему, известно... Ты ему глубоко симпатична.

– Что ты сейчас имеешь в виду?

– Что он тебя любит, что же ещё... Ты, разве, не догадывалась?

– Ах, вот оно что... Нет, не догадывалась. И ни малейшего повода я ему не давала. Запомнил?

– Да.

– Очень хорошо запомнил?

– Конечно!

– Так это ещё не всё. Он столько начудил, не представляешь!

– А что он начудил?

– Оркестр бросил! Всё, говорит, больше ходить не будет. Раз у него со слухом неполадки, ну и всё такое. Говорит, давно собирался.

– Вот это да, – пробормотал я, – далеко дело зашло. А как же теперь его музыкальное училище?

– В том-то и дело, что никак. Бросил! На днях пойдёт документы получать.

– Наверное, большая неприятность. И что делать? Куда он потом?

– Ты только о нём не беспокойся. Поступит.

– Он, что, в институт собрался? В какой?

Ларочка улыбалась, смеялась, вся в тонусе, даже в каком-то лёгком возбуждении.

– У нас, в оркестре, так говорят: ума нет – иди в пед. Стыда нет – иди в мед. Боря будет поступать в педагогический, на математику. Всё теперь решил забросить. И музыку, и друзей. Чтобы мы его не беспокоили. Теперь он, видишь ли, готовится к экзаменам.

– Вот, значит, как тема повернулась...

Последнюю фразу я произнёс, когда мы стояли уже возле Ларочкиного подъезда. Она щебетала всю дорогу, я что-то отвечал. Но помню только, как она меня поцеловала на прощанье и сказала:

– Думай, Лёшечка. Думай, что будет дальше. Только скорее думай.

Я и призадумался. Конечно, сидя в библиотеке. Борис оказался совершенно недоступен, а Колька с Виткой советники были плохие. На столе у меня всегда находился мой Автор, вернее, его две книжки. Больше не попадалось, ещё не были изданы в Союзе. Остальные издания я научился читать быстро, без всяких курсов, но именно читать, а не просматривать. Я читал по диагонали – сначала предложение, потом абзац, потом два абзаца. Больше трёх абзацев прочитать таким способом не получалось, но, в общем, такой скорости мне было достаточно, чтобы текст запомнить, и книжку осознать. Потом, в институте, подобные навыки мне здорово помогали. Не каждый учебник мне удавалось так освоить, но, впрочем, смотря какой. А вот у моего любимого Автора я разглядел один рассказ, над которым здорово задумался. В том рассказе дело обстояло таким образом, что одному парню, непонятно даже, какому, часто снилась одна и та же девушка, тоже непонятно, кто. Во сне они друг с дружкой трогательно общались, даже насмерть влюбились, но встретиться не могли ни во сне, ни наяву. Во сне боялись проснуться и растеряться навсегда, а наяву – не знали, где они и кто такие. И где им следовало бы искать место встречи. Казалось бы, катастрофа. Провал, ничего у них не выйдет, кроме случайных свиданий. Но нет же! Я сообразил, что им следовало сделать, одно-единственное.

Недаром я прочёл к этому времени весь «Капитал» Карла Маркса. Это был урок! Две книги я читал года три. С перерывами, конечно. Поначалу мне казалось, что я никогда не одолею два толстых тома. Потом решил, что всё равно прочитаю, хоть когда-нибудь. Тем более, родители смотрели очень благосклонно на это увлечение, правда, никто из них в «Капитал» никогда не углублялся. Но очень меня поддерживали. Я и читал – иногда проклиная себя, что влез в такой труд, иногда ругая автора за занудство. Поначалу читал каждую строчку, потом каждый абзац. Возвращался, перечитывал, вникал – всё по-честному. Прочитал первый том и ужаснулся. А второй том прочитал, перевернул последнюю страницу, и расстроился. Всё понял. Враньё. Не может быть. По простой причине – если для того, чтобы доказать роль рабочего класса в производстве прибавочной стоимости надо исписать столько бумаги, то сколько надо исписать, чтобы обосновать участие артиста или учёного в том же самом производстве. Томов десять? Или они все есть простые захребетники на шее у пролетариата? Разве они ничего не производят? А музыка? А учёные труды? Пустая трата времени? Не может быть, и всё. И не надо ля-ля. Иначе, получается, автор и есть сам захребетник. Выходило, брехня – есть основной двигатель революционного процесса. Ужас!

Вот тогда я и научился читать. По строчкам... между строчками. А когда, наконец, благодаря счастливому случаю, я взял в руки своего Автора, возможно, я был готов к этой встрече. Прочитал я тот рассказик и понял, что больше его не забуду. Почему? Потому, что надо было искать выход из создавшейся между молодыми людьми ситуации. Такая возникла для меня головоломка. А поскольку я читал ещё многое, в том числе и околonaучные журналы, дающие огромные возможности для фантастических размышлений, да учитывая вдобавок личный мистический опыт, я сообразил в конце концов, очень постепенно, как разрулить пережитую Автором ситуацию. Мне стало безумно интересно, знал ли сам Автор выход? Наверняка, знал, только об этом он мог сказать мне сам лично, но такая встреча мне представлялась уж совсем за гранью любой фантастики. Но я понял одну штуку, без которой описанную ситуацию было не объяснить. Там был не сон. Они не снились друг другу, те молодые люди. Они находились в другой реальности. Девушка открывала парню свой портал. Не линия была между ними, а граница портала. Девушка приглашала юношу в своё пространство. В женское. Кто границу перешагнёт, там и останется. Смелости не хватило обоим или, наоборот, их выбор был сделан правильно. Что там за жизнь, в чужом портале? Войти туда можно, а выйти? Это как получится. Мне думалось – с большим трудом.

Вот и с моей ситуацией сравнить. Что за суета вокруг меня, что за спешка? О чём я должен был подумать, о каком будущем? О своём? И ещё о чём-то? Несмотря на выдающуюся неготовность к решению жизненных вопросов, я чувствовал – спешка нужна только при посадке надвигающийся поезд. Кто такая Лариса, и кто я рядом с ней? Блистательная красавица, девушка полусвета, обеспеченная с головы до ног, широко известная, скорее всего, в пределах промтоварного обслуживания её папаши и я, сынок тех самых родителей, которые лишнюю копейку боялись в дом принести, не то, чтобы рискнуть положением или работой. Короче, жили мы только на родительские казённые зарплаты, при той же самой казённой мебели, несущей на себе алюминиевые ярлыки с номерами, как в бане на шайках. И вот – на тебе. Борис вдруг вылетает из этого круга, а я вдруг в этот блистательный круг попадаю. Надолго ли? Зачем я им понадобился? Чрезмерное дружеское ко мне отношение Ларочкиных родителей – что такое? Нет, на помолвку я согласен, если это так важно, а потом чтобы один-два года на размышление, если, конечно, возможно. Если меня вдруг выкинут из этого сиятельного общества, так это ещё ничего, а вот вдруг там за мной дверь захлопнется на веки вечные? Ещё сгину там с неизвестными людьми. Вдруг воровать заставят – тут мамка с папкой сразу убьют. Я знал тогда – те, кто слишком хорошо живут, в смысле – живут в хоть некоторой роскоши – те воры. Ибо зарплаты у всех одинаковы. Да и вообще, несмотря на внешне неприятный образ жизни, я к тому времени был, в общем, ещё ребёнком, довольно избалованным постоянным маминым

уходом и надзором. И не готов я ещё оказался за кем-то ухаживать, до самой крайней степени, вплоть до того, что... При том, что постепенно, не спеша, изучая обстановку, очень бы хотелось быть при ней или около неё – около Ларочки. И что за настроения такие овладевали мной – непонятно. Вариант защиты, что ли...

Буквально пара дней прошла со времени нашей с Ларисой встречи, когда я позвонил ей снова. Оказалось, сегодняшний вечер у неё занят, но вот завтра, пожалуй, вполне возможно. На том и договорились. В тот вечер я пошёл на прогулку один. Зашёл к ней во двор, постоял, пытаюсь уловить знакомый аромат, но ничего не почувствовал. Только увидел в глубине двора одинокий капитальный гараж и знакомую мужскую фигуру около него. Это был Ларискин папа. У него, первого в городе, появилась «Волга», вообще, одна из первых, только что сошедших с конвейера. Естественно, такой машине был положен соответствующий гараж. Мне подумалось – как мавзолей. Тут Большой Папа захлопнул багажник, закрыл гаражные двери на пару больших замков, пошёл к дому. Мне показалось, что он не был в тот момент так красив и величав, как на дочкином празднике. Озабоченный и усталый. Я вышел из тени, а когда мы поравнялись, поздоровался с ним со всем возможным уважением. Но он мимо меня прошёл молча, не обратив никакого внимания, полностью погружившись в собственные размышления. Тогда и я пошёл потихоньку к Главному проспекту, месту постоянных встреч и прогулок.

В нашем городе погода, в основном, стабильная. Уж если солнце, так солнце, целый месяц подряд. Так жжёт макушку – кажется, насквозь бы просверлило. Тень можно было найти, но с трудом. А уж ветер задует, так тоже на неделю. Центральные улицы были засажены тополями, совсем ещё молодыми, а второстепенные стояли совершенно голенькими. Зато недалеко от центра располагался Город-сад, почти осуществлённый проект 19 века. По плану предполагалось построить множество жилых домов, можно сказать – таунхаусов, утопающих в садах, стоящих строго по расчерченным линиям, образующих улицы. Почти получилось, правда, в результате одного, но сильного пожара многие хаусы исчезли, а сады остались. Немного одичали, конечно, зато весной благоухали на весь город, а по осени давали некоторый урожай черёмухи и яблок, вполне достаточный для прокорма городских мальчишек. По себе знаю. В те годы деликатесов никаких в продаже не было, исключая, конечно, избранную публику, пользующуюся служебной формой торговли, потому яблочки или ягодки, особенно бесплатные, в нашей пионерской среде пользовались повышенным спросом. Конечно, себя я соотносил с прослойкой отчасти элитарной, поскольку, во-первых, квартира наша была всё-таки не коммунальной, а во-вторых, время от времени на нашем кухонном столе появлялись большие бумажные кульки с конфетами, изготовленными на основе соевого шоколада. И жильё наше было служебным, и мебель, и шоколад. А что жизнь наша была служебная – так кто же об этом спорил?

В тот вечер погода, похоже, начинала портиться. Возник лёгкий, но порывистый ветер, способный приподнять с земли пыль и раскрутить в виде столбика высотой около метра. Тополя, которые подросли повыше прочих, качали вершинками из стороны в сторону, облака потемнели и увеличили скорость своего небесного передвижения. У нас эти проявления всегда воспринимались всерьёз, поскольку обычно приводили ко всяким штормам, ураганам, пыльным бурям и полётам в небе деревьев, вырванных из земли с корнем.

И вот как раз в минуту метеорологических наблюдений, я увидел на противоположной стороне нашего основного проспекта весёлую компанию, состоящую из нескольких молодых людей, в центре внимания которых находилась моя Ларочка. В тот момент, как раз, она усердно боролась со своей воздушной юбкой, потерявшей от ветра всякий стыд. А какой-то паренёк с довольно гнусной харей придерживал Ларочку за плечи и за другие места, видимо, с той целью, чтобы самой её как бы не унесло тем же самым ветерком. Такая вот была метеорология: моя девушка, почти что совсем моя, находящаяся в состоянии поиска, находки и потери. А

потерять-то она решила, видимо, меня. Я постоял минуту, совершенно на виду у этой всей честной компании, никого не окликнул, да и меня никто не узнал или не захотел узнать.

Короче, через пару дней я ей не позвонил. И через три дня тоже. А на четвёртый день позвонила Рыжая.

– Лёшенька, где же ты? – спросила она с большой тревогой. – Мы с Ларисой совершенно не в себе, уж не случилось ли чего?

– Со мной совершенно ничего не случилось. А с вами? – спросил я в свою очередь.

– С нами? – переспросила вторая скрипка, – ничего особенного. Кроме того, что мы соскучились и очень хотим тебя видеть. Как ты?

– Очень хорошо, – сказал я и пришёл на встречу спокойным и уравновешенным, в тональности си-бемоль минор. И совершенно не удивился, когда увидел, что Рыжая явилась одна, без Ларисы. И заговорил сердечно, во множественном числе.

– Ну как вы, дорогие мои? Как настроение?

– Хорошо.

– А как самочувствие?

– Нормально.

– Отлично! Замечательно! – обрадовался я, а сам подумал: «Какое счастье, что я сегодня без цветочка», потом продолжил светскую беседу.

– Тогда скажи, пожалуйста, где же наша милая Лариса?

Рыжая поскуцнела.

– Знаешь, Лёшенька, – пробормотала она, – как будто, в семье у них неприятности.

– В какой семье, – невинно спросил я, – в нашей с ней будущей?

– Как, – ошалела Рыжая, – в вашей с Лариской?

– Я же сказал – в будущей.

– Да?! – фыркнула скрипачка. – Ты уверен?

– Нет. Теперь не уверен.

– А-а, вдруг отчего же? Тем более, Ларочка привет тебе передавала. Да, и самые сердечные пожелания.

– Самые? Сердечные? Не может быть.

– А вот представь себе, может! – вспыхнула Рыжая и вlepила мне такой жгучий поцелуй, что у меня никаких сомнений уже не осталось. – Это тебе от Ларисы. Понятно?

– Понятно... Что ж непонятного... Только ты можешь мне объяснить...

– Что же, Лёшенька, тебе ещё объяснять-то? Любовь, Лёшенька! Это любовь. Она, сам знаешь, как нагрянет!..

– Да? А ты не можешь мне сказать, кто такой молодой человек ещё с таким сморщенным лицом... Липкий такой.

– Знаю, как не знать. Мелочь. Но мелочь перспективная. Он уже в институте, на первом курсе. Так, конкурсант...

– Что за конкурс?

– На Ларочкину ручку и сердечко. Сам подумай – ей нельзя ведь из одного варианта один выбирать. У неё не тот уровень. Вот Боря отпал...

– Не знаешь, кто следующий?

– Ты только не волнуйся, – успокаивала меня Рыжая. – Есть у тебя шансы, есть. А то прямо побледнел весь. Смотри, не расхворайся. Уж как-нибудь держи себя в руках.

Оба мы, наконец, улыбнулись.

– Да, – произнёс я, – а кто участвует в жюри, не знаешь?

– Да как не знать, – бодро отвечала Рыжая. – Состав всё тот же, как в оперетте. Мама, папа, жаба, ой, прости... Ларочка.

– Что же за спешка-то у них такая? Тебе не кажется? Куда их чёрт несёт...

– Торопятся? Ну, чтоб не скурвилась, наверное, я так полагаю... Ой, опять прости. Но ты спросил – я ответила.

– Только и всего? Да что же это она – такая ненадёжная?

– Ты что – надёжная!.. Как пистолет Макарова. Просто время такое. Ненадёжное.

– Опять ты про пистолет...

– Да, конечно... Чуть не забыла. Ты ведь у нас ничего такого не знаешь, ну, не готов. А мы, музыканты, народ шустрый. Страстями живём, понимаешь? Страстями. Пойдём. Я всё тебе расскажу.

– Куда? Опять в кафе?

– Нет, что ты! Ни в коем случае. Только ко мне домой. Там у меня всё в порядке, вот увидишь.

Я сомневался очень сильно. Но недолго.

Тогда я был вполне взрослый, поскольку от прикосновения женской руки к своей руке, я ощущал если не гром, так молнию, это уж точно. А хорошенькая рыженькая скрипачка так плотно взяла меня за руку, что всякое сопротивление оказалось бесполезным. Ноги мои ослабли, и я последовал за ней как больничный пациент, которого ведут на какую-то непонятную ему, но очень необходимую для его же пользы процедуру. По дороге оказалось, что Рыжую зовут Светка. Так, не запинаясь и не оглядываясь, дошли мы со Светкой до её дома. Оказалось, что живёт Света в общежитии, но не в таком, какие назывались обычно «Шанхай» или «Бомбей в объятиях ночи», а вполне даже приличном, напоминающим недорогую гостиницу. И народа там оказалось немного, кто находился на работе, а кто отсутствовал по причине каникулярного времени. И комната Светкина оказалась вполне пригодной для нашей с ней встречи. Даже шампанское стояло уже на маленьком прикроватном столике.

– Не открывай, – попросила меня Света, – дай, я сначала спрячусь.

Потом сказала, уже из-за шкафа:

– Ну, теперь давай!

Я открыл бутылку, раз она просила, что такого – дело-то знакомое.

– Вот молодец, – обрадовалась Светка, – даже ничего не угрохал. Наливай.

И вышла на свет уже почти без одежды. А когда выпили, сказала:

– Рубашку снимай... – и помогла мне раздеться. Потом, уже в постели, после третьей или четвёртой Светочкиной победы, мы разговорились. Вернее, говорила, в основном, она, а я слушал, находясь в полузабытьи, в полуразмышлении.

– Да, – бормотала Светочка, – он у тебя не маленький... Ты на Лариске обязательно женись. Такой шанс разве можно упустить. Она очень позитивная. Послушная. Домашняя. А тебя на всех хватит, не сомневайся. Как отец Ларискин будешь. Он боевой мужик. Ходок ещё тот, на левую сторону. Никого не пропустит. Дам, я имею в виду. Мать Ларискина тоже... тихая такая... весёлая... Как она это всё переносит...

– Что переносит? – переспросил я. – Всё у них в порядке. И ничего они, наверное, не знают. Мама и Лариса. Что знать не положено.

– Знают, – упорствовала Света, – они уж чуть не месяц все как в воду опущенные. Что-то случилось у них. Или случится. Вот и торопятся как-то Ларисе жизнь устроить.

– Ох, Света, всё ты преувеличиваешь. Молодая она слишком, Ларочка, чтобы жизнь устраивать. А я тем более, только школу кончаю.

– Главное, по годам ты ей подходишь.

– По каким годам... Вы, девушки, если пацанам ровесницы, так, мне кажется, вы в десять раз умнее... Света, ты почему так за неё хлопочешь?

– Так она моя лучшая подруга! Я просто обязана сделать её счастливой. Точнее, вас обоих. И я при вас как-нибудь просуществую. Всё будет в порядке, вот увидишь! Главное, меня слушайся. Не надо дураком быть.

– Вдруг я тебя люблю?
– Фу ты, ну ты, тогда тем более слушайся. Через год поженитесь или через два. Главное – место застолбить. Понял?

– Чего ж не понять?

– Молодец! Красавчик! Действуй тогда. Всё очень замечательно. Будем на связи. Меня чтобы не забывал! Даже не вздумай!

– Света, – сказал я тихо, – такое не забывается.

– Ещё бы, – произнесла Света. – Тогда вперёд. А то у меня завтра репетиция. С утра. Твоя задача жениться, понял? На Лариске. Любой ценой. После будем разбираться!

Я ушёл, весь в неведомых мне ранее переживаниях. И переживал дня четыре на тему: «Кто вообще я есть такой после этого? Почему так?» – до сих пор думаю. Возможно, меня тогда притормозила моя защитная система. Но вывод в ту эру, эру развитого социализма, возможен был только один, думай, не думай: «Я есть то, что есть, и ничего более или менее. Берите, что дают, а то и этого не будет». И на таком позитивном базисе я стал громоздить надстройку, то есть, звонить Ларисе. День звоню – нет ответа. Второй день звоню – нет ответа. На третий день соображаю, что надстройка моя зашаталась, начинаю впадать в тоску. И тут как раз позвонила Светка, да таким серьёзным голосом...

– Как там у вас, – спросила она, – что нового?

– Да чего там нового... Ничего. Всё тихо.

– Скажи, Лариске звонил? – допытывалась Светка.

– Конечно! И многократно!

– И что?

– Ты будешь смеяться. Не отвечает.

– Это ты будешь сейчас смеяться, – изрекла Света, и что-то пробормотала себе под нос, наподобие «дурачина». – Придётся нам с тобой встречаться. Срочно. Прямо сейчас.

Ну что же, я собрался и прилетел. Светка почему-то отстранялась от меня, как от чужого.

– Ты почему ничего не знаешь? – спросила она.

– Да почему я должен что-то знать?! – лёгким голосом вскричал я. – Да кто мне что-то такое рассказывает?

– Как? – удивилась Светка. – А папка твой разве ничего тебе не рассказывает? Он, говорят, у тебя по теме информации специалист.

– Что?! Папка?! Мой?! Это кто тебе сказал?

– Ну, – замялась Света, – многие на эту тему рассуждают. Но ведь случаются между вами всякие разговоры...

– Случаются, – пробормотал я. – Когда его в школу вызывают.

– Ты и газет не читаешь?

– Когда как. У нас сегодня что – политинформация?

– Получается, так. Да будет, Лёша, тебе известно, что у Ларкиного папы неприятности. Большие. И Ларочка в депрессии, вместе с мамой. А тебе бы надо быть сейчас вместе с ними, как-то поддержать, посочувствовать.

– Да я бы посочувствовал, да вот не знаю, как. И по какому поводу. Что у него случилось, не знаешь?

– Полгорода знает, кроме тебя. Ты слышал про малиновый скандал?

– Нет.

– А про малиновое вино?

– Нет, откуда...

– Почитай местную прессу.

– А если в двух словах?

– Завезли в город какой-то малиновый концентрат. И чем-то его разбодяжили – или спиртом, или водкой. Получилось вино.

– И что?

– Ну, кто пробовал – все померли. Причём, из своих, из верхушки. Понял?

– Понял. Сколько народу?

– Пострадало? Четырнадцать человек. Насмерть.

– Так... Кого-то посадят.

– Как минимум. Ты сейчас где должен быть? Возле Ларочки! Нет же, ты тут, со мной прохлаждаешься. Но им было бы с тобой поспокойней.

– Вот интересно, как? Я с ними бормотуху не бодяжил.

– Лёшечка, если ты нас с Лариской хоть немного любишь, то напрягись. Ты очень умный. И на тебя сейчас вся надежда. Прикрой их хоть немного своим присутствием.

– Да есть кому её прикрывать. У неё приятелей куча целая. Я рядом с ними не стоял.

– А я тебя прошу! Понимаешь? Я прошу тебя лично!

– Светочка, только ради тебя. Но имей в виду: если не дозвонюсь – извини. Пусть она сама попытается, хоть разик. Тогда я пойму, что ей нужны наши отношения. А чем я могу быть им полезен – совершенно не понимаю.

– И не надо. Всё потом. А сейчас... целую тебя, Лёшечка, целую... Ты обещал, запомни! – сказала Светочка и исчезла.

А я пошёл домой и лёг спать с чистой совестью. Ибо, как получилось, так и получилось. В конце концов, не я первый начал... А утром на кухонном столе обнаружил местную газету с критической статьёй в адрес отдела снабжения крайисполкома, где были указаны некоторые фамилии, среди которых одну я уже знал. Собственно говоря, речь шла об одном только из многих криминальных фактов. И я про это слышу! И это моя близкая знакомая! Моя девушка! Чуть не жена! Обалдеть. Моя жена – соучастница. А я не был способен на криминал, исключая безбилетный проезд, с малолетства, когда мама и папа в качестве профилактики очень строго и громко мне сказали:

– Никогда и ни в коем случае не смей брать чужое. Мы знаем, что ты не брал. Знаем, что не возьмёшь. Но если не дай Бог, хоть когда-нибудь, хоть по какой-нибудь случайности ты будешь хоть в чём-нибудь замешан – пощады не жди.

– Убью, – добавил папа.

И мне стало понятно. Да ещё потом тот милиционер напомнил, на железной дороге. И вот газета, у меня под носом, статьёй кверху, положена специально, мама знает, к кому я ходил на день рождения. Всё они знают, мои родители. Или почти всё. Не знают, однако, что мы с Лариской целовались! А что со Светкой, даже представить себе не могут. И вот я сижу, смотрю на телефон. И знаю – если позвонят, пойду. А если нет, значит, она с тем придурком. Ищет у него утешения. Они все свои. А я для них чужой. Тем более, зачем попусту звонить.

В любом случае, я никак не ожидал такого скорого поворота событий, хотя роскошь Ларискиного бытия сразу показалась мне чрезмерной.

Три недели я жил, поглядывая на телефон. Даже библиотеку перестал посещать. Дома с книжками сидел. Казалось, обстановка в городе и вокруг меня успокаивается, да и я успокаивался вместе с нею. В конце концов, Лёша, не в свои сани не садись, и тебе ничего не будет. Ищи, Лёша, своё место, потом и сани найдутся тебе по рангу. Утешением такие соображения отчасти служили, но прекрасную Ларису забыть было очень трудно. Тем более, восхитительную Светлану.

Светлана позвонила как раз в тот момент, когда я о ней подумал. Но таким голосом, что до сих пор страшно вспомнить. Она потребовала встречу, да так, что мне сразу стало не по себе. Подумалось – ну, всё, попал. Раз сидел с ними, пил, кушал, девушку целовал, значит, их человек. Придётся участвовать в процессе. Произносить оправдательные речи. А то пойду за

главаря. Ну что, решил я, надо будет, так и пойду. Ради Лариски пойду. А ради Светки – тем более. Тут уж такая моя мужская доля.

Потянуло холодом. Скорее всего, надвигалась осень, несмотря на то, что тополя, растущие на центральной аллее нашего главного проспекта, не уронили ещё ни одного листка. Даже круглоголовые фиолетовые цветочки распускали вокруг себя в безветренный день вполне ощутимое благоухание. Я уже не говорю про ноготки, единственные цветы, которые безошибочно всегда определял по названию, стройными рядами, стоя во всей красе, устремляли свои бутончики прямиком в небо. Светку я увидел сидящей на скамейке, в окружении цветущей природы и сразу забеспокоился. Что такое, я нисколько не опоздал, даже пришёл на пять минут пораньше, а Света, получается, ждёт меня уже довольно долго. И лицо у неё на этот раз было очень умное.

Она резко встала, подошла ко мне поближе, посмотрела прямо в глаза. Потом вцепилась в мой рукав и повела куда-то, как мне показалось, чтобы только уйти подальше с такого видного места. Я почувствовал её ужасное настроение и, не сопротивляясь, шёл молча. Мы дошли до нашего театра и остановились там, между ёлками. Светка, опять же, глядя мне в глаза, со всей строгостью, на которую только была способна, спросила:

– Ты опять ничего не знаешь?

– Светочка, – ответил я, не чувствуя за собой вины, – скажи, пожалуйста, что я должен знать?

– Понятно, – произнесла Света слишком, на мой взгляд, серьёзно. – И родители твои, естественно, ничего не знают?

Я тоже заговорил посмелее, ибо, чего особенно стесняться, когда мы с ней так близко знакомы.

– Про родителей, Светочка, как ты знаешь, я ничего не могу сказать. Только то, что они с работы не вылезают с утра до вечера. Я их просто не вижу в последнее время. Потому, в этом смысле ничем тебя не могу порадовать. Меня уже другое волнует: тебя так интересуют мои родители, будто бы ты за меня хочешь замуж выйти. Я угадал?

Света даже не улыбнулась.

– Хотела бы – давно бы вышла. Даже не сомневайся.

– Я и не сомневаюсь. Честно говоря, без тебя мне очень скучно.

– Знаешь, что, – вспыхнула Светка, – молчи уж, брачный аферист! Забыл про Лариску?

– Лариска-то здесь причём? Как была твоей подружкой, так и останется. А я ей не нужен.

Да и она-то мне...

– Лариса здесь при том, Лёшенька, – медленно проговорила Света, – что у неё вчера отец погиб. Точнее, сегодня ночью.

Когда до меня дошёл смысл её слов, я понял, что с меня от ужаса могут упасть штаны. На шутку, сказанное Светкой, было не похоже.

– Как? – спросил я. – Ну... как это случилось?

– Их нашли сегодня утром.

– Кого... их? – оторопел я.

– Отца Ларискиного и его любовницу. Секретаршу.

– Это, что... У него была любовница?

– А ты не знал? Конечно! Откуда тебе знать? Все знали, а он не знал. А знал ли ты, Лёшенька, что у него обеих ног не было?

– Ног?! Не было?! Да что ты!?! А он ходил на чём...

– Именно. На протезах. И кто бы мог подумать?

– Любовь... На протезах... Измена... На протезах... Герой... – пробормотал я. – Где же их нашли? Кто их убил? Её муж?

– Да, был у неё муж. Он тоже, вроде тебя, ничего не знал. Их в гараже нашли. В машине.

- Светочка, это слишком. Что ты такое говоришь?
- Я говорю, – отчеканила Светка, – что знаю. Они были в гараже. Там занимались любовью. Там и задохнулись.
- Не может быть... Любовь в гараже... На протезах... Это дурдом. Ты меня угрохала. Как же они погибли, включали мотор?
- Наверное. Может быть, и включали.
- А почему они не вышли?
- Он был в тот момент без протезов, не добрался до ворот. Добрался, вернее, но поздно. А она была без сознания.
- Раз добрался, почему дверь не открыл?
- Он не мог её открыть.
- Почему?
- Дверь кто-то закрыл снаружи.
- Снаружи?.. А кто? Зачем?
- Это я должна у тебя спрашивать. Кто закрыл... Может, друг. Для конспирации. Может, ещё кто... Но утром мотор у машины не работал. Вот и всё.
- Так что же, нам надо туда идти!!
- Куда!?
- К Лариске! Как же она там, бедная...
- Да, может быть, что теперь бедная. Не надо туда ходить.
- Да почему... Пошли.
- Обыски там идут, не понимаешь, что ли!? Весь дом обыскивают, сверху донизу. Не знаешь, чья это работа?
- Откуда, – смутился я.
- Не знаешь? Уверен? Тогда слушай меня!.. Делай как я!
- Что делать? – я даже оробел.
- Спроси у них! У папы с мамой! Может, что знают! Не знают – затихарись! Дома сиди и кочумай. Понял?
- Понял...
- А что ты понял!? Мне не хватало только ещё, чтобы и тебя загребли.
- Меня-то за что!?
- А тебе на суде объяснят!.. За участие в общем деле, вот за что. Прими мою просьбу к сведению. Не суйся, куда не следует. Лёшечка, не будь дураком. Ты ещё слишком маленький. Я очень тебя прошу, очень тебя прошу... Может, хоть что-нибудь узнаешь – дай мне знать. Всё, целую, – сказала Светка и побежала на автобусную остановку.

Я тоже двинулся к дому, совершенно ошеломлённый. Следовало бы сделать какие-то выводы, но мысли вертелись в голове бессмысленным роём. Что-то мне было ясно, но вот что именно – удалось понять не сразу. Я понял, в конце концов, одно: если мне позвонит Лариса, я пойду к ней сквозь все заслоны. Это если позвонит. А если нет? Тоже следовало бы идти. А вдруг если так прогонит, что мама, не горюй... Небось, Светка Лариске что-нибудь, да поведала... Такое, что сидит теперь Ларочка возле телефона и плачет горькими слезами. Тогда, значит, после этого, не нужен я ей... Вообще не нужен. Следует пока воздержаться.

И ничего конкретного, кроме омерзения к своей собственной персоне, из этих размышлений у меня не возникало.

Перед глазами стояло лицо дежурного милиционера, объяснившего мне не так ещё давно, что есть свои, а есть и чужие. И я ему совершенно осознанно пообещал, раз и навсегда, ну, внутри себя, конечно, что буду со своими, а не с чужими. Слово это я буду держать. Но как? Получается, ничего мне нельзя. Куда не сунусь – везде чужие. Ну, с милицейской точки зрения. Как быть, когда шаг в сторону, и ты в тюрьме. За что? Потом объяснят.

Я вдруг почувствовал внутренний подъём, творческий энтузиазм, энергию, настроился на си-бемоль минор, и пошёл к Лариске. Подумал, зайду во двор, что такого, в конце концов, ведь мне за это ничего не будет. Тем более, я знал, там есть одно местечко, куда фонарь не светит, и меня никто, ни за что, никогда не увидит. Ну, посмотрю на её окна, ничего же в этом нет преступного, а как увижу Ларискин силуэт, так и соображу, что дальше делать. Если что не так, потом разберутся. Ведь тот дежурный по станции разобрался, в конце-то концов. А кто работает там, в милиции, они точно такие же. Другие, что ли? Других не может быть, как же тогда... Дальше тогда никак. Провал, катастрофа, шок, дикий ужас. Не жизнь – сплошная деноминация.

Вошёл я во двор, встал на своё место, осмотрелся. И что я увидел? Двор как двор. Дом как дом. Гараж как гараж. Окна как окна, без всяких силуэтов. Только возле подъезда несколько курящих мужских фигур. Ничего особенного. Никого больше. Но вдруг в лицо мне ударил резкий свет карманного фонаря. Кто-то меня внимательно осмотрел и прошёл мимо, не задавая никаких вопросов. Мой энтузиазм улетучился, и я освободил Ларискин двор от своего присутствия. Что за жизнь – не успеешь к девушке подойти, как тебе уже тюрьма светит. И звонить я больше никому не собирался. По крайней мере, в ближайшем будущем.

Поэтому на следующий день я, как увидел маму, сразу обратился к ней с просьбой:

– Мама, – сказал я ей очень серьёзно, – хочу тебя попросить об одном деле.

Мама испугалась, даже села на ближайший табурет. Я такой реакции не ожидал. Она знала всё, или то, что могла знать о моих с Ларисой контактах – в этом я уже не сомневался. Значит, тактически разговор я построил правильно.

А дело было в том, что у моих родителей тоже был гараж, тоже рядом с домом. Ну, не такой, как у Ларискиных, но вполне приличный. И машина у нас была. Почти новая «Победа». Заводилась, по крайней мере, и ездила. А ездила наша машина чаще всего на нашу дачу, расположенную в нагорной части города и оснащённую дощатым летним домиком. Только однажды «Победа» уехала куда-то и там надолго задержалась. Отец говорил – для ремонта, да и сам приходил домой не каждый день. Я не предполагал, что папа мой способен на такие поступки, как Ларискин, тем не менее, гараж оказался в течении длительного времени пуст, что вызвало завистливые взгляды и помыслы у соседей. По тогдашнему законодательству, могли незаконную вещь и отобрать. Окружающие нас жители состояли, в основном, из лиц, перемещённых с Украины, очень сердитых, прижимистых, обиженных на власть до крайней степени. Количество желающих покуситься на нашу собственность нарастало с каждым днём, отчего я давно уже замыслил предвосхитить их коварные замыслы. Потому я сказал маме прямо, конкретно, без всякой предварительной подготовки, самым трагичным голосом:

– Мама. Дай мне, пожалуйста, шестьдесят рублей.

Тут мама действительно испугалась, даже побледнела.

– Так, – сказала она, – что случилось?

– Да ничего пока, – проговорил я очень грустно. – Понимаешь, хочу я, мама, мотороллер купить.

– Ещё не легче, – сказала мама, начиная приходить в себя. – Зачем он тебе?

– Ну, как зачем... Ездить.

– Куда ты ездить собираешься?

– Да как куда, мама, – спросил я с глубокой укоризной. – На дачу! Машины у нас пока нет, и неизвестно, когда будет. А я просто не могу больше смотреть, как ты сама привозишь на трамвае по две авоськи с яблоками.

Мама удивилась:

– Надо же – раньше мог, а теперь не можешь. Нет, чтобы просто со мной взять, да и поехать, и просто помочь. Неужели трудно? Трамвай до самой дачи ходит, в чём проблема?

– Ну, не до самой дачи, а с пересадкой. Да ведь не об этом речь, мама! Гараж горит!

– Как горит? Что, правда, пожар?
– Мама, какой пожар... Это в переносном смысле. Народ к нашему гаражу присматривается. Ну, интерес проявляет. И это вы с отцом как бы не замечаете.

– Чего там замечать? У отца есть машина.

– Конечно. Только соседи так не считают. Они думают, что машина должна стоять в гараже. Если она есть. А если её нету, значит, она есть в каком-то другом месте. И в другом гараже!

– Пусть думают, что хотят. У нас документы.

– Так и у меня тоже! Вот, посмотри...

Я предъявил маме новенькие корочки. Это были мотоциклетные права.

– Да когда ты успел? – опять удивилась мама.

– А чего особенного? Месяц занятий и небольшой экзамен.

– И сколько стоит?

– Недорого. Четырнадцать рублей.

– Откуда такие деньги?

– Накопил постепенно. А как накопил – так пошёл и сдал.

– Молодец... Ну, даёшь... Ни с кем не советуешься...

– Так, мама... Все сдают на права, и я вместе с ними. Что особенного? Ну, так как насчёт денег?

– Никак. Никаких мотоциклов. Ты мне живой нужен. И здоровый. Видишь, какие дороги? Видишь, как народ ездит? А с отцом ты пробовал на эту тему разговаривать?

– Да что отец... как ты скажешь, так и будет. Ему мотороллер не мешает.

– Я всё сказала. Ни мотороллеров, ни мотоциклов. Вот на машину заработаешь, тогда и купим.

– Мама, – произнёс я, будто бы находясь в тоске. – Тогда совсем плохо дело. За гараж воевать придётся.

– Отвоюем. Тут у нас с отцом есть опыт. Страну отвоевали, гараж как-нибудь спасём, не беспокойся.

– Я в этом не сомневаюсь. Тут ещё одна есть маленькая заковыка.

Мама напряглась.

– Ну-ну. Какая заковыка?

– Да вот, записался я в парашютный кружок. Ну, как бы, в секцию.

– В парашютный!?! – вскричала мама. – А кто тебе разрешил? А ты у кого-нибудь спросился?

– Там бесплатно, чего спрашиваться. Потом, я же большой, сама так считаешь.

Про парашютную секцию я сказал потому, что это была чистая правда. Я к текущему моменту отзанимался в секции уже две недели под руководством милейшей парашютистки, мастера спорта. Всё шло хорошо, пока наша инструкторша не привела нас в спортклуб. Теория окончилась, нам вручили настоящий парашют марки «ПД-47» и предложили разобрать его и вновь собрать. И тут я вздрогнул душой и телом.

Парашют находился в рюкзаке и никакого кольца для открывания не имел. Зато он имел верёвку, цепляющуюся к самолёту. Верёвка сама открывала ранец, вытягивала и сдёргивала с парашюта чехол, парашют вытягивался в тряпичную колбасу, открывались маленькие боковые карманы, после чего теоретически расправлялся основной купол. А сам прыгун к этому процессу ни малейшего отношения не имел. То есть, если чехол с парашюта оказался не сорван – лети, Лёша, дальше сам. В указанном направлении. Когда мы открыли ранец и вытянули купол из чехла, перед нашим взором на полу оказалась огромнейшая, ни разу не стиранный тряпка с таким количеством строп, которые, на первый взгляд, никак не могли не перепутаться в воз-

духе. Мой энтузиазм подтаял, поскольку вся эта перкалево-верёвочная конструкция пока не вызывала ощущения её надёжности и моей при этом безопасности.

Вот и мама обеспокоилась:

– Да какой ты большой! Да ты ещё никакой! Да ты меня в гроб загонишь, вот потом будешь большой. Твоя задача сейчас – школу закончить и в институт поступить. А ты решил ерундой заняться.

– Это, мама, не ерунда. Если не попаду в институт, то попаду в армию. Но я хоть как-то должен быть к армии готов? Хоть по автотранспортной части, хоть по воздушно-десантной. Это всё-таки...

– Ты бы лучше к институту готовился, а не к армии! Мы с армией решим вопрос, тебя куда попало не пошлют. А институт – дело тонкое. Кто тебя возьмёт, с десантной подготовкой...

– Правильно, а с автотранспортной возьмут. В политех!

– Ты, что... в самом деле будешь прыгать?

– А почему нет? Все прыгают, и ничего... И я прыгну. Я уже прыгал, ну, в парке, с парашютной вышки. Вообще, ничего страшного.

– В парке... С вышки... И когда у тебя эти... прыжки?

– Да... через две недели.

– Скажи, Лёша... Ты не с ума сошёл?

– Нет, мама. Просто вырос.

Разговор на том и окончился. Я о нём уж и забыл, когда вдруг, через некоторое время, мама подошла ко мне с очень серьёзным лицом и положила на стол тонкую пачку денег.

– Лёша, – сказала мама, – только при одном условии. Никаких прыжков. Обещаешь?

– Обещаю, мама, – сказал я и выполнил своё слово. Я прикоснулся к парашюту в последний раз, собрал его как можно аккуратней и положил на полку. Но небо я видел – с крыла стоящего на земле самолёта. И считаю себя с тех пор теоретически готовым. Ко многому, не только к прыжкам.

Конечно, я купил мотороллер. Правда, не очень новый, у знакомого пацана, который никак не мог от него избавиться. С виду симпатичный, нигде не побитый, даже с документами. Главное – заводился и ездил. Я внимательно прочитал инструкцию, научился разбирать его и собирать, а вскоре – кто бы мог подумать – освоил дорогу до нашего садового участка, часто ездил туда, а позади меня, на заднем сиденье, находилась молодая моя мама. И ей со мной было совсем не страшно.

А чего было бояться – ведь она не знала технические характеристики нашего транспортного средства. Например, оно имело такую конструктивную особенность, что двигатель висел отчасти сбоку, справа от центральной продольной линии. И по этой печальной причине новый мотороллер двигался в норме с креном 1,5 градуса, а не новый побольше, градуса 3. Значит, с учётом такого обстоятельства, езда на этом средстве требовала от водителя особенного чутья и, можно сказать, циркового изящества, что не всегда было возможно соблюсти. Потому, приходилось падать. Кстати, падать с мотороллера оказалось довольно удобно, с мотоцикла хуже. Пацаны рассказывали. Тем не менее, бывало, из дома уезжаешь в приличных брюках, а приезжаешь в каких-то кружевах вместо штанов. Потому у нас, молодых мотолюбителей, завелись такие правила: собираешься ехать на мотороллере – надевай, что похуже. Падение будет. Это – правило первое. Второе правило – никогда не сталкивайся с трамваем – он бьёт как поезд. Третье правило гласило: если хочешь остановиться – останови сначала того, кто едет за тобой. Посигналь ему, помаши, что ли... То есть привлекли к себе внимание, иначе можешь улететь очень далеко. И, вообще, знай всегда, кто у тебя слева, кто справа, кто спереди, кто сзади, и кто у тебя есть в данную секунду со всех сторон. Ну, кое-что со мной в движении случалось, кое-что могло случиться, но, когда я вёз свою маму – мы с ней будто были окружены некоей

защитной оболочкой. И ни разу, никогда не было у нас такого случая, чтобы мама испугалась или разочаровалась бы в смысле такого удачного самодвижущегося приобретения.

Но вот однажды, когда я ехал один, в прекрасном настроении, по сухой дороге и при ясном солнышке, мне встретилась Лариса. Я сразу её узнал, хоть это был уже совершенно другой человек. Это была милая женщина с трудной судьбой.

Я подлетел к ней довольно лихо, затормозил со скрипом и небольшим заносом заднего колеса. Она увидела меня, но даже не улыбнулась. Даже не поздоровалась. А когда я её обнял – расплакалась. И не ответила ни на один мой вопрос. Мы посидели с ней недолго на соседней скамейке, посмотрели друг на друга, потом Лариса вздохнула и сказала:

– Ну, поехали.

Возле подъезда, во дворе её дома, она остановилась на ступеньках крыльца и произнесла напоследок:

– В этом году ты поступаешь в институт. Сдай документы в медицинский.

– Только туда? – спросил я недоверчиво.

– Туда, – ответила Лариса. – Ты поступишь.

И ушла не попрощавшись. А я, как всегда, ничего не понял, потому что, вообще-то, собирался в пед, на русский язык и литературу. Но до Ларисы дозвониться было невозможно, как всегда, ни днём, ни вечером. Только она могла звонить, когда хотела. Ну я и сдал документы в медицинский. Подумал, если, на худой конец, стану писателем, так хотя бы приобрету жизненный опыт, а не буду сочинять всякую белиберду из-под волос. Не поступлю, опять, значит, приобрету опыт, только негативный. Но Лариска сказала, значит, пусть будет так. Не хватало ещё с Ларочкой поссориться из-за института.

Физику я учил двое суток подряд, и начал даже в ней местами разбираться. Но переручился. Переплёл все извилины, и простейшую задачку, имеющую графическое решение, пытался решить через построение формул, за что получил тройбан и успокоился. В конце концов, для Ларисы я сделал всё, что мог на том этапе, а не получилось, так уж извините. Но вечером раздался звонок.

– Привет, – сказала Лариса, – молодец, теперь быстро учи химию. Когда придёшь на экзамен, жди Анастасию Сергеевну и сдавай только ей, понял? Никому больше!

Я понял, чего тут не понять. Но на экзамене ждал чуть не час, но никакая Анастасия не появлялась. Пришлось идти как есть, иначе можно было подзабыть то, что ещё вертелось в голове на сдачу. Хотя экзамен принимала лично, в единственном экземпляре, зав. кафедрой неорганической химии, она же злющая личность, жена самого ректора.

Представился, взял билет. Обрадовался – вопросы и задачи оказались мне понятны, что ничего ещё не значило. Не так уж долго я готовился к ответу, поглядывая на дверь, как недовольная жизнью экзаменаторша выкликнула мою фамилию. Я встал.

– Простите, нельзя ли мне попросить ещё несколько минут.

Профессорша сердито взглянула мне в глаза, но тут же смягчилась.

– Хорошо, – произнесла она, – готовьтесь. Вы следующий.

Далее события разворачивались как в кино. Через некоторое время в аудиторию влетела женщина средних лет и тут же устроилась за экзаменационным столом рядом с профессоршей, которая навела на меня резкость и указала на стул, стоящий напротив Анастасии Сергеевны. Ну я и пошёл, поскольку далее отнекиваться было уже не слишком вежливо.

Анастасия Сергеевна взглянула на мою экзаменационную книжку и сказала, естественно, после обмена со мной взглядами:

– Алексей, потише, пожалуйста.

Однако, чего мне было стесняться, когда я знал, что надо говорить, кому говорить и в каком объёме. Экзаменаторша слушала меня, профессорша прислушивалась. Это был не экза-

мен, а песня. После положительного рассмотрения трёх вопросов и одной задачки, Анастасия Сергеевна и профессорша, доктор наук, переглядывались уже между собой.

– Такого замечательного ответа я давно ни от кого не слышала.

Обе принялись исследовать мою экзаменационную историю.

– Откуда у него, интересно, по физике тройка? Как вы можете объяснить, Алексей? – докапывалась профессор химических наук.

– Сам удивляюсь, – пояснил я.

– Перезанимался, – всплеснула руками Анастасия Сергеевна, – больше никакого объяснения быть не может. Голову перегрузил. Я полагаю, за такой сегодняшний успех он достоин высшей оценки.

– Не возражаю, – пробормотала зав. кафедрой, и спектакль для абитуриентов окончился на позитивной для меня ноте.

Учился я в институте очень прилично, почти на одни пятёрки, занимался наукой, сколько мог, участвовал во Всесоюзных студенческих конференциях, на нескольких кафедрах получил приглашения остаться на должности младшего научного сотрудника, но уклонился. Объяснил отказ от науки тем, что, на мой взгляд, медицина переполнена такими драматическими моментами, которые мне следовало бы осознать.

С Борисом мы сдружились бесповоротно.

Сiju я как-то раз в нашей библиотеке, ничего не делаю. Потому, что тоскую. Ни друга рядом, ни подруги, а Лариска, вроде, замужем. Тут, как по заказу, входит Боря. У нас с ним частенько так случалось: Борис заходит в библиотеку, а там я. Я захожу в библиотеку, а там Борис. Заметил меня, подсел.

– Привет, – говорит, – что читаешь?

– Ничего, – отвечаю, – в башку не лезет.

– Это как возможно? Стучилось чего?

– Да, похоже.

– Ну-ка, рассказывай!

– Понимаешь ли, Боря... Вот такая приبلуда.

– Эко ты, братец, заговорил... Друзья научили?

– Тут заговоришь... Скажи, читаешь ли ты журнал «Техника-молодёжи»?

– Да... Кто ж его не читает?

– И я читаю. А читал ли ты, Боря, в последних номерах фантастику Ефремова «Час Быка»?

– Так, просмотрел.

– И я просмотрел. Мне ужасно не понравилось. Особенно, вот эти строчки...

Журнал лежал на моём столе в раскрытом виде, и строчки звучали так:

«...В истории медицины и биологии были позорные периоды небрежения жизнью. Каждый школьник мог резать полуживую лягушку, а полуграмотный студент – собаку или кошку. Если перейти грань, то врач станет мясником или отравителем, учёный – убийцей. Если не дойти до нужной грани, тогда из врачей появляются прожектёры или неграмотные чинуши. Но всех опаснее фанатики, готовые расплосовать человека, не говоря уже о животных, чтобы осуществить небывалую операцию, заменить незаменимое, не понимая, что человек не механизм, собранный из стандартных запасных частей, что сердце не только насос, а мозг – не весь человек. Этот мясницкий подход наделал немало вреда, процветает и сейчас... Вы экспериментируете над животными наугад, несерьёзно, забыв, что только самая крайняя необходимость может как-то оправдать мучения высших форм животных, наделённых страданием не меньше человека. Столь же беззащитны и ваши «исцеляемые» в больницах. Сумма страданий, заключённая в них, не может оправдать ничтожных достижений. Яркая иллюстрация отношения к жизни...»

Борис прочёл, пробормотал:

– Вот бред... И что?

– Я тоже так подумал. О чём и сообщил в редакцию.

– Да ты что! Письмо написал?

– Конечно!

– Какого содержания?

– Простого! Что бред всё это, а вы его печатаете.

– Иди ты! Так и написал?

– Да провалиться... Конечно, в художественной форме. Написал, что произведение крайне слабое, высказывания тупые и бездарные. А более всего меня взбесило – почему это я, студент конкретного второго курса мединститута вдруг полуграмотный? Да у меня почти одни пятёрки! Была одна четвёрка по латыни, так я и ту пересдал! Отчего я вдруг полуграмотный? Базар-то надо фильтровать.

– Молодец! – похвалил Боря. – Ну, ты и молодец!

– Так это ещё не все. А вот, что было дальше...

– Ну-ка, рассказывай.

– Пришёл ответ...

– Какой? Похвальный?

– Ага... Разгромный! С таким ответом в тюрьму не пустят. Вот и сижу, перечитываю...

Наслаждаюсь.

– Ну, дай сюда, – сказал Борис и прочитал такие строки:

– Уважаемый товарищ... Ага... Признаться, весь наш «фантастический» отдел был удивлён, когда мы прочли Ваше письмо. Если бы писал закоренелый неудачник, матёрый злопыхатель, этакая сумеречная личность, ненавидящая фантастику, – мы ещё оправдали бы как-то подобное послание. Но студент-медик? Вы, как это ни прискорбно, не уяснили себе главного в рассуждениях писателя Ивана Антоновича Ефремова – его озабоченности судьбами человеческой цивилизации, его тревоги, боли его за грядущее. Позвольте и Вам в свою очередь задать несколько элементарных вопросов по Вашей будущей профессии.

Уверены ли Вы, что радиоактивные испытания и взрывы ядерных бомб благотворно влияют на биосферу Земли?

Уверены ли Вы, что эксперименты над животными... когда-либо не отразятся ни на ком?

Знаете ли Вы, что в Англии, например, лягушку днём с огнём не сыщешь – полуграмотные препараты изничтожили всё лягушачье царство.

Знаете ли Вы, что на нашей планете полным-полно рек, где уже нет рыбы, и лесов, где нет зверей, что изничтожаются леса, оскверняются озёра?

Тревожат ли вообще подобные вопросы Вас?

Ивана Антоновича Ефремова тревожат. Пишущего эти строки, в прошлом тоже студента-медика, тревожат. Тревожат всех разумных людей, которые читают произведения И. Ефремова на 86 языках во всём мире. Дело вовсе не в том, нравится или нет Вам роман «Час быка». Удивляет категоричность Ваша и глухота к искренним словам коллеги Вашего, между прочим, врача по образованию, полное небрежение к авторитету старшего собрата по науке, между прочим, дважды доктора наук – по палеонтологии и географии. Скажете – слепое преклонение перед авторитетом? На столе у Ивана Антоновича Ваш покорный слуга видел письма от Станислава Лема, Роберта Шекли, Артура Кларка, Кобо Абэ... И, уверяю Вас, пишут они Ивану Антоновичу вовсе не ругательные письма, подобные Вашим. Грустно всё это, товарищ студент. Но если мы не переслали Ваше письмо и наш ответ в вашу молодёжную газету, значит, мы ещё не поставили крест на Вас. Значит, у Вас есть ещё время, чтобы найти в себе силы не выступать от имени всех хирургов нашего отечества. И подпись...

Ю. Медведев, заведующий отделом фантастики журнала «Техника-молодёжи».

Борис окончил чтение и подытожил:

– Так. Письмишко-то поганое. Дай-ка, я заберу всю эту орфографию вместе с журналом, верну через неделю.

– Что будешь делать?

– Как что? Ответ писать.

– Кому, Медведеву? Да зачем он тебе сдался?

– Ну, я найду, кому, – уклончиво сказал Борис, – имею право! Если я узнал, что есть такая ситуация, то должен принять в ней участие. Всё-таки, учитель я или нет? А раз учитель, так надо некоторых товарищей учить.

– Ты мне, во-первых, друг. Уж во-вторых учитель.

– Тем более!

– А ситуация, Боричка, у нас такая, дай, расскажу!

– Рассказывай, что у вас, в меде, за ситуация.

– У нас на курсе пацан один пропал, Петруха. А через год появился.

Снова на первом курсе. Я встретил его, спрашиваю, ты где был? Он мне такое рассказал – уши вянут. Оказывается, был он в тюрьге, год, потом освобожден и восстановился.

– Это как же так, – спросил Боря, – такого быть не может. За что его сажали?

– Да ни за что. У нас решили сделать диспут-клуб между мединститутом и политехом. Его организовали в кафе «Три пятака», это на углу Горьковской и Никитинской. С одной улицы номер дома пять, с другой пятьдесят пять. Там места много. Ну, чтобы по-культурному. И Петруха потащился. Но опоздал немало, приходит, а там страшная драка между институтами, уже в разгаре. Ну, диспут, понимаешь? И менты прилетели, тоже человек пять, стали студентов на две группы сортировать, чтобы просеку проделать между ними, да куда там... Студенты тут же объединились и стали ментов бить уже по-чёрному. До такой степени, что сотрудники от студентов стали отстреливаться. Сначала, вроде, в потолок... Когда Петруха понял, что ничего ему здесь не светит и решил оттуда свинтить, уже в самых дверях, как он рассказал, прилетела ему в попу пуля.

– Не врёт?

– Зачем ему врать? Пострадал человек за просто так, ни подискутировал, ни выпил, ни подрался и пулю получил. Вот здорово!

– Потом что было? Я эту историю не слышал.

– Так ваших, из пединститута, и не приглашали! По слабости здоровья. А то бы слышал, наверняка! Потом к нему, в больницу, приходит наш ректор. А он, ты знаешь, кто?

– Кто?

– Крюков, вот кто!

– И что?

– Неужто не слыхал? Да он у нас зав.кафедрой судебной медицины, доктор наук, автор учебника по судебке, директор Всесоюзного бюро судебной экспертизы! Да я жене его вступительный экзамен сдавал.

– И как успевает...

– Сами удивляемся. И вот приходит он к Петру в больницу, и ботает ему, извините за мой английский, такую шнягу – раз, говорит, пуля из пистолета вылетела и в чью-то задницу попала, то, получается, кого-то надо посадить. Согласен – согласен. А ты зачем, спрашивает ментов бил? Тогда Петруха говорит – как я их бил-то, задницей, что ли? А ректор ему сообщает – какая в этом разница? Ты посиди, подумай, с тебя не убудет. Много не дадут – чистую ерунду. И от эзков прикроют. А как отпустят, я тебя в институте восстановлю. И ты его закончишь – моя, говорит, гарантия. А по-другому ничего не выйдет. Всё-равно ведь плохо учишься.

– И как они решили?

– Договорились. Петруха сел, а шеф его восстановил. Сдержал слово. Он всё выполнит. Если пообещает. И я, Боря, честно тебе говорю, может, не поднимать мне бучу? А то ещё возьмёт шеф и высадит из института? Он у нас человек простой. Ему позвонят – он сделает.

– За что?

– А на комиссии объяснят, за что. За то, что слишком грамотный. И вообще... они литературоведов не готовят.

– Ты комсомолец? – спросил Борис.

– Да.

– Тогда давай не расставаться никогда! О ерунде не беспокойся.

Борис исчез на пару недель, потом объявился, сияющий и довольный.

– Вот, ознакомься!

И положил на стол три печатных листа.

– Уже отправил?

– А как же! Моя инициатива, и ответственность тоже моя. Кстати, коллективная. С Наденькой.

– Кому, Боря? Кому послал-то?

– Ну, копия тебе. Копия главному редактору «Техники-молодёжи». А письмо я направил в ЦК ВЛКСМ, отдел молодёжной печати.

– Посодют... ой, посодют... – бормотал я, читая печатные строки, а Борис только хохотал и отмахивался. В тексте значилось приблизительно следующее:

Уважаемые товарищи... Считаю необходимым высказать некоторые соображения по поводу переписки с Вашим журналом и студентом мединститута, где он высказал несогласие со многими концепциями романа И.А. Ефремова «Час быка». На наш взгляд, о вкусах не спорят, но те мысли автора, которые побудили студента выступить со своим письмом, и у нас вызывают большое недоразумение.

Далее следовали уже приведённые мною цитаты с указанием страницы и строки.

...Автор романа, без всяких на то оснований, пытается устами жителя какого-то отдалённого будущего поучать своих современников, считая свой век «позорным периодом небреженья жизнью», допускает прямые оскорбления в адрес «полуграмотных студентов» и «мясников-врачей», которые делают всё, чтобы развить медицину до тех /предполагаемых/ блестящих высот, с которых И.А. Ефремов предаёт хуле их скромные сегодняшние успехи. ...И никого, в том числе и И.А. Ефремова, и Ю. Медведева не заботит тот факт, что ежедневно – и без малейшего философствования! – миллионы голов скота отправляются, грубо говоря, «на колбасу»... Не вдаваясь в литературную полемику, вероятно, мы не стали бы писать это письмо, если бы не совершенно возмутительный ответ студенту-медику от зав. отделом фантастики Ю. Медведева.

...Вы, товарищ Медведев, как это ни прискорбно, не уяснили себе главного в рассуждениях студента, отделались абсолютно поверхностным чтением его письма, что, в свою очередь, породило абсолютно поверхностный и неглубокий ответ, вернее, отписку, нелогичную по содержанию и оскорбительную по стилю. Это может подтвердить хотя бы то, что вместо ответа на вполне конкретно поставленные вопросы, вы задаёте автору письма свои, абсолютно не связанные по смыслу с содержанием письма и, кстати говоря, весьма тривиальные, давно уже избитые, а порою – просто неумные, например, о трагической судьбе лягушачьего царства/!!!/ в Англии.

...Наконец, кто Вам, мастеру словесного трюка, дал право вести разговор с читателем в таком тоне, что при любом несогласии с Вами называете каждого «матёрым злопыхателем», «сумеречной личностью» и другими, столь же милыми именами? Почему вместо аргументированной защиты понравившихся Вам ефремовских положений, Вы применяете ссылки на многочисленные учёные степени И. А. Ефремова, присовокупив, очевидно, в качестве тяжёлой

артиллерии, имена С. Лема, А. Кларка и других известных писателей? В чём Вы видите «глухоту к искренним словам коллеги» или «полное небрежение к авторитету старшего собрата по науке»?

Последний же абзац вашего, тов. Ю. Медведев, письма, поражает полностью. Подумали ли Вы о том, что у любого читателя вашего журнала после угрозы переслать его письмо в местные газеты с последующими, разумеется, оргвыводами, пропадёт всякое желание не только что-либо писать в редакцию, но и вообще читать журнал!?

Не желая, чтобы впредь репутация журнала подвергалась угрозе со стороны не очень умных его сотрудников, мы направляем копию письма в отдел молодёжной печати при ЦК ВЛКСМ с надеждой, что товарищи из этого отдела помогут Вам разобраться в этом случае.

Б. Д. Борзон, преподаватель кафедры математического анализа педагогического института.

Н. К. Борзон, преподаватель-концертмейстер музыкального училища.

Я прочёл и призадумался. А сказал так: – Что же, ребята... случай редкий. Ваша помощь – экстренная. Своевременная. Спасибо вам. Подождём отдалённого результата.

И результат пришёл, через непродолжительное время. В виде ответа из ЦК ВЛКСМ, естественно, на имя Бориса, с сообщением, что Ю. Медведев был вызван, обсуждён с вручением ему строгого выговора, с предупреждением о частичном соответствии, с клятвенным заверением об извинениях перед автором письма, которые я жду и поныне.

А нету.

Дружба наша с Борисом и Наденькой укреплялась каждодневно. Частенько я бывал у них дома, где за столом, в присутствии отца Бориса Давида Исааковича, мы шумно отмечали победу нашу, совместную с центральным партийным интеллектом, над злобным рассудком центрального же парттехнического журнала. Давид Исаакович служил в соседней райбольнице секретарём КПСС, которую совмещал с должностью врача-эндокринолога.

– Вот так, Алексей, – неоднократно заявлял отец Бориса после первой же рюмки, – видишь эти книги? Считай, что они уже твои. Никто в нашем роду в медицину не пошёл, на тебя вся надежда. А тут у меня книги по всем отраслям науки врачевания. Имей в виду.

Насчёт книг я сомневался – зачем мне старые фолианты, когда есть новейшие издания с последними сведениями, но не спорил, чтобы случайно не выразить небрежение к авторитету старшего коллеги. Лишь однажды мне пришлось дискутировать с Давидом Исааковичем и примкнувшим к нему Борисом, когда он лично устанавливал электрический дверной звонок и пытался перерезать двойной провод пополам, чтобы потом соединить концы через кнопку. Спустя полчаса живейшей дискуссии, моя монтерская позиция возобладала над Борисовым и его отца эмпириокритицизмом, звонок ожил и выдал первые трели. По кому он звонил – было неясно. Возможно, по критицизму.

За учёбой время летит быстро. Будучи врачом-интерном, я пришёл для практики на первое в своей жизни дежурство в ту самую Октябрьскую райбольницу, что располагалась рядом с нашим домом. В небольшом трёхэтажном здании сталинского ампира размещалась поликлиника и лаборатория на первом этаже, на втором – стационар на пятьдесят коек, также кафедра пропедевтики внутренних болезней, а на третьем этаже был зал для чтения лекций и проведения конференций. Там выступал с лекциями сам профессор Зиновий Соломонович Баркаган, горячо любимый и уважаемый как студентами, так и практическими врачами. Вот уж народу набивалось в этот зал, когда выступал заведующий кафедрой! Действительно, лекции его скорее напоминали выступления актёра высокого разговорного жанра.

Однажды он выразился так:

– Дорогие друзья! Напоминаю вам, что перечень терапевтических заболеваний по списку базельской конференции превышает тридцать тысяч наименований. Только наименований! Ни в одной науке не найдётся столько терминов. А у нас – одних только наименований... Точнее,

нозологических единиц тридцать тысяч. Запомните: никогда не следует говорить, что вы знаете терапию. Я терапию не знаю.

И раскланялся под бурные аплодисменты. Мне подумалось – жизнь есть театр. Медицина тоже.

На первое своё боевое дежурство я пришёл как положено, без пятнадцати минут двенадцать, именно в такое время происходила смена персонала в маленьком плановом стационаре, не принимающем ни крайне тяжёлых, ни экстренных пациентов. Сразу прошёл в ординаторскую, где уже хорошо одетая по осенней непогоде, сидела на диване моя предшественница по смене, участковый врач Алиса, старше меня года на два. Она была на меня очень, очень сердита.

– Что за опоздания! – выговаривала мне она. – Пораньше можно приходиться?

– Я и так без пятнадцати...

– А переодеться?.. А принять отчёт? Кто будет отчёт принимать – Александр Сергеевич?

– Уже... Готов! Слушаю!

– В общем, всё спокойно, – докладывала Алиса на ходу, – больных двадцать пять человек, все живы-здоровы, в седьмой палате женщина беспокойная, утром пришла своими ногами, сейчас что-то расхворалась, взгляни на неё. Всё, ухожу.

Я сразу забеспокоился.

– Постой уходить-то! Давай вместе!

– Нет, нет. Очень тороплюсь. Сам разбирайся.

И улетучилась. Оставила нас вдвоём с медсестрой. Больше никого из медиков в больнице не было.

Я ринулся в палату номер семь. То, что я там увидел, привело меня в ужас. Женщина умирала, а рядом сидел её муж и тихо плакал.

Кома ли, прекома, разбираться некогда. Короче, сахарный диабет, что ещё-то... Сказал медсестре, чтобы всё бросила, только со мной занималась. Молниеносно воткнули в оба локтевых сгиба капельницы с физраствором и с инсулином, вливали струйно. Я почитал Историю болезни – не История, а филькина грамота. Утром женщина сама пришла в больницу, с мужем, в девять часов, а в одиннадцать – уже кома. Никто не занимался, анализов нет, есть только консультация эндокринолога Борзона – данных за диабет не выявлено.

Звоню Борзону.

– Здравствуйте, Давид Исаакович, – говорю ему как лучшему другу, – вот у меня, в больнице, женщина, которую вы позавчера смотрели, так у неё кома! Вы не придёте, повторно не посмотрите?

– И что, – говорит, да таким вдруг чужим голосом, – что кома? Конечно, не приду. У меня выходной сегодня. Это, во-первых. Во-вторых, нет у неё никакого диабета, я там чётко написал.

– А что мне делать?

– А я откуда знаю? Занимайся! Ищи инфаркт!

И отключился.

Что я ещё успел сделать... Сначала вызвал на себя дежурную лаборантку через «Скорую помощь», пока за ней поехали и привезли из дома, выломал дверь кабинета ЭКГ, поскольку она оказалась на замке, достал кардиограф, записал плёнку. Что я на ней мог увидеть? Да, нарушения трофики миокарда... Ещё я дозвонился с перепугу начмеду, та вызвала главного врача и обе рванулись ко мне, на помощь. Молодые были... Лаборантка успела крикнуть:

– В крови сахар сплошной!

Я увеличил дозу инсулина, но сердце остановилось, массаж не помог.

Ворвалась администрация.

Главный врач спросила:

– Слышь, Алексей, тебе нашатырю дать?

Я отмахнулся.

Начмед добавила:

– Хлебнул горя. Теперь возьми Историю и распиши в ней всё по минутам. И когда эндокринолога вызывал, когда дверь сломал... какие делал назначения. Я почитаю. А тебе спасибо уже за то, что хоть с диагнозом похоронил.

Лечебно-консультационная комиссия состоялась почти через месяц. Я докладывал Историю болезни, и на меня народу собралось – ну как на Баркагана. Комиссия разбирала случай недиагностированного, скрытого и нелеченного диабета, а в углу конференцзала глухо рыдала Алиса, участковая терапевтесса.

Главный врач ей заявила:

– Тебе строгий выговор, оправданий нет, говорить не о чём. Сиди и слушай.

Я доложил всё, как было. Публика безмолвствовала.

Вопрос возник у главного врача.

– Скажите, Алексей, вы звонили нашему эндокринологу?

– Да.

– О чём вы его спрашивали?

– Ну, – замылся я, – спрашивал, насколько он уверен, что у женщины нет диабета.

– Что он сказал?

– Сказал, что уверен...

– Вы приглашали его для повторного осмотра?

– Да...

– Он что ответил?

– Вообще, у него был выходной...

– Давид Исаакович, объясните, пожалуйста, вашу позицию.

Борькин отец, не вставая со своего места в задних рядах, разорался вдруг так громко, что я ещё не слышал такой ругани ни в свой, ни в чей-либо другой адрес.

– А ты кто такой?! Ты где учился?! Тебя кто учил?! Ты зачем в больницу пришёл?! Тебя кто сюда пустил?! Ты хоть что-то в медицине понимаешь?! Надо человека спасать, а ты по телефону разговариваешь! Что было тебе неясного?! Тебе моя консультация не нравится?! Можешь вообще ко мне никогда не обращаться! Что ты умеешь?! Умеешь хоть что-нибудь?! Кроме того, что жаловаться! Таких как ты взашей надо из больницы гнать! Недоучек!

Вот завёлся... И долго бы он, похоже, орал, если бы начмед его не оборвала. А я и не знал, что теперь со мной будет. Выгонят – не выгонят... Или в тюрьму посадят... Да чтоб ты провалился, подумал я, примочка партийная. Он и на других также орал, как мне потом объяснили. И на посетителей. Кто на пять минут опоздает на приём, тот пошёл вон. Горлан-главарь, наставник хренов...

Финал оказался неожиданным: Давиду Исааковичу вклеили очередной строжайший выговор, а мне – благодарность за профессионализм и оперативность при оказании помощи тяжёлой больной. Какой профессионализм?.. Какая оперативность... Благодарность есть, а человека нет.

Давид Исаакович умер через два месяца после этого случая. От саркомы голени. Она, вообще-то, болезнь молодых, пожилые не болеют такой гадостью. Саркома Юинга... Два месяца и течёт от начала заболевания. Странно всё это.

Вскоре, кстати, такое понятие вошло в родную речь – оборзеть. Обнаглеть, в смысле. От фамилии Борзон, я полагаю. От чего ещё-то? Борзых развелось...

После интернатуры, я принёс свою трудовую книжку в городскую больницу скорой помощи, в отделение травматологии и ортопедии. А в трудовой книжке у меня, ещё со школь-

ных времён, сияла одна-единственная запись: «Принят на должность ученика слесаря-автотракторного цеха Управления механизации № 211».

Целых два месяца в первом своём родном отделении я отработал почти субординатором, помогая всегда, всем и во всём. На дежурствах оперировал, даже без ассистентов. Но меня строго контролировали и много ругали потому, что так положено. Зато мне так здорово помогал мой приятель Славка, ассистент кафедры травматологии, что это даже сейчас, по прошествии времени, невозможно себе представить. Учил, как мог.

– Лёха, – объяснял он мне, – ты, главное, не пугайся. Знай: чем страшнее рана, тем меньше оперировать. Запомни такую вещь: ты рану человеку не наносил! И ты заранее ни в чём не виноват! Ты оказываешь помощь, и всё! Ты должен обработать рану! Ты должен вправить кости! Устранить вывих! Сопоставить отломки! Убрать нежизнеспособные ткани! И всё! Да неужели ты не сможешь это сделать? Сможешь! На другой день шеф будет окончательное решение принимать! Главное для тебя одно: когда конечность ампутируешь – смотри которую. Если, не дай Бог, ампутируешь по запарке здоровую – твой трудовой порыв ни один прокурор не оценит.

И так меня Славка застрашал этим ярким примером, что я всякий раз, когда шёл на операцию – хоть сам, хоть ассистентом – всегда проверял, какая в данном случае конечность нуждается в хирургическом вмешательстве.

Вот дело и пошло. Ещё бы, с таким другом... Славка так подробно объяснял мне любую операцию, что её ход во всех деталях я себе представлял, будто мне показывали мою предстоящую хирургическую деятельность на экране большого телевизора. Вскоре я осознал, что если меня не хвалят, это значит – не ругают! Уже здорово.

Действительно, в скором времени собирает нас Шеф на утреннюю конференцию объявляет, кому из врачей какая досталась палата для дальнейшего лечения. Выдали и мне, на равных со всеми, две палаты – мужскую и женскую. Да такие огромные – человек по пятнадцать в каждой. Я многих из пациентов уже знал в лицо, и раны им перевязывал, и оперировал кое-кого из них, но не всех. Потому собрал я истории болезней и стал детально знакомиться со вверенными мне людьми. Но тут вдруг прибегает ко мне сестричка и сообщает, что меня вызывает шеф. Я, конечно, растревожился, ибо Шеф просто так, сказать спасибо за доблестный труд, никого ещё не вызывал. Но пошёл, куда б я делся, в самый разгар увлекательного чтения.

Шеф был в кабинете не один, с ним рядом за столом для конференций находился ещё один из наших знаменитостей, зав. кафедрой травматологии и ортопедии. Зав сидел совершенно расслабившись, по-европейски: одна рука на спинке дивана, нога на ногу и при этом откровенно покачивал тапком, свободно висящим у него на первом пальце правой стопы.

Шеф указал мне взглядом на стул и сказал после паузы, которая показалась мне очень длинной:

– Алексей... У тебя в женской палате лежит девушка, восемнадцать лет. В правом углу, знаешь? Она недавно, четыре дня...

Я говорю:

– Видел однажды. Её как-то в палате нет. Обычно отсутствует.

Пока не видел. Не успел.

– Тут, понимаешь, вот какое дело... Плохая рана у неё. Я сегодня смотрел, можешь не перевязывать. Запись мою почитай в истории. У неё разможжение стопы, передний отдел, вся гноем пропитана.

– Так я займусь! Приложу все усилия!

– Не суетись, зачем нам твои усилия... Там надо ампутировать, с первого дня было ясно. Стопа нежизнеспособная, понял?

– Ну, с ваших слов... А раньше почему не ампутировали?

– Отказывается. Категорически.

Тут подключился Зав.

– С ней толком никто не занимался.

Шеф возмутился:

– Как не занимались?! А я тебе кто!

Зав махнул рукой:

– Да, на четвёртый день. Прощёлкали... Слышь, Алексей, её какой-то дежурнт принимал, в пятницу. Рану толком не промыл, гипс набросил, и всё.

– Да не какой-то, – огрызнулся Шеф, – а заместитель заведующего городской ВТЭК. Ну, наш друг...

– Так вот ему готовая инвалидка! – буркнул Зав. – Пусть сам теперь расхлёбывает.

– Я с ним разберусь лично... А ты, Алексей, слушай сюда. Вот тебе первое задание. Ты, как раз, сегодня дежуришь... Поговори с ней. Надо, чтобы она согласилась на ампутацию. Как хочешь. Проверка твоим врачебным способностям. Дальше тянуть некуда, стопа размята в порошок. Вся гноем пропитана. Ждать, пока почки у неё откажут, не будем. Тебе всё ясно, Лёша?

– Нет, – сказал я, – не всё. Я сам её сегодня перевяжу, можно?

– Тебе это зачем?

– Посмотреть хочу.

– А-а... Посмотреть, значит? Ну, посмотри. Только моё задание ты исполнить должен. Сегодня – её согласие, завтра – операционный день. Вместе с тобой идём. Я ставлю в операционный лист нас первыми. Анестезиологи знают, можешь не предупреждать. Иди, действуй.

– Нет, постой, – сказал Зав. – Дай мне твои очки...

Я ничего не понял, но снял очки и передал их Заву. Я их носил, вообще-то для серьёзности. Никто меня за врача особенно не принимал, по-малолетству. Я мог и без очков, но так, привык. Пока на мотороллере ездил. Но по диоптриям не такие уж они были сильные. И оправа дрянь. А зачем мне была нужна хорошая оправа? Драки случались время от времени. Всё по той же причине: за взрослого никто не принимал. Как-то приходилось объясняться.

Зав долго прилаживался к очкам, чтобы взглянуть на меня сквозь стёкла. Мы с Шефом ждали, какую он шутку сейчас выкинет, чтобы разрядить обстановку. Зава любили все. Ценили, понимали, чем он и пользовался. Артистом был, но не по театру, а по жизни. Высокий, худой, изысканный – настоящий аристократ. Медсёстры таких даже побаиваются – мало ли, какую шутку подстроит. В основном, любовь разыгрывал... Это я знал только по разговорам, но на всякий случай подготовился. Чтобы не клюнуть на розыгрыш. Наконец Зав изрёк:

– Шеф, ты знаешь, мы перед Лёшкой выгибаемся, умные рожи строим, учёные слова произносим... А он смотрит на нас с тобой сейчас, когда в очках, и думает – какие же они оба мелкие... Хочешь – сам глянь.

Шеф меня рассматривать отказался – его очки были намного толще моих. Тогда я нацепил на нос окуляры и вышел из кабинета. Я уже знал, что мне делать.

Прежде всего, я перевязал всех остро нуждающихся, потом подошёл по очереди ко всем работающим медсёстрам с одними и теми же вопросами: кто эта девочка, где сейчас находится, с кем живёт, кто к ней приходит и что, вообще, с ней случилось. Складывалась такая картина, нуждающаяся, конечно, в подтверждении.

Девушка Анастасия, не поступивши в институт, устроилась под начало родного дядьки на секретный завод, где и трудилась до травмы в должности распределителя технических заданий. Но поскольку это была не девушка, а вихрь, да ещё и безнаказанный, то она имела склонность к нарушению техники безопасности. По такой причине она улучила минутку и поехала кататься на электрокаре, не имея на этот агрегат никакого доступа. Это была такая модель, на которой стоят спереди и управляют двумя рукоятками, торчащими с боков, и педалью. Так разогнать она эту телегу разогнала, а потом врезалась в стену. Поскольку стопа у неё свисала в тот момент

с водительской площадки, постольку на неё и пришёлся удар корпуса транспортного средства, приведший её в нашу городскую юдоль скорби и печали.

Вооружившись такими сведениями и глубоко вздохнувши, я распорядился взять девушку на перевязку, а поскольку её нигде, ни в одной палате не было, сам пошёл на розыск. Обнаружить Анастасию мне удалось по внешним приметам в окружении подружек, уверенно стоящую на костылях и одной ножке. Когда я решил оторвать её от захватывающей беседы, поймал себя на том, что чуть-чуть не назвал её по имени Лариса.

– Анастасия! – сказал я очень строго.

– Чего? – оборотилась она ко мне с недовольным видом.

– Того, – ответил я почти в том же тоне, – что изволь, девушка, на перевязку.

– С какой радости? – фыркнула она. – Меня уже сегодня перевязывали. Хватит.

– А я говорю – пошли.

– Слушай, – возразила Настя, – ты кто такой?

– Я, заметь, твой новый врач. Травматолог-ортопед. С сегодняшнего дня.

– С сегодняшнего дня? А раньше кем работал?

Девушки хихикнули.

– Да где как. В разных местах. Вот пойдём, всё тебе расскажу, – ответил я и подумал: главное – заинтриговать.

– Пошли, – вздохнула Настя, – а мне хуже не будет?

– Не будет, – успокоил я девушку. – Потому, что хуже некуда, ты даже не сомневайся.

Прискакали мы на трёх ногах в гнойную перевязочную. Снял я бинты, гипс, и всё это, для начала, выбросил. Медсестра чтоб не сомневалась – нога попала в другие руки. Посмотрел рану со всех сторон. Составил такое впечатление, что я хоть молод и, возможно, глуповат, но стопа у девушки живая. И девушка живая, даже слишком, так и вертелась, сидя на каталке, так и подтыкала со всех сторон под себя халатик, чтобы мне никак не удалось увидеть, что там на ней ещё надето. Сплошная синегнойная палочка, обломки костей, лишённые надкостницы, дефект мягких тканей, но пальчики розовые. Вот, что я увидел. Это был шанс.

Соорудив новенькую повязочку, с бантиком из марли, мы с ней вышли в коридор для серьёзного разговора, который, правда, никак не получался. Слишком смешливая досталась пациентка. И непоседливая.

– Ну, что, Настенька, – сказал я ей, – как ты насчёт ампутации?

– Я? – удивилась Анастасия. – Никак! Я уже говорила. Нет, и всё. Можно идти?

– Нет, нельзя. Ты знаешь, что может быть?

– Знаю. Я лучше умру. И вообще, мне уже хорошо. Ты слышишь? Как ты перевязал мою ногу, она больше не болит.

– Тогда скажи... Ты зачем там, на заводе, взяла этот самокат? Тебе разрешал кто-нибудь?

– Нет. Сама взяла. Просто захотела и взяла.

– Ага... – сказал я очень глубокомысленно. – А дядюшка твой там же работает? Он на твоём заводе кто, замдиректора?

– Нет, – насторожилась Настя. – Начальник отдела...

– Значит, начальник, – продолжал я гнуть свою линию. – Так ты вот что должна знать: если с тобой что-нибудь случится, я дядьку твоего в тюрьму посажу. Можешь быть спокойна.

– Дядю... в тюрьму... А за что?

Тут уж я знал, что ответить.

– Ему на суде объяснят, за что. За тебя, конечно.

– Не может быть.

– Может. Ещё как может. Ты меня не знаешь. Я лично заявление напишу, и вся больница его подпишет. Тебя, видишь, все любят, а ты никого не слушаешься. Только здесь не завод. У нас всё по-взрослому. Чуть что не так – сразу тюрьма. Понятно?

– Понятно, – пролепетала Настя.

– Тогда вот здесь распишись...

Анастасия расписалась в указанном мной месте неизвестно за что, потому как глаза её были полны слёз. Сразу же после смеха. Но рядом находились подписи её родственников о согласии на операцию.

– Слушай, – сказала она мне напоследок. – Ну давай хотя бы только пальцы...

– Настенька, ты ведь знаешь. Нам с тобой пятка не нужна. Мешаться будет. Потому – в нижней трети голени...

Я проводил её до постели, где она и упала лицом в подушку.

А меня в коридоре ждали уже всёпонимающие медсёстры.

– Вас к Шефу, Алексей, – сказала мне старшая.

Шеф сидел за своим столом, весь напряжён и лицом черен.

– Рассказывай. Что там у тебя, насчёт девчонки, – потребовал он.

Я положил перед ним историю болезни.

– Там её подпись.

– Согласна?.. Хорошо. Завтра в девять. Первым номером. Ты ассистент. Только запомни: когда я говорю, в девять, это не когда больного в девять в операционную подают. В девять начало операции. Начало операции, это когда разрез кожи. А если в девять только человека завозят, это называется задержка. Задержка операции! Надо повторять или не надо? Всё, свободен.

Я подумал тогда – что же это он такой сегодня дёрганный? Я уже всякого его видел, и весёлого, и сердитого, и раздражённого, но такого – впервые. Мне показалось, что мои приключения ещё только начинаются.

Действительно, вечером того же дня, когда всё начальство разошлось по домам, а в отделении осталась только дежурная служба, я встретил вверенную мне Анастасию, летящую по коридору на костылях, будто на своих двоих ножках, весёлую, улыбающуюся, смеющуюся, поскольку другой Анастасии просто не могло быть. Она подлетела ко мне уже как к родному брату.

– Лёша, – предерзко обратилась она ко мне, – скажи, ты правда врач или нет ещё?

– Врач, самый настоящий.

– Так если ты, Лёша, врач, так и лечи меня! Ты один раз только на меня сегодня посмотрел! Ну, – она слегка смутилась, – на ногу мою. Так мне уже легче! Лучше! Ничего не болит! Да я на пятку уже нормально наступаю!

– Ну, что пятка... Она ведь у тебя здоровая.

– И остальное всё пройдёт, я знаю! Слышишь, врач! Или не врач!? Полечи меня, Алёша! Чему тебя учили? Неужели ты только ноги умеешь обрезать?

Один костыль у неё упал, второй сама отпустила и вцепилась за мою шею обеими руками. Ну, можно сказать, обняла. При всём при этом Настенька почти кричала, её было слышно по всему отделению. Я не могу сказать, что дежурные медсестрички в этот момент рыдали, но ближайшая ко мне явно смахнула слезинку. Я это видел. Затребовал у неё Настины документы, она их мне вручила, вместе с самыми свежими анализами.

Рассмотрел всё заново, благо, нашлась свободная минутка. Но, если бы даже она и не нашлась, решение внутри меня вполне созрело.

На рентгеновских снимках её ножонка выглядела ужасно – месиво из костных отломков. А при осмотре не так страшно. Анализы неплохие, почти в норме. Настроение боевое. Ну, чувствую, мне осталось провозгласить решение.

– Хорошо, – изрёк я Настеньке и всем окружающим, несмотря на охватывающий меня ужас ответственности, – уговорила. Только до первого нарушения. Чтобы я по больнице за

тобой не бегал. Каждое моё слово исполнять! Иначе, вы с дядькой останетесь, а я в тюрьму сяду. Вот операционная – помни.

Девчонки сели на диван плакать, а я пошёл звонить Шефу. Когда он взял трубку, мне показалось, он ждал моего звонка.

– Алексей, – прохрипел он, хотя, когда орал на сестёр или субординаторов, демонстрировал просто оперный голос, – что случилось?

– Вы не беспокойтесь, всё в полном порядке, – уговаривал я его, как прекрасную Маркизу. – Я операцию отменил.

Тут он уже не захрипел, а зарычал:

– Это кто же тебе позволил!? Кто ты, вообще, такой? Ты, вообще, откуда здесь взялся!? Тебя кто в отделение впустил?

Я понял, что Шеф под наркозом. Стыдуху, стало быть, заливают. Очень хорошо.

– Докладываю, что я ваш врач, а не слесарь. Потому, категорически против операции. Прошу у вас неделю для интенсивной терапии.

– Хорошо, – перебил он меня. – Если за неделю не будет улучшения или вообще, что-нибудь с ней случится, учти, я тебе голову оторву.

И бросил трубку. На рычаг или на пол – этого я никогда уже не узнаю.

Естественно, в коридоре меня встретили тревожные взгляды – все знали, каков у Шефа характер. Они только не знали, каков характер у меня. Да, слабый. Время от времени.

Так я девушкам и сказал:

– Всё в порядке. Завтра операции не будет, скажите анестезиологам – никакой премедикации. Действуем, как договорились. Настя быстро умывается и идёт спать. Завтра продолжим эту тему. Остальные – по местам.

Утром всё шло по заведённому расписанию. В восемь часов – конференция, в девять – начало операции. Но уже другой, на которой ассистировать я чести был не удостоен. Шеф с утра со мной не поговорил, даже не удостоил взглядом – ясно, был настроен на большие операции, а уже потом, по окончании операционного дня, плотно со мной пообщаться. Да и Зав, я знал, тоже оперировал сегодня на втором операционном столе. Потому, у меня было время полистать учебник, раздел гнойной хирургии, и посоветоваться с моим другом Славкой. Даже Анастасию перевязать успел. Даже поговорить с ней успел, очень по-деловому. Когда она взгромоздилась на стол вытянула перед собой травмированную ногу, я спросил напрямик:

– Анастасия! Жить хочешь?

– Да! А что?

– А хочешь жить хорошо?

– Ну да, – пробормотала Настя, – конечно.

– Прошу прощения, – продолжал я, разматывая бинты, – буду лечить жёстко. Даже жестоко.

– Я согласна!

– Настя, погоди... Главное, чтобы я был согласен. Понимаешь, будет больно. Придётся терпеть.

– А кричать можно будет?

– Кричи, хоть закричись. До тех пор, пока не надоест. Вот... А как только тебе надоест кричать, ты мне скажешь. И на этом твои мучения окончатся. Поняла?

– Поняла, – отрапортовала Анастасия.

– Тогда начинаем.

Ничего особенного я не делал, кроме предусмотренных манипуляций. Пожалуй, старательно, до крайности. Но когда дело дошло до антибиотиков, я выбрал самую толстую костную иглу и воткнул Насте в пятку. Потом в самый большой шприц набрал дозу и ввёл Настеньке

внутрикостно под жгутом. Ну, чтобы всю стопу промыть и освободить от всякой гадости. Вот это было визгу! Как мы тогда не оглохли... Я спрашивал, по-честному:

– Давай, Настенька, бросим это дело! Я, так хоть сейчас готов. Ну, говори!

Настенька сказала:

– Лёша, можно я за тебя держаться буду?

– Держись, – ответил я, – только работать не мешай.

Тут Настина стопа как раз впала в анестезию. Я сделал апертуру на подошве, контрапертуру снаружи, выдавил старую гематому, собственно говоря, что давно надо было сделать. Инфицированную стопу обезболить трудно, потому наши крики разнеслись на всю округу. Зато всё наше отделение травматологии и ортопедии узнало: процесс пошёл.

В тот день я Настю перевязывал в последнюю очередь, потому Шеф закончил свой операционный день раньше меня, прилетел на крик и сунул нос в перевязочную. Ничего не сказал, только головой кивнул – ну, чтобы я, как всё сделаю, сразу к нему. А мы с Настей не торопились. И боль прошла.

– Как? – спросил я напоследок. – Страшно было?

– Нет, – ответила Настя, постепенно приходя в себя. – Не очень.

– А больно?

– Ужасно... – созналась она. И тут же заявила:

– Буду! Буду, буду терпеть!

В кабинете меня встретили те же лица – Шеф и Зав. Лица пили чай, и мне плеснули заварки.

– Запомни, – произнёс Шеф, – настоящий травматолог пьёт чай только без сахара. С сахаром – это в детском саду. А у нас, в крайнем случае – вприкуску.

– А ещё что важно, – добавил Зав, – это никогда ни в чём не сознаваться.

– Это как, – не понял я.

– А так. Не сознаваться, и всё. Сознаешься – нет у тебя шансов. А если не сознаешься – пусть доказывают. Может, ещё и отступятся. Вот, к примеру, пришла к тебе комиссия и, скажем, сняли тебя за попку с женщины. Ну, так получилось. А ты всё равно не сознавайся. Говори – не успел. И всё! А раз не успел, значит – аморально устойчив. Понял? Так и дыши.

Я выпил чай с печеньем и конфеткой.

– Что там у тебя, – спросил Шеф. – Рассказывай.

– Промыл, некроз убрал. Удалил старую гематому со стопы. Кубиков тридцать. Чистая. В пятку поставил постоянную иглу для инъекций. Загипсовал. Окно оставил для перевязки.

– Антибиотики те же вводил?

– Те же пока.

– Почему? Взял пробу на чувствительность?

– Да там один синий гной!

– Я спрашиваю, – разорался Шеф, – брал или нет?!

– Ещё вчера. И сегодня.

– Чтобы анализы были каждый день. Ещё что-нибудь предлагаешь?

– Да, – совершенно осмелел я. – Прошу разрешить прямое переливание крови.

Шеф и Зав переглянулись.

– Это ещё тебе зачем?

Я не успел ответить.

– Пусть, раз он так хочет, – махнул рукой Зав. – Деньги найдёшь?

– Начмед, я думаю, всё подпишет.

– Тогда пусть. Крайний случай. Будешь делать сам. Я тебе сказал – сам будешь переливать. И сам за всё ответишь. Давно кровь переливал?

– Переливал, – ответил я. – Сделаю.

– Тогда до завтра. И срок тебе неделя.

На том я и попрощался, хотя, никакого вдохновения или радостного напутствия я от Шефа не получил. Было ясно одно: Зав на моей стороне. Понятное дело, экспериментальное направление науки. Изучение меня самого. Пусть изучают... Я в этом отделении сегодня – первый табурет от двери. Но Настю в этот день я ещё встретил, даже несколько раз. Улыбающуюся. Всю такую мимолетящую. Я ей сказал:

– Запнись, только попробуй! Давай, выломи мне иглу из пятки! Я тогда буду в ногу тебе болт завинчивать. Или забивать.

Настенька порозовела, расцвела и засмеялась. Вообще, бледнолицую её я ни разу не видел.

– Не, – ответила она в полёте, – пятка у меня полотенцем замотана!

Тогда я подумал так: «Что, в конце концов, ничего ведь никому не будет плохого, если я попытаюсь заглянуть в будущее, как смогу, и посмотреть на Настю, как она будет выглядеть, например, через неделю. И напряг я в тот момент все свои духовные и душевные силы, внутренне сосредоточился и увидел Настю через неделю на двух ногах. Как я ни напрягался – Настя на двух ногах, и точка. Тогда я решил заглянуть вперёд на месяц – всё нормально. На три – нормально. Ну, тогда уже я напрягся изо всех сил, даже задержал дыхание, даже сжал на всякий случай кулаки и увидел прекрасную Настю, стоящую на двух ногах. Всегда. Значит, от меня всё и зависит. Это исследование успокаивало больше, чем относительно мирное настроение начальства. Что попросил – то дали. Всё верно, я на правильном пути.

Уже на следующий день, перед обедом, в ординаторскую влетела старшая медсестра и срочно потребовала меня на переливание крови. Не на простое, а на прямое. Большая редкость, даже по тем временам. Но у меня за спиной были два года студенческого научного общества и две статьи как раз по гематологии, отчего я смело вошёл в чистую перевязочную, где никого ещё не было. Только стеклянный столик и две кушетки. На столике стояли два флакончика с кровью, блюдечки, двойные комплекты сывороток. Заново определил и перепроверил группы крови, и резус-фактор, и биологическую совместимость, потом пригласил войти доноршу и реципиентшу. Естественно, к этому времени я уже был одет в стерильный операционный костюм.

Под руку вошли два ангелочка, улеглись на кушетки, переглянулись очень по-взрослому. На меня даже взгляда никто не бросил, даже надежды на выздоровление никто не выразил. Видимо, во мне никто пока не сомневался.

– Можно? – спросила старшая операционная медсестра.

Я сказал:

– Начинайте.

В обоих локоточках появилось по катетеру с зажимами, тут же у меня в руках появился первый большой шприц с тёплой-претёплой кровью. Если из флакона переливать, такого ощущения не возникает. Флакон берётся из холодильника, лишь немного подогревается перед употреблением, а медсестричка горячая, прямо с рабочего места. От желающих Настеньке помочь отбоя не было.

Девушки лежали очень серьёзные, такими я их ещё никогда не видел. Биологическая проба демонстрировала совместимость. Я один за другим перелил Насте пятнадцать полных шприцев с кровушкой дежурной медсестрички. Ни капли не пропало, ни одного сомнительного анализа не обнаружилось, никаких ближайших осложнений. А то, что голова у меня кружилась с голодухи и руки немного тряслись от напряжения было абсолютной мелочью как для меня, так и для окружающих.

Что я тогда подумал – новичкам везёт. Но как долго? И в ту же секунду я принял на себя такой обет, не знаю, как сказать по-другому... С этого момента Настина нога будет моей ногой. Если она теряет свою ногу, то я тогда теряю свою. И пусть сбудется то, что я сейчас замыслил.

Несколько дней я ходил как в воду опущенный – рана почти не заживала. Сине-зелёная палочка, правда, исчезла почти сразу, да я знал, что она дохнет очень быстро, только займись ею. Спал отёк, температура снизилась почти до нормы, но дефект кожи срастаться не собирался. По-прежнему в глубине раны видны были безжизненные костные отломки. Настины щёчки-ямочки, писки, крики и щебет – всё отошло в сторону, о чём говорили мы тогда с ней, не помню. С ногой ничего ещё никому не было понятно. Но – не хуже, значит, лучше.

Я знал, такие бывают травмы, что лучше было бы сразу ампутировать. У нас лечился один тракторист, до меня ещё, которому собственный трактор по голени проехал. Так получилось. Выпал человек из трактора на ходу – что делать... Мы ему два года ногу спасали, совсем замучили. И он нас всех проклял – два года ни выпить, ни закусить. Так, с проклятьями, в Москву и уехал, в ЦИТО. На дальнейшее излечение. В общем, в голове моей всякие ужасы клубились. Особенно в первое время. Ещё дважды повторил прямое переливание крови. Зав на меня поглядывал сочувственно, а Шеф крайне раздражённо, в смысле – давай, давай, трепыхайся, лекарь-аптекарь. Сооруди девчонке незаживающую рану. Я было подумал о кожной пластике, да рано ещё – не на голые же кости сажать. Будет остеомиелит. Сто процентов. Но по времени меня уже никто не ограничивал. Десять дней как десять железнодорожных составов пронеслись на фоне моих процедур и манипуляций. Меня трясло, а ясность не наступала. Хотя иглу из пятки я уже удалил.

Но вдруг в один из прекрасных дней утром, собираясь на работу, я почувствовал себя хорошо. Проверил собственную ногу – тоже неплохо, всё на том же месте. В общем, нормально. И на работе без нервогрёпки. Когда дошло дело до перевязки, что я увидел! Кожный дефект сократился чуть не в два раза! И это не всё. Приглядывался я к ране, приглядывался, никак не мог понять, что меня удивляет. Отошёл в сторону, подумал, спросил у Насти:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.